

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: sociology@bsu.by
Заместитель главного редактора	ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylin@bsu.by
Ответственный секретарь	ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru
Агилера М.	Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П.	Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А.	Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П.	Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л.	Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н.	Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И.	Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Косецки А.	Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
Купченко В. Е.	Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А.	Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С.	Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А.	Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Новиков В. Т.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Порус В. Н.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г.	Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б.	Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Стёпин В. С.	Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Терещенко О. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Фурманов И. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шатравский С. И.	Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А.	Академия последипломного образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary **DOBRORODNII D. G.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
- Andryushchenko V. P.** National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Beznyuk D. K.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Vodopyanov P. A.** Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
- Wolfert P.** University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
- Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Danilov A. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhuravlev A. L.** Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Zelenkov A. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Ivanic P.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Karamushka L. M.** N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Kirvel C. S.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Kozlovski V. V.** Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
- Koroleva I.** Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
- Kosecki A.** Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
- Kupchenko V. E.** Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
- Lazarevich A. A.** Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Laptenok A. S.** Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
- Mazilov V. A.** Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
- Novikov V. T.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Porus V. N.** National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
- Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rumyantseva T. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Slepovich E. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stelingowska B.** Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
- Stepin V. S.** Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Tereschenko O. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Fourmanov I. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shatrauski S. I.** Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Jakubovská V.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Yanchuk V. A.** Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
- Yaskevich Y. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 316.4

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Охарактеризована специфика сетевого общества, выявлена социокультурная обусловленность его возникновения и развития. Подчеркивается мысль о том, что творцом сетевого общества, движущей силой его развития является целенаправленно действующий креативный человек. Теоретически эксплицированы структурные компоненты сетевой коммуникационной топологии.

Ключевые слова: сетевое общество; социокультурная обусловленность; структурные компоненты сетевой топологии; креативный человек.

SOCIO-CULTURAL CONDITIONALITY OF SOCIAL NETWORK DEVELOPMENT

Y. M. BABOSOV^a

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Surhanava Street, 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus

The specifics of the network society are characterized, the socio-cultural conditionality of its emergence and development is revealed. It is emphasized that the purposefully working creative person is a creator of the network society, a driver of its development. Structural components of the network communication topology are explicated in theory.

Key words: network society; socio-cultural conditionality; structural components of network topology; creative person.

Образец цитирования:

Бабосов Е. М. Социокультурная обусловленность развития социальных сетей // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 4–11.

For citation:

Babosov E. M. Socio-cultural conditionality of social network development. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 4–11 (in Russ.).

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Yevgeni M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
babosov@yandex.ru

Формирование, развитие и функционирование любой социальной системы обусловлено спецификой определенной социальной среды. Систему социальных сетей выдающийся и наиболее авторитетный специалист в данной области М. Кастельс назвал сетевым обществом. Оно формируется в широкой многообразной социокультурной панораме, в которой важнейшую конструктивную роль выполняют человекоотнесенные факторы: социально-экономическая ситуация в обществе, доминирующие в нем политические отношения, культурные идеалы, нормы и ценности, исторические традиции, менталитет и жизненный опыт.

Специфика сетевого общества заключается в том, что оно является определенным этапом общественного развития, в котором впервые в истории основной структурной единицей социальной и хозяйственной организации становится не отдельный, индивидуальный или коллективный, субъект, а множество личностей и организаций, составляющих социальную сеть. В таком обществе складывается новая социальная морфология, состоящая из множества многообразных сетей, к которым относятся и рынки ценных бумаг, и бизнес-структуры, и правительственные учреждения, и сети глобальных финансовых потоков, и телевизионные каналы, и социальные институты, и разнообразные компоненты гражданского общества (общественные организации и движения, благотворительные фонды и т. п.). По убеждению М. Кастельса, в сетевом обществе власть заключена в информационных кодах и репрезентативных образах, вокруг которых общества организуют свои учреждения, люди строят свою жизнь и определяют свое поведение [1]. Поэтому сегодня ни обладатели собственности, ни управленцы высших иерархий не выступают вершителями судеб народов и государств, на их место приходят глобальные финансовые сети и институты, являющиеся неравными центрами информационного капитализма [1]. Признавая необходимость глубокого социологического анализа структуры и динамики социальных сетей, М. Кастельс обращает внимание и на тот факт, что «современные общества во все возрастающей степени структурируются вокруг противостояния сетевых систем и личности» [1, с. 112]. Именно в этом он видит одну из характерных особенностей информационной эры, с учетом которой необходимо внести серьезные коррективы в понимание основных тенденций развития государства, гражданского общества и личности, которое сформировалось в индустриальную эпоху. В условиях все более широкого включения личности в разнообразные сетевые структуры резко возрастает значимость внутренней самооценки и самоорганизации личности, ее идентификации и социокультурных ориентаций.

Каждая инновация, новая технология (в том числе технология создания и использования социальных сетей), является большим достижением. Тем не менее, переходя в сферу применения научно-технических новшеств, мы сталкиваемся с вопросом: обладаем ли мы достаточно развитой культурой, изобретая и применяя на практике эти инновации, в данном случае социальные сети?

Значительные философские предпосылки для понимания сущности, содержания и направленности социокультурной обусловленности научной деятельности были сформулированы еще И. Кантом. Придавая решающую роль трансцендентному единству апперцепции (единству самосознания, благодаря которому все данное в сознании многообразии объединяется в понятии об объекте) в пределах теоретического знания, он вместе с тем подчеркивал значимость практического разума, под которым понимал нормативное сознание, различные верования, идеалы, цели, культурные установки, различные предписания, воздействующие на субъект познания извне (из социокультурной сферы).

Подвергнув критике кантовский априоризм, Г. В. Ф. Гегель показал, что отдельному человеку как субъекту познания противостоит мир предметов культуры, овладение которыми позволяет ему развивать в себе способность к теоретическому мышлению.

Большую роль социокультурной обусловленности научной деятельности в развитии науки, в частности математики, раскрыл О. Шпенглер в работе «Закат Европы». Он считал, что именно влиянием культуры определенной эпохи обусловлен тот факт, что «внутренняя структура евклидовой геометрии полностью отлична от картезианской, анализ Архимеда – от анализа Гаусса. <...> Есть множество миров чисел, так как есть множество культур» [2, с. 208]. Развивая эту мысль, О. Шпенглер подчеркивал: «Стиль какой-нибудь возникающей математики зависит от того, в какой культуре она коренится, какие люди о ней размышляют» [2, с. 209]. Такой методологический подход немецкий философ применял ко всему обширному ареалу научных дисциплин. По его утверждению, «физика по своей задаче, методу и результату является выражением и осуществлением конкретной культуры. <...> Все словесно зафиксированные законы суть живые, одушевленные распоряжки, исполненные самого сокровенного содержания какой-то одной, притом только этой культуры» [2, с. 568–569].

В таком методологическом ключе можно подходить и к исследованию социальных сетей, учитывая специфику этого нового социально-экономического, социокультурного и технологического феномена. Следует иметь в виду, что социальная сеть представляет собой объединение социальных

акторов и взаимодействий между ними. По своему функциональному предназначению выделяются сети общения, а также политические, экономические, финансовые, коммерческие, социокультурные и другие сети. Кроме того, существуют формальные и неформальные, вертикальные и горизонтальные, кратковременные и долгосрочные социальные сети [3]. В интерпретации М. Кастельса сеть выступает интегральным социальным феноменом, составленным из множества разнообразных индивидуальных и коллективных субъектов и организаций, «непрестанно модифицируемых по мере того, как они приспосабливаются к поддерживающим их средствам и рыночным структурам» [4, с. 28].

Вследствие того что сетевое общество необычайно многообразно по особенностям составляющих его компонентов, их количественным и качественным характеристикам, способам включения в него различных индивидов, социальных групп и общностей, способам и направлениям воздействия на человека, его ценностным ориентациям и мировоззренческим установкам, в исследовании и интерпретации этого феномена существует довольно много вариаций. Одну из своеобразных и хорошо аргументированных теоретических концепций сетевого общества выдвинул исследователь неравновесных термодинамических и необратимых процессов, физик и физикохимик, лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин. Он подчеркивал: «Сетевое общество – структура неравновесная, возникшая в результате недавних процессов в информационной технике» [5, с. 25]. В нем происходит огромное количество бифуркаций, создающих связанную с вероятностями множественность возможных траекторий развития и их результатов. По этой причине формируются связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие огромное количество новых возможностей. Следовательно, сетевое общество – нелинейная система, в которой нелинейность повышается с увеличением размеров общества и появлением в нем новых сегментов. «Благодаря его (общества. – Е. Б.) масштабам мы можем ожидать рост роли нелинейности и поэтому укрупнения флуктуаций и большей неустойчивости» [5, с. 26].

Поскольку творцом сетевого общества и движущей силой его развития является человек, встает вопрос: «Каким будет воздействие сетевого общества на творчество индивидов?» [5, с. 27]. Поиски ответа неизбежно предполагают выяснение социокультурной обоснованности становления и развития сетевых структур, а также обратного воздействия на культуру и социокультурные предпочтения человека.

Существенный вклад в разработку парадигмально-концептуальных оснований исследования коммуникационных взаимодействий в стремительно развивающемся информационном обще-

стве внес выдающийся испанский социолог М. Кастельс. В качестве важнейшей и исходной единицы теоретического анализа он вводит понятие «сеть». Разъясняя свою интерпретацию этого фундаментального понятия социологии и социальных сетей, М. Кастельс пишет: «Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его, – пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействия между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [6, с. 494]. Пространство потоков, по утверждению М. Кастельса, вследствие указанных особенностей «переводит отдельных индивидов, их общности и организации в фиксированную социальную позицию, конструирующую быстро меняющийся поток информационно-коммуникационных взаимодействий» [6, с. 505].

В результате такой трансформации доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. В связи с этим «информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры. <...> Речь идет о начале нового бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования» [6, с. 494, 505].

О большой значимости социокультурной обусловленности развития различных социальных систем убедительно и доказательно говорится в трудах П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона и других социологов второй половины XX – начала XXI в. В частности, Т. Парсонс подчеркивал, что «структура социальных систем <...> состоит из институционализированных стандартов нормативной культуры» [7, с. 695–696].

Основным каналом социокультурной обусловленности социальных систем, в том числе и системы сетевого общества, является культурный код. Социальные структуры М. Кастельс интерпретировал как «организованные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации» [8, с. 41]. Вместе с тем социолог обращает внимание

на значимость процессов кодирования и декодирования для эффективного включения в систему коммуникаций, основанную на сетевой социальной системе. Важно понимать, что такое культурный код и в чем заключаются его особенности. Он выполняет конструктивную роль в социокультурной обусловленности различных социальных процессов в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственные, семейно-бытовые, природно-географические, хозяйственно-экономические, геополитические и смысловые особенности, принимаемые как общепринятые нормы самоидентификации людей независимо от их этнической, мировоззренческой или политической принадлежности и передаваемые из поколения в поколение посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа. Культурный код отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих человекоформирующую и человековозвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, социальных ожиданий, мировоззренческих и смысловых предпочтений индивидов и их социальных групп в культурно-цивилизационных границах, свойственных данному народу.

На своеобразие культурного кода белорусской нации существенное влияние оказывает специфика идентичности, ментальности и образа жизни народа, а также традиции и обычаи, наполненные трудной борьбой за национальное и социальное освобождение, государственную самостоятельность. В совокупности все это создает специфический духовный колорит восприятия, понимания и оценки произведений культуры, формирует свойственный белорусам эмпатический тип культуры, который воплощается в отзывчивости, сопереживании и ориентации на ментально-чувственно-эмотивные реакции другого человека, проявляющиеся в жизни и творениях культуры [9, с. 3, 339; 10].

При изучении социокультурной обусловленности развития социальных сетей необходимо учитывать обоюдонаправленность данного процесса, поскольку не только культура оказывает детерминирующее воздействие на сетевое общество как на специфическую социальную систему, но и сетевое общество, в свою очередь, обуславливает возникновение и функционирование новых качественных характеристик культуры. По мнению М. Кастельса, необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, большинство достижений культуры, включенных в интегрированную коммуникационную систему, «значительно ослабляет символическую власть <...> передаваемую через исторически закодированные социальные привычки: религию, мораль, авторитет, традиционные ценности, политическую идео-

логию», которые «слабеют, если не кодируют себя вновь в новой системе» [4, с. 33]; с другой – новая коммуникационная система трансформирует фундаментальные измерения человеческой жизни и порождает новую культуру. «Эта культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения. <...> Это – культура реальной виртуальности» [6, с. 353].

Отвечая на вопрос, в чем же заключается сущность и своеобразие реальной виртуальности, создаваемой коммуникационной сетевой системой, М. Кастельс акцентирует внимание на том, что это «система, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средство, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта» [4, с. 351].

Своеобразие и значимость коммуникационной сетевой системы предопределяются тем, что она переживается через производство, восприятие и потребление знаков, культурных символов. Фундаментальная особенность такого эмоционально насыщенного, культурно сформированного и воплощенного в символах переживания базируется на способности всех форм языка кодировать и приоткрывать разнообразие интерпретаций, которая «и отличает культурные выражения от формального/логического/математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. <...> Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» [4, с. 351].

Развивая эту логическую цепь рассуждений, М. Кастельс утверждает, что новые системы коммуникации основаны на цифровой и сетевой интеграции множества видов коммуникации, характеризуют ее включение и охват всех проявлений культуры. «Благодаря ее существованию все виды сообщений в обществе нового типа работают в бинарном режиме: присутствие или отсутствие в коммуникационной мультимедиа-системе. Только присутствие в этой интегрированной системе позволяет передать и социализовать сообщение. Все прочие сообщения сведены к индивидуальному воображению или ко все более маргинализирующимся субкультурам, где господствуют личные контакты.

С точки зрения общества коммуникация на электронной основе (типографская, аудиовизуальная или компьютерная) и есть коммуникация. Именно из-за диверсифицированности, мультимодальности и неустойчивости новой коммуникационной системы она способна охватывать и интегрировать все формы выражения, так же как и разнообразие интересов, ценностей и воображения, включая и выражение социальных конфликтов. Но цена включения в систему – это адаптация к ее логике, к ее языку, к ее точкам входа, к ее кодированию и декодированию. Вот почему для различных видов социальных эффектов критически важно, чтобы развивалась многоузловая, горизонтальная сеть коммуникаций типа интернета» [4, с. 319].

Культура реальной виртуальности, по мнению автора данного понятия, усиливается появлением все новых и новых информационных технологий и становится фундаментальной характеристикой сетевого общества, что имеет важные последствия для развития и качественного изменения современных социальных процессов и форм. Новое качество массового общества, возникающее на основе реальной виртуальности, а также создания и управления культурными символами, сопрягается с той реальной виртуальностью, что воплощается в интернете и телевидении. В результате стираются грани между естественным и искусственным, рациональным и иррациональным, имманентным и трансцендентным, добром и злом, нравственным и безнравственным. Глобальное распространение виртуальной реальности приводит к утрате опорных нравственных коннотаций в формировании и развитии личности, будь то традиции, память, убеждения. Это приводит к тому, что многие произведения массовой культуры, ее творцы и потребители теряют ориентиры в калейдоскопе противоречивых сюжетов, а сама реальность утопает в виртуальных образах и в такой интерпретации становится частью жизненного уклада человека [11, с. 25].

Процессы социодинамики ориентиров, предпочтений и установок, рожденные интеграцией культуры (калькой виртуальности), а также их изменения становятся неотъемлемым стимулом современного глобализирующегося мира и превращаются в одну из его доминирующих характеристик. Данная тенденция ставит для представителей гуманитарных наук актуальный и важный вопрос: что такое культура сетевого общества? Чтобы дать обоснованный и аргументированный ответ, М. Кастельс выстраивает многостороннюю и многозвенную цепь рассуждений. Она начинается с постулата о том, что общества являются культурными конструктами. Культура понимается «как совокупность ценностей и убеждений, которые информируют, руководят и мотивируют поведение людей. Так, если существует особое сетевое общество, должна

существовать и культура сетевого общества, которую мы можем определить как его исторический маркер. Здесь, однако, многокомпонентность и новизна сетевого общества вновь требуют осторожности. Прежде всего потому, что сетевое общество глобально, оно созидает и объединяет множество культур, связанных с историей и географией каждого уголка мира» [8, с. 54].

Следующим шагом в развитии культурно ориентированных рассуждений М. Кастельса становится утверждение, согласно которому «сетевое общество развивается во множестве культурных образцов, произведенных в каждом конкретном контексте в силу неоднородности истории. Оно материализуется в особых формах, ведущих к формированию сильно различающихся институциональных и культурных систем» [8, с. 54].

Третий шаг в этой цепи рассуждений – это констатация того факта, что вместо возникновения однородной глобальной культуры в качестве магистрального общего тренда мы наблюдаем историческое культурное разнообразие, скорее фрагментацию, чем сближение. «Ключевой вопрос, который при этом возникает: способны ли эти особые культурные идентичности (созданные из унаследованных от единичных историй и переработанные в новом контексте материалов) коммуницировать друг с другом?» [8, с. 55].

В результате остается очень небольшой пространственно-временной интервал для вывода, звучащего так: «Протоколы коммуникации между различными культурами являются важнейшей проблемой для сетевого общества, поскольку без них не существует общества, но только доминирующие сети и сопротивляющиеся общины» [8, с. 55].

Четырехшаговое развитие суждений, ориентированных на стремление улучшить коммуникации между людьми и культурами, дает М. Кастельсу возможность убедительно и четко концептуализировать понятие культуры сетевого общества. «Общая культура глобального сетевого общества является культурой протоколов коммуникации, позволяющей осуществлять коммуникацию между различными культурами не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации. <...> Глобальная культура – это культура коммуникации, ради продолжения коммуникации. Это незамкнутая сеть культурных смыслов, которые могут не только сосуществовать, но также взаимодействовать и изменять друг друга на основе этого обмена. Культура сетевого общества – это культура протоколов коммуникации между всеми культурами в мире, развивающаяся на основе общей веры во власть сети и синергии, возникающей при передаче информации другим и получении ее от других. Процесс материального созидания культуры сетевого общества происходит ныне, и он не закончен» [8, с. 56].

Именно социокультурная обусловленность социальных сетей, их опора на действующую в каждой стране доминирующую (а порой и оппозиционную к ней) систему культуры создает мощные предпосылки для формирования и практической реализации культуры сетевого управления. Учитывая основные особенности отстаиваемой М. Кастельсом сетевой концепции, израильско-американский профессор И. Адизес пишет, что «процесс управления определяется как культурно обусловленный и несущий ценностную нагрузку» [12, с. 21]. Культура сетевого общества позволяет более четко определить миссию каждой социальной организации, ее цели и задачи, пути и средства выполнения этих задач в ходе продвижения к стратегической цели.

Всемирно известный маркетинголог Филип Котлер отмечает значимость социокультурных факторов для развития маркетинга и перевода его на более высокий качественный уровень эффективности. Исследователь подчеркивает, что на первый план маркетинговой деятельности в современном сетевом обществе выдвигается стратегический маркетинг, который пришел на смену прежним маркетинговым доктринам, ставящим в центр внимания компаний и фирм производимый продукт или его потребителей. Такие доктрины устарели и должны уступить место новому типу маркетинга, где потребители рассматриваются и оцениваются как многомерные, ориентированные на высокие цели личности, и даже как потенциальные партнеры. В бестселлере «Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе» Ф. Котлера, Х. Картаджайи и А. Септивана проблеме социокультурной обусловленности предпринимательской деятельности посвящен целый раздел «Социально-культурные преобразования», в котором разъясняются пути, способы и приемы осуществления тончайшего, изощренного воздействия на потребителя, затрагивающего не только разум и эмоции, но и душу человека [13, с. 163–181].

В идущей от М. Кастельса теоретико-методологической парадигме сетевого общества Д. Старк (США) и Б. Ведреш (Венгрия) выявили и проинтерпретировали специфическую форму сетевой топологии – структурную складку. Они утверждают, что «акторы такой структурной складки представляют собой множественных инсайдеров, усиливающих свободу доступа к разнообразным ресурсам», вследствие чего наличие в сетевых структурах структурных складок способствует «улучшению экономической результативности групп», а также оказывается исключительно полезным в тех случаях, когда в качестве цели выступает обеспечение инноваций. Исходя из этих утверждений, сторонники представленной парадигмы «разрабатывают концепцию межгрупповой сплоченности – особой сетевой структуры, состоящей из пересекающихся

сплоченных групп» [14, с. 69, 71, 73]. Данная концепция исходит из того, что в процессе развития взаимопроникающих сплоченных структур возникает «особая структурная позиция, структурная складка как специфический социологический объект», акторы которого «являются множественными инсайдерами, участвующими в интенсивных спланированных связях, помогающих близко познакомиться с особенностями поведения членов их групп» и обрести «свободный доступ к разнообразным ресурсам <...> в качестве узла сети, общего для многих групп, структурные складки являются ресурсами для самих групп <...> поэтому межгрупповая сплоченность – это продуктивная сплоченность, не порождающая обособленности» [14, с. 74].

Эмпирический анализ и теоретическое эксплицирование различных компонентов сетевой топологии предпринимательских структур дают доказательный фактологический материал, позволяющий сделать вывод о том, что социальные организации представляют собой не только организационные структуры с четко очерченными границами, но одновременно и специфические социальные структуры, включающие в себя целый ряд взаимодействующих в межфирменных отношениях предприятий и учреждений, характеризующихся межгрупповой сплоченностью, достаточно высоким уровнем взаимного доверия, экономической и социальной результативностью. Важнейшая характерная черта социальной организации, которая раскрывается в ее деятельности и содействует повышению эффективности, состоит в том, что организация не остается навсегда одной структурой, а обладает динамической изменчивостью, чутко воспринимает перемены, происходящие как в ней самой, так и в окружающей социальной среде. Эта особенность приобретает приоритетную значимость в условиях становления и развития основных тенденций постиндустриальной информационной эпохи.

Современная социальная реальность (экономика, политика, культура, привычки, взгляды, жизненные позиции человека) чаще всего утрачивает черты прежнего, линейно развивающегося, предсказуемого процесса, все активнее насыщается элементами нелинейности, непредсказуемости, поливероятности. В связи с этим наряду со структурным подходом, исследующим преимущественно статику организаций, возрастающее значение приобретает поведенческий подход, ориентированный на выявление динамики организации. Решающее значение здесь придается действующему в организации человеку (множеству людей), его профессиональной подготовленности и компетентности, способностям, мотивации к труду и достижению поставленных целей. В этих динамично трансформирующихся условиях резко возрастает

роль человекоориентированности социальной организации в масштабах не только страны или региона, но и всего мира, включая ООН.

Чтобы быть успешной и эффективной, социальная организация должна стать гуманистически ориентированной, принимать во внимание тот факт, что человек затрачивает значительное по продолжительности и продуктивно используемое время не только для зарабатывания денег, но и в целях саморазвития. Важнейшим мотиватором повышения эффективности трудовой деятельности в организации становится удовлетворенность человека содержанием и условиями труда, которая пролегает через духовный мир человека, его чувства, сознание, волю, мировоззренческие установки, убеждения, гражданскую позицию, которые спрессованы и эмоционально воплощены в культуре.

Исследуя культуру современного общества с позиций сетевого философско-социологического анализа, М. Кастельс отмечает, что возникающая и функционирующая в локализирующемся мире культура сетевого общества создает предпосылки и возможности для координации устремлений и действий между многочисленными сетевыми акторами посредством использования свойственных этой культуре ценностей и стандартов. Тем не менее, применяя данные стандарты, необходимо иметь в виду возможность непредсказуемых информационных турбуленций, которые вполне вероятны в электронном гипертексте глобальных сетей мультимедийного бизнеса и обеспечении глобальной безопасности. Такие информационные турбуленции могут возникать в различных источниках, в частности в социальных группах и общностях, обладающих различными субкультурами и руководствующимися специфическими интересами. Резюмируя эти суждения, М. Кастельс подчеркивает, что конфликты нашего времени являются борьбой связанных в сеть социальных акторов, которые стремятся привлечь потенциально заинтересованные группы и организации с помощью решающего подключения к мультимедийным коммуникационным сетям.

Такие тенденции, считает М. Кастельс, стоит внимательно отслеживать и учитывать, «потому что культурное разнообразие мира должно быть ограничено некоторыми общими рамками, которые относятся к дискурсам, передающим разделяемые интересы каждой глобальной сети, которая скорее дополняет специфические культурные идентичности, чем вытесняет их» [8, с. 70]. Чтобы глобализация осуществлялась в интересах человека, нужно отстаивать дисциплинарный дискурс, способный фреймировать специфические культуры. А для достижения этой цели необходимо не только развивать доминирующие ценности, но и оказывать поддержку альтернативным ценностям и интересам. При этом следует руководствоваться признанием того, что «общественное сознание как набор ценностей и фреймов, которые широко распространены в обществе, является в конечном счете именно тем, что влияет на индивидуальное и коллективное поведение, программируя коммуникационные сети – главный источник культурных данных» [8, с. 73].

В условиях становления и развития сетевого общества, в котором любое творение культуры может быть доставлено потребителю в любую точку пространства и времени, социокультурная обусловленность развития социальных сетей существенно возрастает, втягивая в свою орбиту множество различных по своим интересам, потребностям, мировоззренческим убеждениям и ценностным ориентациям читателей, слушателей, зрителей. В результате возникают и распространяются в планетарном масштабе различные варианты восприятия, оценки, предпочтения, одобрения или критики тех или иных направлений культуры и их влияния на развитие всех сегментов многогранного и многоаспектного сетевого общества. Это ведет к становлению культуры сетевого общества как мощного фактора структурирования современного социального мира, сглаживания в нем информационных и других социальных турбуленций, формирования устойчивых связей в пространстве и времени между людьми, их человекоориентированных межкультурных взаимодействий.

Библиографические ссылки

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеевой. Екатеринбург, 2004.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М., 1998. Т. 1 : Гештальт и действительность.
3. Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество. 2012. № 1. С. 65–75.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / под науч. ред. О. Н. Шкартана. М., 2000.
5. Пригожин И. Р. Сетевое общество // Социол. исслед. 2008. № 1. С. 24–31.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
7. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

8. Кастельс М. Власть коммуникаций : пер. с англ. / под науч. ред. А. И. Черных. М., 2016.
9. Бабосов Е. М. Основы идеологии белорусского государства. Минск, 2013.
10. Кузнецов В. Н. Социология идеологии. М., 2005.
11. Макаревич Э. Ф., Карпукhin О. И. Культура массовых коммуникаций // Культур. политика. 2008. № 4. С. 30–40.
12. Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. СПб., 2006.
13. Котлер Ф., Картаджайя Х., Септиван А. Маркетинг 3.0. От продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе. М., 2011 С. 163–181.
14. Ведреш Б., Старк Д. Структурные складки: продуктивный разрыв в пересекающихся группах // Экон. социология. 2010. Т. 11, № 4. С. 69–104.

References

1. Castells M. [The internet galaxy: reflections on the internet, business and society]. Ekaterinburg, 2004 (in Russ.).
2. Spengler O. [The decline of the West. Essays on the morphology of world history] : in 2 vol. Moscow, 1998. Vol. 1: Form and actuality (in Russ.).
3. Filimonov G. Yu., Tsaturyan S. A. [Social networks as an innovative mechanism of «soft» impact and management of mass consciousness]. *Politika i obshchestvo*. 2012. No. 1. P. 65–75 (in Russ.).
4. Castells M. [The information age: economy, society and culture]. Moscow, 2000 (in Russ.).
5. Prigogine I. R. [Network society]. *Sotsiologicheskie issled.* 2008. No. 1. P. 24–31 (in Russ.).
6. Castells M. [The formation of a network society]. In: V. L. Inozemtsev (ed.). *A new post-industrial wave in the West*. Moscow, 1999. P. 494–505 (in Russ.).
7. Parsons T. [About social systems]. Moscow, 2002 (in Russ.).
8. Castells M. Communication power. Moscow, 2016 (in Russ.).
9. Babosov Ye. M. [Fundamentals of the ideology of the Belarusian state]. Minsk, 2013 (in Russ.).
10. Kuznetsov V. N. [Sociology of ideology]. Moscow, 2005 (in Russ.).
11. Makarevich E. F., Karpukhin O. I. [Culture of mass communications]. *Kul'turnaya politika*. 2008. No. 4. P. 30–40 (in Russ.).
12. Adizes I. [How to overcome the crises of management]. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
13. Kotler F., Cartagia H., Septivan A. [Marketing 3.0: From products to consumers of the human spirit]. Moscow, 2011. P. 163–181 (in Russ.).
14. Vedresh B., Stark D. [Structural folds: productive gap in intersecting groups]. *Econ. sotsiologiya*. 2010. Vol. 11, No. 4. P. 69–104 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ БЕЛАРУСИ: УГРОЗЫ И ИМПЕРАТИВЫ

В. П. ОРГИШ¹⁾

¹⁾БИП – Институт правоведения, ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь

Рассматривается острейший кризис социально-экономических и политических институтов национального государства, обусловленный фазовым переходом от индустриального способа производства к когнитивному (постиндустриальному). Раскрывается тезис о том, что в эпоху глобализации национальное государство неизбежно подвергается угрозам со стороны транснациональных структур. Анализируются экономические и социальные вызовы, с которыми может столкнуться Беларусь в процессе постиндустриальных преобразований.

Ключевые слова: постиндустриализм; корпоратократия; модернизация национальной экономики; глобальные акторы; транснациональные элиты.

POST-INDUSTRIAL FUTURE OF BELARUS: THREAT AND IMPERATIVES

V. P. ORGISH^a

^aBIP – Institute of Law, Karalia Street, 3, 220004, Minsk, Belarus

In the article, the most acute crisis of the socio-economic and political institutions of the national state is the subject of consideration, due to the phase transition from the industrial mode of production to the cognitive (post-industrial) mode. The thesis is opened that in the era of globalization the national state inevitably faces threats from transnational structures. The economic and social challenges that Belarus expects in the process of post-industrial transformation are analyzed.

Key words: post-industrialism; corporatocracy; modernization of the national economy; global actors; transnational elites.

Главный вызов XXI века

Согласно правительственным данным [1, с. 8–13] за годы, прошедшие после развала СССР, белорусское общество сумело, опираясь на оставшуюся от Советского Союза производственную и технологическую базу, восстановить и нарастить экономическую деятельность. Тем не менее сегодня этого недостаточно. Хозяйственные успехи страны за последние 20 лет, о которых немало сообщали официальные источники [1], не в состоянии обеспечить Беларуси полную экономическую и со-

циальную конкурентоспособность. Почему экономический потенциал республики, еще недавно представлявшийся результатом удачной реставрации некоторых механизмов советской экономики, сегодня недостаточен и страна вынуждена искать новую экономическую стратегию? Почему белорусскому обществу, внешне преодолевшему постсоветскую разруху, экономическую деградацию, социальную деморализацию и восстановившемуся после постперестроечного системного кризиса, не-

Образец цитирования:

Оргиш В. П. Постиндустриальное будущее Беларуси: угрозы и императивы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 12–17.

For citation:

Orgish V. P. Post-industrial future of Belarus: threat and imperatives. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 12–17 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Петрович Оргиш – доктор философских наук; профессор кафедры философии и политологии факультета международного права и юридической психологии.

Author:

Viachaslau P. Orgish, doctor of science (philosophy); professor at the department of philosophy and political science, faculty of international law and legal psychology. perikl2003@list.ru

обходимо снова готовиться к переменам? Ответы на эти вопросы показали, что будущее благополучие зависит от возможности государства понимать и осваивать постиндустриальную модель. Политическому классу Беларуси должно быть понятно, что индустриальные успехи страны не гарантируют ей развития в реалиях XXI в. Выход на принципиально новый уровень – это главный вызов нынешнего века в адрес Беларуси.

Современная высокоэффективная экономика стремительно развивается. Проблема белорусского экономического механизма, индустриального в своей основе, заключается в неспособности развивать необходимые темпы, даже при большом стремлении. Какие бы усилия для развития экономики не были приложены, Беларусь по-прежнему будет отставать от стран, которые освоили новую парадигму экономического развития, поскольку постиндустриальное производство гораздо эффективнее индустриального. Разрыв между экономиками постиндустриальных стран и экономикой Беларуси очевиден при сравнительном анализе такого индикатора производственного процесса, как объем продукции, создаваемый одним работником в единицу времени. По этому показателю Беларусь, согласно мнению специалистов Министерства экономики, отстает от уровня Европейского союза, объединяющего 28 государств, в 4–5 раз [1, с. 9].

Третья технологическая волна

Одним из первых, кто ясно увидел и теоретически описал очертания постиндустриального будущего, был американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер. Концепцию постиндустриального общественного процесса он изложил в трудах «Шок будущего» [2] (1970), «Третья волна» [3] (1980), «Восприимчивая корпорация» (1985) и др. В трудах ученого высказывается мнение о том, что ведущая роль в развитии общества принадлежит техносфере, которая вызывает череду всевозможных изменений, является движущей силой общественных перемен, нововведений, технологических и технических революций. Именно технологические революции формируют характер и особенности развития цивилизации. Первой технологической революцией была аграрная. На смену ей пришла вторая – индустриальная, которая вызвала рост технологической цивилизации. Ремесленный труд уступил место труду машинному, конвейерному. Появились массовые формы производства, распределения, торговли, культуры.

Третья волна гигантских преобразований получила импульс благодаря компьютерной, лазерной технике, биотехнологиям, геной инженерии, информатике, электронике, теле- и видеокоммуни-

кациям. Белорусское общество, включая политическую элиту, как представляется, не до конца осознает необходимость глубоких преобразований, способных изменить белорусскую экономику, подготовив к проблемам, которые неизбежно ожидают ее на пути постиндустриальной трансформации. Дискуссии на эту тему мало касаются концептуальных характеристик самого феномена постиндустриализма, его социальных, политических, культурных последствий. Споры главным образом касаются темпов предстоящих экономических реформ, степени допустимости поднятия планки социальной нагрузки на население в ходе будущей модернизации. Природа и революционный смысл постиндустриальной трансформации, ее морально-этические последствия на данный момент остаются за рамками публичного обсуждения. Проблематика постиндустриальных перемен усугубляется глубокими противоречиями между целями и задачами традиционного общества и тесно связанного с ним национального государства, с одной стороны, и глобальных акторов, транснациональных структур – с другой.

Актуальными остаются вопросы: «Что такое постиндустриальная трансформация»; «Какова природа этого явления»; «Почему национальное государство существующее в постиндустриальном мире, не может чувствовать себя в безопасности?»

Благодаря им родилась и стремительно развивается новая производственная энергетика, которая опирается на возобновляющиеся, а не истощающиеся источники. Главным содержанием трудовой деятельности становятся творчество, информация, интеллектуальные технологии.

Таким образом, постиндустриальная трансформация – это процесс преодоления ограниченных возможностей индустриального типа хозяйствования. Последний основывается на крупном машинном производстве и механизации во всех отраслях, прежде всего в промышленности. Труд носит массовый характер. Человек в таком производстве выступает как оператор. Общеизвестен анализ индустриального производства, согласно которому трудовая деятельность – это сопровождение производственного процесса, оперативное управление машиной. Примером может послужить ситуация, при которой работник серийно точит на токарном станке болты и гайки, а процесс его трудовой деятельности носит повторяющийся характер. В индустриальном производственном процессе число занятых велико. Каждая машина, каждый агрегат нуждаются в сопровождающем, что ведет к вовлечению в производственную деятельность большинства трудоспособного населения.

Подготовка трудовых ресурсов, техническое обучение фабрично-заводских рабочих переходит в разряд необходимых и регулярных задач, решение которых требует наличия образовательных учреждений, способных готовить квалифицированных рабочих, создания механизмов социальной защиты. В результате развивается система здравоохранения, появляется сеть лечебных учреждений, основная задача которых – поддержание физического и психического здоровья работников с тем, чтобы их отдача на производстве могла быть максимально эффективной. Пенсионное обеспечение становится нормой. Активное развитие социальной сферы в индустриальную эпоху имеет естественным следствием появление социального государства.

Индустриальный подход к производству, основанный на механизации труда и участии в трудовом процессе большого количества квалифицированной рабочей силы, обладает рядом положительных экономических и социальных характеристик. Однако индустриальное производство имеет пределы роста, которые обусловлены недостаточными возможностями машинных технологий, а также издержками, связанными с оплатой труда большого

числа рабочих и необходимостью удовлетворения их социальных запросов и потребностей. Автоматические производственные линии и роботы, как показывает опыт постиндустриализма, могут вполне успешно заменять человеческий труд. Завод, функционирующий на постиндустриальной основе, способен обойтись сотней высококвалифицированных специалистов, тогда как завод, работающий и организованный как аналогичное индустриальное предприятие, использует труд тысяч рабочих.

В споре индустриализма и постиндустриализма решающий аргумент, как уже отмечалось, – производительность труда. Именно этот показатель является главной проблемой современной белорусской экономики, которая пока остается преимущественно индустриальной. В том, что касается эффективности, белорусская экономика не может угнаться за теми экономиками, которые широко используют инновации. За разъяснениями по этому показателю обратимся к «Банкаўскаму весніку», издаваемому Национальным банком Республики Беларусь. Отраслевая производительность труда, выраженная в тысячах долларов на человека, в некоторых высокоразвитых странах и Беларуси в 2012 г. выглядела следующим образом.

Производительность труда в 2012 г., тыс. долл. на человека

Productivity in 2012, thous. doll. per person

Страна	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Сфера экономики								
		Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство, охота	Промышленность	Строительство	Транспорт и связь	Торговля, гостиницы, рестораны	Финансовая деятельность	Образование, здравоохранение, социальные услуги	Прочие услуги	Средняя производительность в экономике
Норвегия	2592	108,0	583,0	139,2	151,3	109,2	286,8	84,3	148,0	192,8
США	153 617	91,6	147,0	66,3	–	96,1	197,1	121,9	–	105,7
Канада	18 699	57,7	157,6	100,5	98,8	57,7	149,9	61,4	81,0	97,4
Япония	64 022	35,5	112,3	68,7	103,8	51,5	115,4	68,2	–	93,1
Франция	28 390	54,0	77,1	79,6	76,0	67,9	236,8	67,5	78,4	92,0
Германия	42 239	45,6	95,7	52,1	58,6	56,0	167,0	51,3	74,1	81,2
Италия	25 075	48,6	82,7	56,7	89,5	62,2	160,1	61,3	76,6	80,3
Великобритания	31 612	58,6	125,8	63,8	66,2	62,7	146,6	40,0	66,1	78,2
Беларусь	4577,1	12,8	19,1	12,1	15,0	13,0	19,0	6,5	10,5	13,8

Примечание. Источник [2, с. 21–22].

«Проблемные места»

Постиндустриальное производство радикальным образом меняет структуру производственных затрат. В условиях индустриального производственного процесса проектная разработка изготовления товарного шаблона составляет малую долю

общего объема затрат. Основные издержки связаны с массовым выпуском товарных копий. Весомая доля затрат в условиях индустриального производства приходится на оплату труда работника-оператора. Издержки же постиндустриального

производства в основном связаны с подготовкой концепции и проектной разработкой высокотехнологичного товарного образца. Большая часть расходов приходится на создание соответствующих наукоемких технологий, меньшая часть – на изготовление многочисленных копий товара.

Вес и значение постиндустриальной экономики в современном мире неуклонно возрастают. Страны, составляющие костяк современной мировой экономики, генерируют свою прибыль в основном за счет постиндустриальной деятельности, которая вплотную приблизилась к шестому технологическому укладу. Помимо информационных технологий в этих странах активно используются наукоемкие способы производства. Большая часть инвестиций направляется именно в такие технологии, в разработку новых методов изготовления той или иной продукции. В этом отношении Республике Беларусь предстоит огромная работа, в первую очередь по развитию и широкому практическому использованию научно-технического потенциала.

Ученые Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь, разработавшие Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, называют важнейшие проблемы, от решения которых зависит постиндустриальное будущее на-

шей страны. Выход на принципиально новый этап экономического развития требует масштабного финансирования инновационной деятельности, создания наукоемких производств (высокотехнологичного сектора), опережающего развития сферы услуг.

Важное значение имеет наращивание инвестиций и повышение отдачи от них. В 2013 г. инвестиционная отдача в основной капитал оказалась в 5,2 раза ниже, чем в 2001 г. Одной из проблем является и избыточно высокая импортоспособность, которая порождает значительный дефицит внешнеторгового сальдо. Тормозит белорусскую экономику, существенно снижает показатели ее эффективности высокая энерго- и материалоемкость производства. По сравнению с западноевропейскими странами показатели энергоемкости белорусской продукции выше в 1,5–2,0 раза. К «проблемным местам», по мнению специалистов, следует отнести следующие факторы: неудовлетворительные темпы трансформации экономических отношений и сохранение недостаточно эффективной и высокочувствительной структуры экономики; технологическое отставание; слабый доступ к зарубежным технологиям, ноу-хау, финансовым ресурсам и рынкам; достаточно высокую зависимость темпов экономического роста от внешних поступлений и колебаний цен на углеводороды и сырье; обострение борьбы за новые источники [2].

Обратная сторона процесса

Огромные преимущества перехода к производству на основе новейших технологий очевидны. Тем не менее постиндустриальная модернизация ставит на повестку дня вопросы не только радикальных производственно-технологических реформ, поскольку оборачивается большими социальными и политическими вызовами. Среди прочего, это связано с тем, что современный мир, помимо постиндустриальной модернизации, сталкивается с новыми тенденциями, направленными на переформатирование социально-политических отношений в соответствии со стратегией глобализма и транснациональных групп. В результате обратной стороной постиндустриальных преобразований оказывается антагонизм интересов национального государства и мировых игроков, транснациональной корпоратократии.

Производитель, опирающийся на постиндустриальные технологии и транснациональный капитал, вынужден игнорировать философию социальной солидарности, следовать которой побуждает национальное государство. Субъект постиндустриального хозяйствования спокойно отказывается от услуг большого числа трудящихся и не спешит нести традиционную социальную нагрузку.

Государство, защищающее социальные завоевания, невольно становится поперек постинду-

стриального бизнеса. Охраняя национальные территории и суверенитет, оно в глазах постиндустриального производителя является лишним институтом, препятствующим движению корпоративных интересов. Производство, принадлежащее транснациональным группам, может размещаться на сравнительно небольших, надежно охраняемых территориях. Остальные территории и их благополучие мало заботят постиндустриального производителя. Нежелание таких корпораций делиться прибылью, платить налоги ведет к тому, что государственная казна чаще испытывает дефицит средств. Соответственно, государственные возможности продвигать те или иные социальные программы также сокращаются.

Поскольку постиндустриальное производство, патронируемое транснациональными структурами, не находит применения большому числу квалифицированных рабочих, востребованность массового образования заметно снижается. Большое количество учителей, преподавателей высшей школы могут остаться без работы. В инновационном обществе, контролируемом транснациональным бизнесом, первостепенную роль играет элитарное образование, соответствующее организационным и технологическим особенностям постиндустриального производственного процесса. Не менее

острой оказалась проблема сохранения системы здравоохранения. С точки зрения постиндустриального производителя, логику поведения которого диктуют транснациональные структуры, массовое здравоохранение, как часть социального потребления, является иррациональной статьёй расходов.

Так или иначе, параметры социального государства, сложившегося в индустриальную эпоху, с переходом к новому типу технологического оснащения экономики ожидает серьезная трансформация. Независимо от восприятия и оценки постиндустриальных преобразований, процессов глобализации, деятельности и устремлений транс-

национального капитала правительству следует учитывать, что вряд ли получится полностью избежать постиндустриального шока путем простого смешения его социальных последствий.

В контексте современных геополитических пертурбаций постиндустриальная модернизация ставит вопрос исторического выживания целых государств и народов, что характерно и для Республики Беларусь (как национального государства). Социальный шок может оказаться сложным этапом постиндустриального скачка. В условиях радикальных экономических и структурных реформ государство не сможет в прежнем объеме выполнять социальные запросы населения.

Противники национального государства

С точки зрения глобалистов и транснациональной корпоратократии, регулятивные функции государства, его социальные обязательства в постиндустриальном обществе, как отмечалось выше, подлежат радикальному сокращению. Иными словами, постиндустриализм стратегически отрицает не только сложившуюся в период индустриального развития социальную систему, но и само национальное государство. Транснациональные корпорации как бенефициары постиндустриального развития все настойчивее претендуют на то, чтобы заместить собой правительство. Данные глобальные притязания – главный камень преткновения в современной геополитике. Транснациональный бизнес, реально конкурируя с национальными государствами, стремится отнять у них контроль над рынками, финансами, ресурсами, спросом, маркетингом и т. д. У транснациональных структур есть свои частные военные подразделения, разведывательные службы, другие силовые формирования, которые готовы подменить государственные институты легального насилия. Очевидно, что транснациональные элиты и корпоратократия хотели бы утвердить свое сверхобщество, создать вместо совокупности национальных государств транснациональную глобальную экономику.

Сторонники постиндустриализма полагают, что общественная жизнь будет состоять из двух социальных укладов. В рамках одного из них развернется производство постиндустриального типа с широким использованием суперсовременных технологий, автоматизации и роботов. Осуществлять и контролировать этот процесс должна некая элита, которая станет основным потребителем производимых благ и ценностей. Второй уклад предназначен для большинства населения, так называемого кибернетического мусора или киберпанков, которые выступают как часть человеческой бизнес-деятельности. Условия существования

в зоне «кибермусора» могут резко отличаться от жизни постиндустриальной элиты.

Картину жизни в постиндустриальном обществе, как ее понимают глобалисты, сторонники транснационального корпоративизма, хорошо иллюстрируют представления Жака Аттали – первого директора Европейского банка реконструкции и развития, теоретика и горячего сторонника постиндустриального мирового порядка. В его нашумевшей книге «Тысячелетие: выигравшие и проигравшие в наступающем Новом мировом порядке» (1991) концептуально рассказывается о том, что сделавшие ставку на постиндустриальное развитие наднациональные структуры планируют в отношении мирового будущего. Ж. Аттали не оставляет надежды на суверенное существование национальной общности. Самой массовой фигурой будущего должен стать кочевой тип человека (номад), а национальный тип уйдет в прошлое. «Старый геополитический порядок сходит со сцены, рождается новый и приходит ему на смену. Новый порядок, скорее всего, будет иметь очень мало общего со знакомым нам последние пятьдесят лет XX столетия миром» [3, с. 12]. О национальном суверенитете, его развитии и укреплении никакой речи не идет. «Человечество вступает в сверхиндустриальный век, богатые и процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами. <...> Этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье...» – убеждает Ж. Аттали [3, с. 77].

Продвигаемый радикальными приверженцами постиндустриального общества новый миропорядок отменяет традиционно признаваемую в мире незыблемость государственного суверенитета, закрепленную в Вестфальском мирном договоре 1648 г. Этот договор зафиксировал нерушимость государственных границ и принцип права наций на самоопределение. Транснациональные элиты, ориентированные на западные пути развития,

намерены построить глобальную цивилизацию в соответствии с собственными универсалистскими традициями и моралью, не считаясь с ценностной платформой других стран и народов.

Решая задачу постиндустриального обновления, Беларусь должна опираться на региональных игро-

ков и соответствующую стратегию групповой деятельности. В интересах национального суверенитета целесообразно поддерживать такие геополитические принципы и модели, которые, не отвергая объективных процессов глобального развития, поддерживают многополярный формат международной жизни.

Самый верный ресурс

Чтобы свести к минимуму риск исчезновения белорусского общества, государство должно овладеть суммой наиболее передовых технологий. Ожидать инновационного, технологического и технического оснащения постиндустриального типа от Запада нецелесообразно. Западные партнеры озабочены собственными проблемами, они не испытывают жизненную потребность в экономическом подъеме периферийных стран, даже если периферия европейская. Запад интересуется преимущественно контролем над этими странами. Наиболее развитые государства, тесно интегрированные с транснациональным финансовым и промышленным капиталом, выступают лоббистами постиндустриальной глобализации. Этот процесс позволяет им извлекать прямую экономическую и иную выгоду. Лауреат Нобелевской премии американский экономист Джозеф Стиглиц по этому поводу сказал: «Критики глобализации обвиняют страны Запада в лицемерии, и они в этом правы. Западные страны подтолкнули бедные страны к ликвидации торговых барьеров, сохранив при этом свои собственные. Запад так продвигал программы глобализации, чтобы обеспечить себе непропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран» [4].

Сложность ситуации состоит в том, что решение задачи модернизации отечественной экономики требует взаимодействия с лидерами глобального

постиндустриального развития. Поэтому, как бы мы ни критиковали позицию Запада, нам не избегать деловых отношений с ним, поскольку именно ему принадлежат основные технологические и технические достижения. Однако эти отношения имеют свои нюансы. В нелегком деле модернизации национальной экономики белорусскому обществу следует учиться у Запада, целесообразно перенимать западные технологии, культуру производства. Тем не менее Беларуси необязательно безоглядно ввязываться в вестернизацию, приобщаться к погоне за не во всем бесспорными ценностями.

Верный ресурс для республики – внутренняя мобилизация и консолидация, а также раскрепощенная предпринимательская инициатива. Когда речь идет о переходе к принципиально новой технологической базе экономической жизни, Беларусь может и должна рассчитывать прежде всего на свои собственные силы. В мире радикально меняется концепция экономической и социальной практики. Беларусь не может пройти мимо этого факта. Индустриальное производство – это двигатель прошлого, сколько бы в нем ни проводили реформ, сторонники такого производства все равно будут отставать от постиндустриальных стран. Если мы хотим двигаться в будущее, нам необходимо без колебаний менять основу экономики. Осуществить модернизационный проект предельно сложно, но без этого республика так и не будет развиваться.

Библиографические ссылки

1. Михайлова-Станюта И. Производительность труда – главный оценочный показатель бизнеса и экономического развития страны // Банкіўскі веснік. 2014. № 10 (615). С. 22–23.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. Науч.-исслед. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. 2015. № 4 (214). С. 9.
3. Амтали Ж. На пороге нового тысячелетия [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: http://royallib.ru/book/attali_gak/na_poroge_novogo_tisyacheletiya.html (дата обращения: 19.02.2017).
4. Глобализация. Что от нее ожидать простому человеку? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bB3NjdAx78> (дата обращения: 10.02.2017).

References

1. Mihajlova-Stanyuta I. [Labor productivity is the main estimated indicator of business and economic development of the country]. *Bankauski vesnik*. 2014. No. 10 (615). P. 22–23 (in Russ.).
2. [National Strategy for Sustainable Social and Economic Development of the Republic of Belarus for the period until 2030]. *Ekonomicheskii byulleten' nauchno-issled. ekonomicheskogo Minist. ekonomiki Resp. Belarus'*. 2015. No. 4 (214). P. 9 (in Russ.).
3. Attali J. On the threshold of a new millennium. *Electronic library RoyalLib.com*. URL: http://royallib.ru/book/attali_gak/na_poroge_novogo_tisyacheletiya.html (date of access: 19.02.2017) (in Russ.).
4. [Globalization. What should a simple person expect of her?]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bB3NjdAx78> (date of access: 10.02.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.06.2017.
Received by editorial board 05.06.2017.

ПРОЕКТ ФИЛОСОФИИ ИНФОРМАЦИИ ЛУЧАНО ФЛОРИДИ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется оригинальный тетралогический проект философии информации Лучано Флориди – одного из ведущих специалистов в области современной философии техники. Философия информации определяется как философское направление, связанное с критическим исследованием природы и основных принципов информации, а также с применением информационно-вычислительных методологий для решения философских проблем. Утверждается, что понятие информации становится центральной категорией онтологии, все объекты (живые и неживые) представлены как информационные и равноценные между собой (это основа информационной этики), а система этих объектов в масштабах универсума – это инфосфера, при этом злом является все то, что вызывает разрушение инфосферы, а добром – все то, что способствует ее росту.

Ключевые слова: философия информации; Лучано Флориди; информационная революция; информационно-коммуникационные технологии; информационная этика.

LUCIANO FLORIDI'S PROJECT OF THE PHILOSOPHY OF INFORMATION

D. G. DABRARODNI^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Luciano Floridi is one of the leading experts in the field of modern philosophy of technology and the author of the original tetralogical project of philosophy of information. Philosophy of information is defined as a philosophical field concerned with the critical investigation of the nature and basic principles of information, as well as the application of information-computational methodologies to philosophical problems. The concept of information is the central category of ontology, all objects are represented as informational, and the system of them on the scale of the Universum is the infosphere. All information objects (animate or inanimate) are equivalent, this is the basis of the ethics of information. Evil is everything that causes the destruction of the infosphere, good is everything, which contributes to the growth of the infosphere.

Key words: philosophy of information; Luciano Floridi; the information revolution; information and communication technologies; ethics of information.

Современный мир быстро изменяется, «ускользает из рук» (в терминологии Э. Гидденса), и, возможно, наибольшие изменения в нем обусловлены информационными технологиями. В 1960-х гг. появились представления об информационном обществе, в котором информация становится важнейшим ресурсом, товаром и капиталом, источником власти. Неслучайно современные философские и научные исследования на самые разные темы

почти всегда учитывают информационный контекст, т. е. возможность использования информационных технологий при решении любой проблемы (начиная от фундаментальных исследований, таких как физика элементарных частиц, и заканчивая торговлей, искусством, религией).

Влияние информационных технологий на все сферы жизнедеятельности человека достаточно очевидно, об этом постоянно напоминают продукты

Образец цитирования:

Добродородний Д. Г. Проект философии информации Лучано Флориди // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 18–22.

For citation:

Dabrarodni D. G. Luciano Floridi's project of the philosophy of information. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 18–22 (in Russ.).

Автор:

Данила Григорьевич Добродородний – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science. danila_dobr@mail.ru

массовой культуры, в том числе СМИ. Однако сам факт нарастающего присутствия информационных технологий в нашей жизни требует серьезного и всестороннего осмысления и оценки. С этой целью в последние десятилетия было создано множество исследовательских центров, фондов, лабораторий, институтов. Мировая общественность, университеты и правительства, крупные корпорации, которые несут ответственность за информатизацию жизни, уделяют огромное внимание проблеме влияния информационных технологий на жизнь общества. Не остается в стороне и философия, поскольку только она обладает достаточно широким и глубоким взглядом для того, чтобы представить целостную картину происходящих изменений, синтезировать объективные научные знания и нравственные оценки. Одной из попыток создать целостную философскую теоретическую модель новой информационной формы бытия универсума является философия информации Л. Флориди.

Профессор философии и информационной этики Оксфордского университета Л. Флориди (1964) – один из авторитетных исследователей в области современной философии техники, а точнее – «философии информационных технологий». Он занимается преподавательской деятельностью, руководит лабораторией цифровой этики Оксфордского института интернета, является ведущим научным сотрудником центра практической этики *Uehiro* факультета философии Оксфордского университета, сотрудником многих других научно-исследовательских центров¹.

Разработку нового научного направления – философии информации – Л. Флориди начал на рубеже XX–XXI вв., что нашло отражение в таких публикациях, как *Philosophy and Computing* («Философия и вычисления», 1999)², *What is the Philosophy of Information?* («Что такое философия информации?», 2002), *Open problems in the philosophy of information* («Открытые проблемы философии информации», 2004). На данный момент вышло несколько работ по основным разделам его философского проекта: *The Philosophy of Information* («Философия информации», 2011), *The Ethics of Information* («Этика информации», 2013), *The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality* («Четвертая революция – как инфосфера перестраивает человеческую реальность», 2014), готовятся к публикации работы *The Politics of Information* («Политика информации») и *The Logic of Information* («Логика информации»).

В связи с тем, что труды итальянского философа не переведены на русский язык, его идеи не получили распространения в русскоязычном научном сообществе. Тем не менее есть несколько публикаций,

посвященных различным аспектам его философской теории. В статьях В. П. Кулагина, С. А. Куджа, В. П. Седякина, В. Ф. Корнюшко и О. А. Филоретова анализируется подход Л. Флориди к проблеме построения общей теории информации [1–3], в публикациях М. А. Дедюлиной, О. В. Донец, О. П. Черных и О. М. Манжуевой сделан акцент на информационной этике философа [4–6], в работах Е. В. Терентьевой, Н. Г. Терентьевой, О. П. Черных и Г. В. Хлебникова большее внимание уделяется философским аспектам концепции, при этом Г. В. Хлебников дает наиболее полное представление о философии информации Л. Флориди [7; 8].

Отметим, что относительно концепции Л. Флориди наиболее уместно употреблять термин «проект» не только потому, что она находится на стадии разработки, т. е. еще не завершена, но и потому, что сам автор свой замысел называет тетралогическим проектом. Данный проект включает четыре основных раздела: философию информации, этику информации, политику информации и логику информации.

Философию информации, выступающую в качестве особого раздела философского знания, Л. Флориди определяет как «философское направление, связанное с критическим исследованием концептуальной природы и основных принципов информации, включая ее динамику и использование; а также с разработкой и применением информационно-теоретических и вычислительных методологий для решения философских проблем» [9, р. 137]. Такое определение интересно тем, что помимо традиционного для философии рассмотрения предельно общих и фундаментальных вопросов о какой-либо форме бытия философия информации предполагает использование методологии информационных наук для решения философских проблем, например в области эпистемологии, антропологии и этики.

В статье *Open problems in the philosophy of information* («Открытые проблемы философии информации») Л. Флориди сформулировал 18 основных вопросов для философии информации, которые определяют проблемное поле исследований и указывают ориентиры для дальнейшего развития [10]. Фундаментальным является вопрос: «Что такое информация?» По значимости он приравнивается к классическим вопросам: «Что есть бытие?»; «Что такое жизнь?»; «Что такое человек?» Такой подход обосновывает онтологический статус информации и, по мнению Л. Флориди, позволяет претендовать на статус именно *философии*, а не *теории* информации как частной науки.

Второй вопрос посвящен динамике информации, а третий звучит как «Возможна ли великая

¹ Luciano Floridi. URL: <http://www.philosophyofinformation.net>.

² Здесь и далее перевод наш. – Д. Д.

единая теория информации?». Эта проблема является актуальной и дискуссионной для современных информационных наук [3].

Вопросы 4–7-й Л. Флориди назвал семантическими, хотя они непосредственно входят в сферу эпистемологии, касаются не только значения и смысла информационного сообщения, но и проблемы истины, возможности различения истинной и ложной информации в едином информационном пространстве. К сфере эпистемологии также можно отнести вопросы 12–14-й, поскольку они связаны с перспективами знания, существующего в информационной среде и соотносящегося только с другим знанием, перспективами науки как формы информационного моделирования.

Вопросы 8–11-й посвящены проблемам соотношения человеческого сознания/разума и искусственного интеллекта, возможностям воссоздания «природного» разума в небиологической среде, а также соотношения субстанций *разум, информация, тело*.

Вопросы 15–17-й затрагивают философскую проблему онтологического статуса информации, а также натурализации информации и информатизации природы¹.

Последний, 18-й вопрос посвящен информационной этике. Его можно сформулировать следующим образом: «Имеет ли компьютерная этика философские основания?» [10, р. 575].

В философии информации Л. Флориди отчетливо прослеживается несколько уровней. Самый фундаментальный и абстрактный – учение об информации и информационных объектах (своеобразная онтология информации). В трактовке понятия «информация» исследователь придерживается, с одной стороны, субстанциального подхода, поскольку информация – универсальная характеристика всего универсума (любой объект может быть представлен как совокупность информационных данных), а с другой – эпистемологического и семантического подходов, которые важны для правильного понимания информации. Информация – это не просто инструмент снятия неопределенности и количественная характеристика, информация определяется своим содержанием [2], имеет определенное значение, она должна быть истинной, в обратном случае это уже дезинформация. Истинность информации определяется отношением между сопоставимыми информационными блоками, моделями. В конструктивистском ключе Л. Флориди трактует знание как продукт познавательной деятельности, а не как коррелят объективной реальности. В результате истинность информации верифицируется когерентными отношениями в информационной среде.

Объекты информационной реальности характеризуются прежде всего с позиции взаимодействия: агенты, оказывающие воздействие, и реципиенты, пассивно получающие воздействие [11]. Информационным объектом может быть любая часть живой и неживой природы, все, что существовало, существует или будет (может) существовать. Между этими объектами нет принципиальной разницы в онтологическом или этическом смысле, все они на равных участвуют во взаимодействиях, обеспечивающих существование инфосферы. Инфосфера – это «информационная среда, конституированная информационными процессами, услугами, объектами, включая информационные агенты, также как свойствами, интеракциями и взаимными связями» [11, р. 9].

Концепция инфосферы, как и вся философия информации, обрела смысл вместе с нарастающей информатизацией жизни. Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) не просто перестраивают мир, они его реонтологизируют: гаджеты и интернет формируют вокруг нас новую среду обитания с объектами, сущность которых определяется не физическими, а информационно-коммуникативными свойствами. Такая среда принципиально интерактивна, ее можно назвать «вездесущим компьютером» или «интернетом вещей», по сути, это новое онтологическое окружение. Особенность ее состоит в том, что она существует одновременно в физическом и информационном измерениях, т. е. онлайн и офлайн. Так, современный автомобиль немислим без *GPS*, интеграции со смартфоном, видео- и аудиосистемами, массы разнообразных технологических функций, которые позволяют автоматически тормозить и парковаться. Граница между реальным (в традиционном смысле) и виртуальным (в ИКТ-смысле) стирается. Существование материального объекта, человека, производства или политического акта в современном мире не может ограничиваться только реальностью. Чтобы быть полноценным, оно должно найти подтверждение в интернете, и чем выше его популярность в интернете, тем более оно значимо и информационно реалистично. Начиная с 1950-х гг. компьютерные науки и ИКТ изменили все: нас самих, наше окружение, взаимодействия с окружающим миром и наши представления о себе. Во многом люди уже не просто автономные объекты, а информационные организмы, или инфорги, связанные с биологическими агентами и инженерными артефактами в глобальной среде, инфосфере [11, р. 9].

Конечно, инфорги – это не киборги и не люди с измененными ДНК, вживленными чипами или модулями связи (хотя такие модификации орга-

¹ Более подробный анализ основных проблем философии информации Л. Флориди дан в статье Г. В. Хлебникова [8].

низма уже представляются не фантастикой, а скорее пугающей перспективой). Л. Флориди считает, что информационная революция последних десятилетий только подчеркнула, «высветила», информационность человека. Сейчас образ личности в интернете, информационный след событий, подробная биографическая информация и профессиональное портфолио – все это повседневные вещи. Человек и себе, и другим представляет себя через информационный образ – профиль в *Facebook*, *Instagram*, *LinkedIn* или *ВКонтакте*, над которым он ежедневно трудится. В современной действительности известное высказывание: «Человек – это совокупность общественных отношений» – можно перефразировать как «Человек – это совокупность информации и каналов ее передачи». Огромное влияние на становление человека-инфорга оказало появление и распространение интернета. Жизнь человека все больше перемещается из офлайн- в онлайн-пространство, поэтому Л. Флориди использует понятие *on-life* для характеристики жизни современного человека, который в интернете развивает и конструирует свою идентичность, получает не меньше опыта, знаний, отношений, чем в реальной жизни [12].

Особое место в творчестве Л. Флориди занимает информационная этика, она философию информации переводит из уровня абстрактного рассуждения на уровень актуальной и практически значимой дисциплины.

По мнению Л. Флориди, только информационная этика, как философская дисциплина, способна предложить системный подход к решению нарастающих проблем, обусловленных информационной революцией. Постоянно разгораются дискуссии о правах человека в информационной среде, безопасности персональных данных и государственных секретов, необходимости и возможности регулирования информационных потоков в интернете, авторском праве и свободе распространения информации. Если все эти и многие другие проблемы, связанные с регулированием в области информационных взаимодействий, рассматривать по отдельности, то это существенно ограничит понимание ситуации в целом (это уровень микроэтики) [11, р. 108–111]. Для формирования принципиально нового подхода к нравственному регулированию инфосферы нужен фундаментальный подход макроэтики.

Макроэтика Л. Флориди логично вытекает из онтологической и эпистемологической части философии информации и соотносится с экологической этикой, в основе которой лежит постулат ценности жизни и недопущения страданий всего живого. Однако, по мнению исследователя, традиционная экологическая этика излишне биоцентрична. Современный мир (инфосфера – в терминологии Л. Флориди) наполнены информационными объектами (агентами), которых нельзя назвать живы-

ми в биологическом смысле (роботы, программы, инженерные артефакты и др.), однако они обладают высокой ценностью, уникальностью и значимостью в системе информационных обменов. В связи с этим Л. Флориди в качестве постулата макроэтики провозглашает высшую ценность информации и информационных объектов, которые наполняют инфосферу [13].

Ценностью обладает все то, что представляет собой информацию и способствует ее приумножению: артефакты, далекие звезды, прошлые и будущие поколения, древние цивилизации и современные компьютерные программы. В таком случае абсолютным злом является любое разрушение информации, т. е. обеднение инфосферы (энтропия – в терминологии Л. Флориди) [11, р. 111–117]. Таким образом, злом является все то, что вызывает энтропию или способствует ей, добром – все то, что стимулирует рост инфосферы. Нравственный поступок оценивается с точки зрения благополучия инфосферы, он может совершаться даже неодушевленным информационным агентом, например компьютерной программой, защищающей данные, производящей вычисления (положительный поступок) или разрушающей эти организованные данные и целые информационные системы (отрицательный поступок). При этом следует помнить о том, что информация характеризуется содержательностью, когерентностью, эксплицитностью, эвристичностью. Только такая, а не любая информация является истинной и ценной. В результате можно констатировать тот факт, что информационная этика Л. Флориди универсальна и всеобща, позволяет применить ее принципы и регулятивы по отношению к самым сложным проблемам современного информационного мира, однако она, как и всякая философская система, оставляет много вопросов по практической реализации в конкретных социально-исторических условиях.

Таким образом, проект философии информации Л. Флориди представляется перспективной попыткой системного и фундаментального философского осмысления процессов и явлений, наиболее ярко характеризующих современный мир: распространения информационных технологий; информатизации экономики, производства, политики и повседневности; расширения сфер виртуальной реальности; разработки искусственного интеллекта и др. Философия информации Л. Флориди – новая версия метафизики для цифровой реальности, мира компьютеров и информационно-коммуникационных технологий. Она предлагает набор абстракций, позволяющих охватить единым взором весь мир новых информационных объектов, понять их взаимосвязь, представить возможности для формирования системы ценностей и норм, регулирующих отношения человека в новой информационно-технологической среде.

Библиографические ссылки

1. Кулагин В. П. Философия информатики [Электронный ресурс] // Образоват. ресурсы и технологии. 2015. № 2 (10). С. 76–81. URL: www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/ot_2015_2.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
2. Кудж С. А. О философии информации [Электронный ресурс] // Перспектива науки и образования. 2013. № 6. С. 9–13. URL: <http://projournal.files.wordpress.com/2013/10/1306pno1.pdf> (дата обращения: 05.05.2017).
3. Седякин В. П. Проблема Л. Флориди и классификация информационных наук // Приклад. информатика. 2012. № 3 (39). С. 125–131.
4. Дедюлина М. А. Компьютерная этика: философский анализ [Электронный ресурс] // Филос. проблемы информ. технологий и киберпространства. 2016. № 1 (11). С. 79–90. URL: <http://cyberspace.pglu.ru/upload/iblock/031/07.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
5. Донец О. В., Черных О. П. Информационная этика как онтоцентрическая экологическая макроэтика в философии информации Лучано Флориди [Электронный ресурс] // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2015. № 12-1 (62). С. 88–90. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_12-1_20.pdf (дата обращения: 15.05.2017).
6. Манжуева О. М. Информационная этика современного общества // Изв. Том. политехн. ун-та. 2013. Т. 323, № 6. С. 288–292.
7. Терентьева Е. В., Терентьева Н. Г., Черных О. П. Концепция информационной революции Лучано Флориди: онтогносеологический подход [Электронный ресурс] // NovaInfo. 2015. № 36. С. 112–115. URL: <http://novainfo.ru/article/3809> (дата обращения: 15.05.2017).
8. Хлебников Г. В. Философия информации Лучано Флориди // Метафизика. 2013. № 4 (10). С. 35–48.
9. Floridi L. What is the Philosophy of Information? // *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33, issue 1–2. P. 123–145.
10. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35, issue 4. P. 554–582.
11. Floridi L. *Information: A Very Short Introduction*. Oxford, 2010.
12. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity // *Minds Machines*. 2011. № 21 (4). P. 549–566.
13. Floridi L. Foundations of Information Ethics [Electronic resource] // *The Handbook of Information and Computer Ethics* / ed. by K. E. Himma, H. T. Tavani. Hoboken, 2008. P. 3–24. URL: http://www.cems.uwe.ac.uk/~pchat/2011/pepi/The_Handbook_of_Information_and_Computer_Ethics.pdf (date of access: 15.05.2017).

References

1. Kulagin V. P. The philosophy of informatics. *Obrazovatelnye resursy i tehnologii*. 2015. No. 2 (10). P. 76–81. URL: www.muiv.ru/vestnik/pdf/pp/ot_2015_2.pdf (date of access: 05.07.2017) (in Russ.).
2. Kudg S. A. On the philosophy of information. *Perspektivy nauki i obraz. [Respect. Sci. Educ]*. 2013. No. 6. P. 9–13. URL: <https://projournal.files.wordpress.com/2013/10/1306pno1.pdf> (date of access: 05.05.2017) (in Russ.).
3. Sedyakin V. P. [The problem of L. Floridi and the classification of information sciences]. *Pricl. informatika [Appl. Inform.]*. 2012. No. 3 (39). P. 125–131 (in Russ.).
4. Dedyulina M. A. Computer ethics: philosophical analysis. *Filos. problemy inform. tekhnologii i kiberprostranstva [Philos. Problems IT Cyberspace]*. 2016. No. 1 (11). P. 79–90. URL: <http://cyberspace.pglu.ru/upload/iblock/031/07.pdf> (date of access: 15.05.2017) (in Russ.).
5. Donets O. V., Chernykh O. P. Information ethics as ontocentric ecological macro-ethics in Luciano Floridi's philosophy of information. *Istoricheskie, filos., politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i prakt. [Historical philos. Political Law Sci. Culturology Study Art. Issues Theory Pract]*. 2015. No. 12 (62). P. 88–90. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_12-1_20.pdf (date of access: 15.05.2017) (in Russ.).
6. Manzhueva O. M. Information ethics of modern society. *Izv. Tomsk. Politehnicheskogo Univ. [Bull. Tomsk Polytech. Univ.]*. 2013. Vol. 323, No. 6. P. 288–292 (in Russ.).
7. Terentyeva E. V., Terentyeva N. G., Chernih O. P. [The concept of the information revolution Luciano Floridi: onto-gnoseological approach]. *NovaInfo*. 2015. No. 36. P. 112–115. URL: <http://novainfo.ru/article/3809> (date of access: 15.05.2017) (in Russ.).
8. Khlebnikov G. V. Luciano Floridi's Philosophy of Information. *Metafizika*. 2013. No. 4 (10). P. 35–48 (in Russ.).
9. Floridi L. What is the Philosophy of Information? *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33, issue 1–2. P. 123–145.
10. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information. *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35, issue 4. P. 554–582. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2004.00336.x.
11. Floridi L. *Information: A Very Short Introduction*. Oxford, 2010.
12. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity. *Minds Machines*. 2011. No. 21 (4). P. 549–566. DOI: <https://doi.org/10.100f/s11023-011-9259-6>.
13. Floridi L. Foundations of Information Ethics. In: K. E. Himma, H. T. Tavani (eds). *(The Handbook of Information and Computer Ethics)*. Hoboken, 2008. P. 3–24. URL: http://www.cems.uwe.ac.uk/~pchat/2011/pepi/The_Handbook_of_Information_and_Computer_Ethics.pdf (date of access: 15.05.2017). DOI: 10.1002/9780470281819.ch1.

Статья поступила в редколлегию 26.06.2017.
Received by editorial board 26.06.2017.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

А. И. ЕКАДУМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что способность общества к социокультурному синтезу в ситуации мультикультурной глобальности определяется типом преобладающей в нем этической системы, описанной в концепции В. А. Лефевра. Этика, обязывающая соблюдать запреты, создает большие возможности для продуктивного кросс-культурного диалога в сравнении с этикой, обязывающей к реализации блага. Обосновывается мысль о том, что глобальная модернити провоцирует в обществах с этической системой, декларирующей добро, более тяжелые моральные конфликты, чем в обществах, приверженных этике запретов. Автор приходит к выводу о том, что традиционное моральное поведение все чаще уступает необходимости осознанного индивидуального выбора в уникальной ситуации. В условиях переизбытка культурных кодов такой выбор более проблематичен для приверженцев этической системы, требующей соответствия поступков идеальному образцу блага, нежели для приверженцев этики, запрещающей совершение зла.

Ключевые слова: глобализация; этическая система; этика запретов; этика предписаний; кросс-культурная коммуникация; морально-аксиологический консенсус; социокультурный синтез; традиционное действие.

ETHICAL OBSTACLES OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN GLOBAL SOCIETY

A. I. EKADUMOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Community's ability for cross-cultural synthesis in the situation of multi-cultural globality is defined by the type of ethical system described in the conception of V. A. Lefevr that prevails in it. Ethics that enforces bans makes more opportunity for productive cross-cultural dialogue in comparison with the ethics that obliges one for the realization of good. Global modernity provokes more severe aftermath in societies with ethic systems declaring good than in societies committed to ethics of prohibitions. Traditional moral conduct increasingly gives way to the need for a conscious individual choice in a unique situation. In an overabundance of cultural codes such a choice is more problematic for adherents of an ethical system that requires conformity to the ideal pattern of good, than to for adherents of an ethics prohibiting perpetration of evil.

Key words: globalization; ethical system; ethics of prohibitions; ethics of prescriptions; cross-cultural communication; moral-axiological consensus; sociocultural synthesis; traditional action.

Преодоление глобальной нестабильности требует анализа ее социокультурных предпосылок. Социокультурная динамика включает духовно-аксиологическую составляющую, относительно автономную от материально-природных и тех-

нико-экономических факторов. Наибольший интерес в данном контексте представляют субъективно-волевые компоненты социодинамики, связующие уникальное персональное поведение, акты индивидуального выбора с общекультурным

Образец цитирования:

Екадумов А. И. Этические препятствия кросс-культурной коммуникации в глобальном обществе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 23–27.

For citation:

Ekadumov A. I. Ethical obstacles of cross-cultural communication in global society. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 23–27 (in Russ.).

Автор:

Андрей Иванович Екадумов – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrew I. Ekadumov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science. preator2000@mail.ru

нормированием. Мораль, как основание групповых и персональных практик, заслуживает особого внимания. В актах морального выбора социодинамика формируется во взаимодействии индивидуально-личностного и социокультурного компонентов, в единстве институциональной и персональной детерминации индивидов.

Анализ морали как фактора социодинамики, не сводимого к внешним, внесоциальным причинам, призван выявить возможности и пределы кросс-культурного диалога в контексте глобального социокультурного синтеза, способного удовлетворить требования всеобщности, диктуемые глобальностью, и обеспечить обусловленное мультикультурным характером метаобщества уважение уникальности.

Для изучения сочетаемости разнообразных этических систем, определяющих уникальные морально-аксиологические образцы для индивидов и групп, необходима оценка общих принципов, организующих преобладающие этические стратегии в определенных типах культур. Этическая типология культур, рассматриваемая в контексте их способности к мирному сосуществованию и синтезу партикулярных представлений о благе, позволит определить границы диалога, в которых принципиально возможно конструктивное кросс-культурное взаимодействие.

Наряду с поиском оснований для аксиологического консенсуса не менее актуально выявление принципов и норм, относительно которых моральный консенсус невозможен. Поиск общезначимых оснований кросс-культурного взаимодействия в ситуации провала мультикультуралистской политики требует экспликации заведомо бесперспективных направлений социокультурного синтеза. Пределы социально-политических компромиссов, морального и политического консенсуса, обусловленные несовпадением преобладающих моральных ориентаций, анализирует В. А. Лефевр [1].

Подход В. А. Лефевра не требует сосредоточения на конкретных моральных предписаниях и акцентирует внимание на предельно общих принципах организации морального поведения. Основой различия культур выступают не системы ценностей, религиозные верования или конкретные этические представления, а типы их интерпретации и реализации, заданные формулировкой базовых норм. В. А. Лефевр отмечает: «Два общества, имеющие тождественные системы ценностей, могут быть существенно различными, если у них разные этические системы» [1, с. 51]. Такая модель сосредоточивает внимание на принципах организации поведения и оценочных суждений, предпосылающих моральные оценки и поведение.

Фундаментальное различие культур, согласно данному подходу, коренится в преобладающем типе этического нормирования. В. А. Лефевр раз-

личает этику запретов и этику предписаний: «...запрет зла связан с моралью первой этической системы, а декларация добра – со второй» [1, с. 46].

Этика, сосредоточенная на позитивных требованиях блага, организует процесс морального оценивания, ориентируя приверженцев на исполнение ценностно-нормативного образца, вменяющего в обязанность определенный тип действий, воспроизводство которого оценивается как следование благу.

Альтернативой такой этической системе выступает этика, сосредоточенная не на требованиях поведения согласно четко сформулированному образцу блага, а на пресечении действий, способствующих утверждению зла. Этика запретов вместо воплощения должного сосредоточена на отказе от неприемлемого. Она не настаивает на следовании добру в соответствии с четкими предписаниями, а требует избегания зла через воздержание от злых действий.

Приверженцы этики, декларирующей добро, отмечает В. А. Лефевр, склонны рассматривать отступление от моральных предписаний и компромисс со злом как благо. В принципе, их базовые императивы-декларации предоставляют такую возможность. Компромисс со злом может быть оправдан конечным благом, т. е. утверждением позитивного морального образца, ради которого был допущен такой компромисс. Злое деяние, рассмотренное в перспективе конечной благой цели, оценивается в таком случае не само по себе, а в качестве несамостоятельного эпизода, тактического компонента в более масштабной моральной стратегии, способствующей торжеству добра.

Приверженцы этики, основанной на императивах-запретах, напротив, склонны оценивать компромисс со злом как зло. В данном типе этики отсутствует положительный образец, оправдывающий ситуативное нарушение моральных предписаний ради конечного торжества блага. Здесь нарушение запрета не обеспечено таким моральным оправданием, как положительный эффект аморального поступка в контексте его содействия стратегическому торжеству морали.

В этике запретов ценностно-рациональное действие не имеет положительного этического алиби. Его оценка определяется не столько соизмерением с конечной стратегической целью реализации блага, сколько соблюдением/нарушением запретительной нормы. При этом акценты на положительных образцах либо запретах неприемлемого задают различные перспективы для моральной квалификации действий. Этика деклараций добра, сосредоточенная на должном, ориентирует формирование моральных оценок в контексте противопоставления: то, что не соответствует образцу блага, скорее всего, является злом либо не благом. В то же время этика запретов, сосредоточенная на

неприемлемом, открывает большие перспективы для оценивания поступков в ином контексте: то, что не требует нарушения запрета, является, скорее всего, благом либо не злом. Этика предписаний сосредоточена на распознавании и утверждении добра, этика запретов – на распознавании и отрицании зла.

Учитывая, что обе моральные системы, выделенные в таком чистом виде, представляют собой не более чем идеальные типы, мы, применяя концепцию В. А. Лефевра, тем не менее получаем общие основания для сопоставления этических систем и оценки перспектив их сочетаемости при формировании институтов мультикультурного метаобщества. От приверженцев иных нормативных систем мораль деклараций требует соответствия действий предписанному образцу, тем самым ограничивая пространство компромисса. Этика запретов связывает компромисс с отказом от определенных действий.

Если мораль, декларирующая добро, тяготеет к исключению альтернатив, не обеспечивающих следование позитивному образцу блага, то мораль, отвергающая зло, исключает альтернативы, связанные с нарушением запретов, но не отвергает позитивные образцы, если те не предполагают такого нарушения. Таким образом, присоединение к участию в метаобществе для приверженцев этики предписаний сопряжено с большими сложностями идеологического и социально-психологического характера, чем для последователей этики запретов. Это утверждение требует уточнения. Приверженцам этической системы, декларирующей добро, тем сложнее достичь соглашения о благе с инакомыслящими, чем подробнее сформулирован их этический кодекс и чем строже вменяется его точное исполнение. В этом случае перечень обязательных к исполнению разделенных императивов возрастает, а вариативность в их реализации снижается. Напротив, наиболее легко прийти к согласию сторонникам этик, основанных на запретах, при сходстве базовых запретительных императивов предельно общего характера. Моральная консолидация сторонников этики запретов представляется менее проблематичной, чем достижение компромиссов между приверженцами этики запретов и этики деклараций или сторонниками этик, декларирующих благо, но с существенными отличиями базовых предписаний.

Морально-аксиологический консенсус в кросс-культурном диалоге возможен на основании как отрицания неприемлемого, так и утверждения должного, однако в каждом случае есть своя специфика. В случае кросс-культурной коммуникации приверженцев различных этик, основанных на отказе от зла, морально-аксиологический синтез облегчается близостью моральных запретов и их интерпретаций. Компромисс между приверженцами

этических систем, декларирующих добро, облегчается совпадением нормативных образцов блага. Аксиологический консенсус сторонников этики запретов и этики предписаний облегчается в случае отсутствия противоречий между запретами и предписаниями. Однако из перечисленных вариантов морально-аксиологический консенсус между приверженцами близких типов этики запретов остается наиболее вероятным, поскольку не требует детального согласования и интерпретаций нормативных предписаний приемлемого поведения.

Выявление обязательных базовых запретов, характерных для различных культур, анализ их совпадения открывают перспективы для эффективной оценки потенциала солидарности и способностей к социокультурному синтезу в мультикультурном обществе. Точно так же выявление базовых предписаний блага и степени актуальности их буквального исполнения в культурных сообществах обозначает пределы социокультурного синтеза при неизменности исходных социально-психологических установок.

В условиях ускоряющихся перемен жесткие предписания блага проигрывают запретам в адаптивном плане, поскольку новые этические коллизии, связанные с возникновением новых, прежде невообразимых технологий и сопряженных с ними практик, порождают все большее число взаимоисключающих или подлежащих согласованию требований. В состоянии диффузии культур жесткий положительный образец не может быть исполнен буквально в общем социокультурном контексте с иными этическими системами. Этика запретов оставляет за актором достаточную свободу в конкретном исполнении негативной нормы, не предписывая, а исключая определенные поступки и стратегии.

В условиях глобализации строгая приверженность предписаниям блага потенциально ориентирует культурные сообщества на изоляционизм, консервацию и архаизацию, вытесняющие их на периферию глобальных процессов. Но она так же способна стимулировать интенсивный культурный синтез, как ответ на рассогласование традиционных и новационных компонентов культуры. Однако при сохранении жесткой нормативности возможности такого синтеза остаются более ограниченными в сравнении с возможностями этической системы, ориентирующей индивида на творческое, автономное исполнение ограниченного перечня запретов общего характера, в уникальных условиях морального выбора на фоне нарастающего разнообразия.

Этика запретов способна выдерживать большее культурное разнообразие, поскольку не предполагает скрупулезной регламентации и перепоручает достраивание нормативного образца актору, ограничивая его поведение отказом от определенных

действий, а не их обязательным исполнением, с учетом ситуации и реакции других акторов, ориентирующихся точно так же.

Характерно, что В. А. Лефевр отмечает в культурах с этикой запретов склонность индивидов к сотрудничеству, тогда как альтернативные этические системы в большей степени связаны с настороженностью, закрытостью и соперничеством [1]. Приверженцы морали, декларирующей добро, допуская компромиссные отношения с моральным злом, склонны к избеганию компромиссов с носителями альтернативных точек зрения, не тяготеют к солидарности и предрасположены к конфронтации. Общество с доминирующей этикой предписаний не имеет эффективных стратегий, обеспечивающих компромиссное удовлетворение притязаний. Однако приверженцы морали, отрицающей зло, расценивая моральные компромиссы как нарушение базовых запретов, т. е. как следование злу, напротив, скорее склонны к поиску оснований для солидарности и компромиссов с носителями альтернативных оценок.

Тесное взаимопроникновение культур, характерное для глобализации, сочетание несовпадающих моральных систем провоцируют у индивидов, погруженных в ситуацию мультикультурности, дискомфортные психические состояния, инициирующие усилия по их преодолению. Эти состояния, их предпосылки и механизмы разрешения описываются Л. Фестингером в теории когнитивного диссонанса [2]. Наиболее сложные социально-психологические ситуации, обусловленные переживанием конфликта взаимоисключающих требований, описаны Г. Бейтсоном в концепции «двойного послания» (англ. *double bind*) [3]. Они возникают, когда актору приходится не просто совершать выбор из взаимоисключающих альтернатив, а когда эти альтернативы должны реализоваться одновременно. Выбор не может быть проигнорирован, и нерелексивные механизмы, определяющие предпочтения, не могут обеспечить разрешение дилеммы на бессознательном уровне.

Снижение остроты негативных переживаний, спровоцированных ценностным конфликтом, возможно при отсутствии развитой способности к моральной рефлексии и потребности в ней, за счет оценочных и поведенческих стратегий, максимально содействующих психическому комфорту независимо от эффективности поведения, направленного как на успех, так и на взаимопонимание. Обращение к веберовской оценке традиционного социального действия как нерелексивного воспроизведения усвоенного образца позволяет предполагать, что для традиционного общества, в силу преобладания социального автоматизма над осознанным поиском уникальных решений для уникальных ситуаций, описанные Л. Фестингером

и Г. Бейтсоном эффекты не столь актуальны, как для общества посттрадиционного. Само же традиционное действие, характер социального автоматизма в глобальном посттрадиционном обществе радикально меняются. Этот процесс подробно рассмотрен Э. Гидденсом в контексте переосмысления идеи «изобретения традиции» [4]. Содержание понятия «традиционное действие» в условиях нарастающих глокальных трансформаций все более отображает не историческую преемственность нерелексивных стандартизированных действий, а их распространенность. Стабильность обычая, как преемственность практик в историческом времени, становится все более краткосрочной, причем на фоне нарастающего избытка иных краткосрочных обычаев, возникающих и отмирающих с интенсивной сменой политических, технологических, экономических и социокультурных новаций.

Традиционное общество, где «изобретение традиций» не носило перманентного характера, как в обществе посттрадиционном, предоставляло индивидам и группам стабильные репертуары задач и решений, в том числе и своеобразный этический автоматизм, не требующий углубленной рефлексии. Э. Гидденс отмечает, что отступление от нерелексивного исполнения рутинных сценариев, необходимость объяснения, осознания акторами собственных поступков актуализируются в ситуациях, когда поведение людей не соответствует обычаю и выходит за рамки привычных норм [5]. Но интенсивное взаимопроникновение культур, спровоцированное глобализацией, порождает именно такие ситуации. Мультикультурное глобальное общество с его беспрецедентной социально-политической, культурной и технологической динамикой навязывает индивидам и группам ситуации, вынуждающие к рефлексии, тематизации, сопоставлению и согласованию этических образцов, примиряющих индивидуальный выбор с общекультурным стандартом. В условиях мультикультурности оценочно-поведенческие репертуары, привязанные к типичным ситуациям, идентичностям и статусам, уже не могут выступать как готовые, предоставляемые культурой стабильные амплуа. Они становятся синтетическими, гибридными, индивидуально адаптированными с учетом разнородных аксиологических стандартов, сопряженных с различными социокультурными традициями.

Сосредоточенность на традиционном социальном действии, нерелексивное воспроизводство повседневных практик в согласии с недавно возникшим и уже устаревающим обычаем, автоматизация поведения, соответствующая в посттрадиционных обществах автоматизирующему конформизму [6], а также все известные психологии неосознаваемые механизмы защиты способны минимизировать внутренние конфликты, вызван-

ные столкновением взаимоисключающих императивов. Успех защитных реакций возможен в случае, если моральная рефлексия подавлена и адепт этики, декларирующей добро, столкнувшись с неразрешимыми в ней дилеммами, от несчастного, «просвещенного ложного», по П. Слотердайку, сознания [7] возвращается к наивности слепого следования обычаю, соответствующей у И. Канта допросвещенному состоянию [8].

Тем не менее отказ от просвещенной позиции сам по себе не устраняет рассогласования культурных кодов, способного актуализироваться в случаях, когда нестандартные обстоятельства приводят к отступлению от автоматизированного, нерелексивного поведения, навязывая актору индивидуальный выбор и провоцируя конфликт императивов.

Интенсивные социокультурные изменения, вызванные глобализацией, актуализируют поиск морально-поведенческих стратегий, примиряющих индивидуальное, партикулярное и универсальное измерения культуры. Приверженцам этических си-

стем, основанных на запретах, эта ситуация предоставляет большие возможности для культурного синтеза и консолидации, кооперации и извлечения выгод от культурной глобализации как игры с ненулевой суммой, чем сторонникам жестко нормированной добродетельной жизни. Последние оказываются в более сложной ситуации, востребующей ресурсы и усилия для согласования этических кодексов, гарантирующего и следование партикулярной морали предписаний, и присоединение к глобальной кросс-культурной коммуникации.

Оценка этических предпосылок социокультурной разобщенности в глобальном мире с позиций, осмысленных В. А. Лефевром, позволяет интерпретировать эту разобщенность как инициированную рассогласованием и столкновением преобладающих образцов морального поведения – этикой, допускающей солидарность при соблюдении общих правил следования благу, и этикой, ограничивающей моральный выбор запретами, вне которых индивидам и группам предоставляется широкая поведенческая автономия.

Библиографические ссылки

1. Лефевр В. А. Алгебра совести. М., 2003.
2. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
3. Бейтсон Г., Джексон Д., Хейли Д. и др. К теории шизофрении [Электронный ресурс] // Gestaltlife. URL: <http://www.gestaltlife.ru/publications/8/view/104> (дата обращения: 12.04.2017).
4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
5. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М., 2005.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2016.
7. Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.
8. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Собрание сочинений : в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 29–37.

References

1. Lefevr V. A. [Algebra of conscience]. Moscow, 2003 (in Russ.).
2. Festinger L. [A theory of cognitive dissonance]. Saint Petersburg, 1999 (in Russ.).
3. Bateson G., Jackson D., Haley J., et al. [Towards a theory of schizophrenia]. *Gestaltlife*. URL: <http://www.gestaltlife.ru/publications/8/view/104> (date of access: 12.04.2017) (in Russ.).
4. Giddens A. [Runaway world: how globalization is reshaping our lives]. Moscow, 2004 (in Russ.).
5. Giddens A. [The constitution of society. Outline of the theory of structuration]. Moscow, 2005 (in Russ.).
6. Fromm E. [Escape from freedom]. Moscow, 2016 (in Russ.).
7. Sloterdijk P. [Critique of cynical reason]. Ekaterinburg, 2001 (in Russ.).
8. Kant I. [Answering the question: what is enlightenment?]. In: [Collected works] : in 8 vol. Moscow, 1994. Vol. 8. P. 29–37 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.04.2017.
Received by editorial board 05.04.2017.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

И. Н. КОЛЯДКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится концептуальный анализ феномена культурной традиции в современных нестабильных обществах. Обосновывается тезис, согласно которому культурная традиция является социальной формой устойчивости и определенности, структурирует социум, обеспечивает трансляцию и воспроизводство системы ценностей, конституирует и поддерживает социальный порядок. Устанавливается, что в условиях глобальной нестабильности традиция выступает в качестве ценностно-нормативной системы координат, обеспечивающей устойчивое развитие модернизирующихся обществ.

Ключевые слова: культурная традиция; современность; кризис; идентичность; инновации; проект модернизации.

THE CULTURAL TRADITION AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN AN ERA OF GLOBAL INSTABILITY

I. N. KOLYADKO^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the conceptual analysis of the phenomenon of cultural traditions in the modern unstable societies. The thesis according to which cultural tradition is a form of social stability and certainty, society structures, provides translation and reproduction of values, constitutes and supports social order. In the context of global instability tradition serves as a value-regulatory system of coordinates to the sustainable development of modernizing societies.

Key words: cultural tradition; modernity; crisis; identity; innovation; project of modernization.

Феномен культурной традиции является предметом фундаментальных исследований и интерпретаций в самых разнообразных парадигмальных стратегиях и теоретико-методологических программах современной социальной философии. Существующие подходы к данному феномену, несмотря на их противоположность и альтернативность, сближаются пониманием исключительности традиции, которая воспринимается как особый

социально организованный коллективный опыт, образующий краеугольное основание, устойчивое ядро культуры как таковой. Под традицией (от лат. *traditio* – передача, предание) следует понимать «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох» [1, с. 87]. В этом отношении традиция представляет собой неоднородное, внутренне

Образец цитирования:

Колядко И. Н. Культурная традиция как фактор устойчивого развития в эпоху глобальной нестабильности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 28–34.

For citation:

Kolyadko I. N. The cultural tradition as a factor of sustainable development in an era of global instability. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 28–34 (in Russ.).

Автор:

Илья Николаевич Колядко – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Ilya N. Kolyadko, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.
expireauto@yandex.ru

дифференцированное образование, включающее в себя всю совокупность сложившихся устойчивых форм социокультурного бытия – от ценностных ориентаций до социальных стереотипов поведения и программ деятельности.

В отечественной философской мысли комплексному исследованию феномена культурной традиции посвящены работы Н. В. Мотрошилова, В. В. Анохина, В. Н. Порус, А. И. Зеленков, В. Б. Власова, О. Г. Шаврова и др. Рассмотрение проводится в контексте актуальных проблем и вызовов глобализации, возрастающих социально-экологических угроз. Вместе с тем акцентируется внимание на созидательном, ценностно-нормативном, мировоззренческом потенциале культурной традиции, обосновывается ее конституирующая роль в процессах устойчивого развития в современных нестабильных обществах.

Одной из наиболее перспективных стратегий исследования культурной традиции является структурно-функциональный анализ, который предполагает ее рассмотрение в контексте процессов социокультурной динамики и глобальных трансформаций в единстве формальных и содержательных характеристик данного феномена. Статус и основные формы репрезентации традиции в динамике культуры непосредственно вытекают из ее функционального своеобразия – имманентной двойственности социокультурной традиции, ее *бифункциональной природы*. Профессор А. И. Зеленков отмечал: «Специфика социокультурных традиций в системе аксиологических установок деятельности отчетливо проявляется в их двойственной природе. С одной стороны, традиция представляет собой особую форму трансляции социально значимого опыта от одного поколения к другому. <...> С другой – она должна быть рассмотрена исходя из содержательных особенностей этих ценностей и норм» [2, с. 143].

Философско-категориальный анализ феномена культурной традиции предполагает проведение строгой дифференциации между *содержанием традиции*, т. е. «ценностями культуры, которые, существуя в форме групповых стереотипов, выполняют функции программирования и регулирования человеческой деятельности и поведения», и ее *формальными компонентами* – «механизмами, посредством которых традиция реализуется» [2, с. 144]. С точки зрения содержания культурная традиция представляет собой совокупность преемственно транслируемых ценностей и смыслов. Ее формальная сторона, в свою очередь, определяется тем, что традиция выступает в качестве определенного типа передачи социокультурного наследия. В единстве формальных и содержательных характеристик традиция выступает в качестве «особого типа отношений между последовательными стадиями

развивающейся социальной системы, при которых на новом уровне бытия этой системы *стереотипно и инвариантно* (выделено нами. – И. К.) воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня» [2, с. 145].

Культурная традиция определяет мировоззренческие и методологические регулятивы и ориентации устойчивого социокультурного развития современных обществ в эпоху глобальной нестабильности. Свой конструктивный потенциал культурная традиция реализует в двух взаимодополняющих функциях – *нормативно-стабилизирующей* (обеспечивает поддержание преемственности социокультурного развития и интеграцию инновационных компонентов творческой деятельности) и *инновационно-эвристической* (способствует обогащению социокультурного опыта и делает возможным полноценное развитие общества). *Бифункциональная природа* культурной традиции проявляется в том, что она непосредственно выступает как основание для сохранения и актуализации ценностно-нормативного, смыслового единства культуры в исторически изменчивых условиях, а также как источник стабильности и порядка.

Образ общества и его будущее во многом определяются степенью интеграции традиции в социальные структуры. Согласно В. И. Толстых «традиция представляет собой такую разновидность исторического сознания, где прошлое претендует быть прообразом настоящего и даже одним из источников совершенства будущего» [1, с. 87]. С одной стороны, традиция является инерционной характеристикой социокультурной динамики, воплощением консерватизма формы и содержания, препятствующих зарождению новых культурных и социальных практик (К. Мангейм говорил о свойственной ей нерелективной приверженности к накопленному опыту [3, с. 7–276], а Э. Кассирер рассматривал традицию как форму мифологизации действительности, препятствующую реализации индивидуальности субъекта в его творческой деятельности [4, с. 123–127]). С другой стороны, традиция является одним из способов упорядочивания и структурирования культуры, который консолидирует в завершённый целостный комплекс как феномены культурного пространства, так и различные сферы социальной системы. Инвариантность, стабильность и устойчивость социодинамики, а также непрерывность трансляции социокультурных кодов, обеспечивающих воспроизводство смыслов в исторически изменчивых условиях, во многом зависят от статуса и роли культурной традиции в обществе.

В ракурсе экзистенциально-феноменологической стратегии «традиция, в которую погружен субъект, рассматривается как структурированное смыслом и ценностью историческое бытие» [5, с. 114].

Поскольку человеческое существование конституируется смыслополаганием, которое имеет форму исторического бытия, можно говорить о том, что эволюция ценностей, выражающих смыслы, обуславливает трансформацию норм и социальной структуры, кардинально изменяя характер социокультурной динамики в целом. Ценности, составляющие квинтэссенцию традиции, задают базисные основания и социокультурные предпосылки развития социума, придают историческому процессу смысл. Однако, как утверждала В. В. Анохина, «в кризисной ситуации общественного развития, когда прежние идеалы приходят в упадок, недостаточно простой реставрации традиции», поскольку «создание новой ценностной иерархии возможно лишь при наличии способности принимать независимые аутентичные решения» [5, с. 114–115]. Вместе с тем транзитивные, кризисные эпохи не столько ведут к стагнации, сколько «обнаруживают внутреннюю способность культуры перестраивать отношения между составляющими ее ядро ценностями, изменяя их значение и смысл» [5, с. 113].

Важным является сформулированное М. Г. Завьяловым понимание традиции как «способа самоидентификации общества» посредством «аккумуляции, трансляции и трансмутации социального опыта» [6, с. 9–10]. Культурная традиция определяет парадигмальные основания общества, а также задает вектор, ориентацию его развития в целом. Исследователь отмечает, что «осознание традиции как меры идентичности позволяет обществу выверить свое нынешнее социокультурное состояние и перспективы дальнейшего развития посредством органичного сочетания в культуре (как в аспекте творчества, так и [в аспекте] преемственности) своего и чужого, старого и нового, сакрального и профанного» [6, с. 18]. Культурная традиция существенно влияет на характер социального порядка и является критерием, на основании которого различаются типы, ориентации цивилизационного развития.

В социальной философии сложился подход, в рамках которого на основании различия базисных ценностей культуры выделяют как минимум два типа цивилизационного развития – традиционный и техногенный. Специфика каждого из них связана прежде всего с основополагающими, фундаментальными целями человеческой деятельности, принятыми в качестве конституирующих процесс развития и формирующими содержание культурной традиции.

Общество традиционного типа в своей социокультурной эволюции опирается на «сакральное ядро», канонизированные образцы, нормы и архетипы деятельности. К основополагающим характеристикам такого общества относят замедленные темпы социокультурных изменений, ориентацию

на сохранение и трансляцию устоявшихся форм организации социальной жизни, достижение свободы и самореализации личности в сфере самоизменения без стремления к преобразованию сложившихся социальных структур [7, с. 82–87]. Этот тип социокультурного и цивилизационного развития существовал на Западе вплоть до XVI в.

В эпоху Возрождения начинает формироваться культурная матрица техногенной цивилизации, складывается особый тип социальных отношений, ставший основанием будущего индустриального общества и соответствующей ему модернизационной культуры. Параллельно утверждалась и совершенно новая картина мира, мировоззренческие доминанты которой выражали специфическое современное понимание целей и предназначения человеческой жизни. Все это нашло отражение в практике социальных отношений, видоизменениях структуры общества, появлении новых форм человеческой активности. В этот период оформлялась секулярная культурная традиция. Ориентация на перманентную трансформацию, интенсификацию, инновационность стали ведущими стратегиями цивилизационного развития обществ современного типа, *ценностями* их культуры.

Конструктивный потенциал традиции был подвергнут тотальной критике, в результате чего в культуре модерна утвердился и стал доминирующим взгляд на традицию как на рудиментарное образование, которое препятствует полномасштабному поступательному развитию. Вследствие катаклизмов глобального характера и разворачивающегося системного культурно-цивилизационного кризиса традиция вновь обретает свое нетривиальное значение. Это связано и с острой необходимостью разрешения накопившихся в культуре проблем и противоречий. Вместе с тем необходимо помнить, что всякая инновационная деятельность, ставящая целью осовременивание общества, осуществляется одновременно в двух направлениях: с одной стороны, любая инновация не только обновляет содержание традиции, но и переструктурирует ее, придает новые смыслы ее компонентам; с другой стороны, именно традиция выносит решение о приемлемости инноваций, а также о возможном их воплощении в ткань общественного бытия. Иначе говоря, культурная традиция определяет не только образ прошлого, но и вектор развития общества в настоящем и будущем.

Об этой уникальной связи инноваций и традиции часто забывают при анализе предпосылок возникновения кризиса в социокультурном развитии современных обществ. При поверхностном рассмотрении феномена культурной традиции ее *модернизационный потенциал* неочевиден, однако от этого он не становится менее значительным. На вопрос, в чем заключена специфика понимания

традиции как движущей силы модернизации, процессов инновационного преобразования в целом, дал ответ А. Буранчин: «Суть этих представлений в следующем: органичное принятие обществом инновационных экономических технологий возможно лишь в случае, если инновации вырастают из традиций» [8, с. 44].

Отчуждение человека, общества, культуры от своих корней, следование ценностям, выросшим на другой почве и в иных культурно-цивилизационных контекстах, привело к тому, что «осознание кризиса стало образом жизни» [8, с. 233], а минимизация его локальных деструктивных последствий требует усилий уже всего человечества. В связи с этим английский социолог З. Бауман высказал предположение, согласно которому «общество обречено на гибель, на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными» (цит. по [8, с. 45]).

Таким образом, традиция является краеугольным камнем, на котором основано все здание культуры, а развитие общества осуществляется согласно ценностным ориентациям, заложенным в структурах традиции. Она выступает не только как система средств, механизм адаптации нововведений к культурному контексту, но и как та среда, в которой инновационные практики преломляются, видоизменяются и пропущенные через фильтр традиции интегрируются в ткань культуры и сферу общественных отношений. *Диалектический синтез традиций и инноваций* является базисом устойчивой динамики общества. Модель динамического консерватизма в социокультурном развитии становится наиболее приемлемой формой репрезентации локальных идентичностей в глоболизирующемся мире.

Вместе с тем проведение и воспроизводство инновационных практик в форме модернизации и в начале XXI в. продолжает формировать облик мировой цивилизации и человечества. Как отмечал К. Н. Костюк, «связка традиция – модернизация является элементом классической европейской модели развития. Здесь модернизация мыслится как инновационный процесс, базирующийся на традиции, устойчивой основе общества. Модернизация не отменяет и не деформирует традицию, а постепенно реформирует ее. Традиция, в свою очередь, не блокирует модернизацию, а ограничивает ее, приспособлявая к существующим отношениям, и медленно приспособляется сама» [10, с. 6]. Полагаем, что одной из причин *кризиса* является характерная для обществ постиндустриальной ориентации несоизмеримость инноваций формам репрезентации традиции, а также диссонанс в развитии объективной и субъективной форм культуры [11, с. 481–482].

Обогащение традиции новыми, нестандартными формами и практиками обеспечивает динамизм культурной жизни, ее воспроизводство на качественно новом уровне. В условиях глобальной нестабильности традиция, очевидно, выступает как *стабилизирующий фактор*, устойчивое основание преобразующей деятельности как отдельного человека, так и человечества в целом. Исследователь С. В. Голубев утверждал: «Поскольку традиция в истоке сакральна, она дает устойчивый надындивидуальный критерий, позволяет построить систему координат для различения “добраго и злого”, что препятствует манипулированию поведением индивида и, вообще говоря, способствует обретению им определенного внутреннего содержания» [12, с. 241–242]. Современное общество с характерной для него идейной неприязнью ко всему традиционному, канонизированному, стабильному, а следовательно устойчивому и определенному, в своей основе обречено на нестабильность и кризисность, перманентную трансформацию.

Современность, как определенная эпоха развития человечества и тип цивилизации, есть специфический социокультурный феномен, историческое формирование которого осуществлялось посредством отталкивания от предшествующего ему средневекового, т. е. традиционного общественного уклада. Осуществляя «*дисконтинуистскую*» интерпретацию социального развития», направленную на выявление параметров, конституирующих современность, Э. Гидденс отметил тот факт, что предпосылкой становления современности как определенного социального и культурного уклада являются ряд *разрывов*, имевших место на разных стадиях человеческой истории. Автор утверждает: «Формы жизни, созданные современностью, оторвали нас от *всех* традиционных типов социального порядка и сделали это способом, не имеющим исторических прецедентов» [13, с. 115]. Трансформировались как формы социальных связей, так и концептуальные характеристики повседневности. Вместе с тем Э. Гидденс полагает, что обобщенное противопоставление традиционного и современного берет начало в доминировании эволюционного нарратива, сквозь призму которого история европейского человечества рассматривается в виде однонаправленной сюжетной линии, «придающей мешанине производимых людьми событий вид упорядоченной картины» [13, с. 115].

Разрыв современного и традиционного, по мнению Э. Гидденса, является фундаментальным и, более того, непреодолимым, поскольку большинство принципов современности имеют лишь «видимую преемственность с ранее существовавшими порядками» [13, с. 117]. В контексте доминирующей в современном обществе идеологии традиция понимается как репрессивный механизм социальных

изменений вне предположения о тесной связи подобного рода истолкований с институциональными параметрами самой современности. Несмотря на многообразие отрицательных черт, современность по своей сути *рефлексивна*. В связи с феноменом рефлексивности Э. Гидденс рассматривает специфику взаимосвязи современного и традиционного. Так, в досовременных культурах конституирующая роль традиции заключается в актуализации символического, которое «вбирает и увековечивает опыт поколений», а сама традиция является «способом объединения рефлексивного мониторинга действий с пространственно-временной организацией сообщества» [13, с. 154]. Современность привносит в понимание феномена традиции свои специфические коннотации, связанные с изменением характера рефлексивности. Традиция и традиционное получают оправдание «с точки зрения знания, подлинность которого не удостоверяется традицией» [13, с. 154]. При этом характерной чертой современности является не столько инновационность, новизна, сколько «презумпция всеобщей рефлексивности, включающая и рефлексии о природе самой рефлексии» [13, с. 156].

Таким образом, разрыв современного и традиционного является предпосылкой нарастания рефлексии внутри современности, продуцируя *кризисные тенденции* в динамике социокультурного развития: «Мы заброшены в мир, который с начала и до конца образован посредством рефлексивно применяемых знаний, но в котором мы в то же время никогда не можем быть уверены в том, что какой-либо данный элемент этого знания не будет пересмотрен» [13, с. 157]. Рефлексивность образует фундамент современности, понимаемой как определенный тип общественного устройства, противостоящий традиции и основанному на ней типу общества. *Модернизация* представляет собой программу воплощения в социальную практику, культуру, а главное – в сознание основных принципов, постулатов и установок проекта *modern society*.

Вследствие углубляющихся проблем и рисков социокультурного и цивилизационного развития в начале XXI в., в эпоху «поздней модернити» (цит. по [8, с. 45]), интерес к феномену культурной традиции, а также к проблеме соотношения традиций и инноваций не является случайным. Осознание фундаментальной роли традиции в динамике устойчивого развития модернизирующихся обществ стало, как полагает Ю. Хабермас, следствием критического ощущения их растущей сложности в сочетании с внутренней дифференциацией и децентрализацией жизненного мира [14, с. 12–15]. На наш взгляд, адекватной идеалам устойчивого развития и современным реалиям является *модель диалектического синтеза традиций и инноваций*.

Наиболее яркий в этом отношении пример – Япония, технико-технологическая модернизация которой в незначительной степени затронула традиционные, канонизированные устои, касающиеся мифолого-религиозной и обрядовой сторон жизни, по-прежнему конституирующих социальную практику, политико-институциональную и культурную сферы [15, с. 58, 75, 177, 247]. Как отмечала В. Г. Федотова, «Япония осуществила успешную модернизацию, обогнав европейские страны и Америку не потому, что она следовала какой-то рационально-научной модели, а потому, что сумела использовать традиционные ценности – семьи, труда – в своем развитии» [16]. В этом отношении Япония является образцовым примером государства, в котором модернизационное развитие осуществляется на основе аутентичных национальных традиций, культурных и религиозных, которые репрезентируют специфику японской ментальности.

Пример Японии подтверждает тот факт, что в процессах модернизационного развития культурная традиция выступает в качестве определенного поля смыслов, задающих вектор деятельности как отдельного человека, так и всего общества и нации в целом. Традиция представляет собой не только механизм преемственности – она играет решающую роль в формировании этнических ценностей и культурного наследия, которые актуализируются в процессе социализации и инкультурации личности. Кроме того, традиция составляет квинтэссенцию культуры, воплощает собой самобытность этноса и его уникальный социальный опыт.

Основополагающая и в этом смысле исключительная роль традиции состоит в ее способности регулировать и контролировать процессы модернизации, ограничивать поле их воздействия на парадигмальные основания социума. Исследователь С. Н. Гавров утверждал: «Если в пространстве культурной периферии происходят негативные изменения, например вторжение чужой культуры, то включаются защитные механизмы культурного ядра, и традиции проявляются в императивном порядке даже и в периферийных, казалось бы, легко управляемых культурных полях» [17, с. 22]. В условиях эскалации инновационных практик традиция задает параметры дистанции между культурами, определяет ценностные ориентации и формы отношений к чужой модели социокультурного развития, устанавливает правила общения и взаимодействия с другими народами и цивилизациями.

Концептуальная аналитика противоречий динамики культурного развития сквозь призму проблемы соотношений традиционного и инновационного позволяет выявить ряд существенных закономерностей исторической эволюции культурных форм, а также эксплицировать ключевые аспекты феномена кризиса как стадии трансфор-

мации современных обществ. Стратегию устойчивого развития как приоритет цивилизационной динамики в условиях глобальной нестабильности возможно осуществить только в том случае, если традиция, реализуя свою бифункциональность, будет выступать в качестве меры идентичности и ориентации развития. Вместе с тем важно помнить о том, что культурная традиция является не столько специфическим механизмом стабилизации развития, сколько «интегральной характеристикой социокультурной динамики, природа которой заключена в установлении ценностно-смысловых отношений между разнесенными во времени социальными состояниями общественной жизни» [18, с. 98]. В этом отношении можно говорить о тесной связи традиции с феноменом власти, которая, в свою очередь, в терминологии системного подхода может быть определена как средство «самоорганизации социальной системы, состоящее в ценностно-нормативном упорядочении связей и отношений между ее элементами» [19, с. 31]. Полагаем, что именно в установлении порядка (как нормативного, так и социального) и заключается одна из задач, реализуемых культурной традицией, которая в социальной проекции может выступать в том числе как «институализированная власть, захватывающая субъекта и определяющая его способ мышления и действий» [5, с. 118].

Подобный взгляд на природу и сущность традиции вполне выражен Г. В. Ф. Гегелем, который видел в ней не столько «домоправительницу, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не умаленным», сколько живую субстанцию, которая «растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше отходит от своего истока» [20, с. 70]. Традиция, как квинт-эссенция духа культуры, ориентирует общество в направлении развития его «изначального ядра» [11, с. 476–477], раскрывая имманентно присущий ей творческий потенциал.

В условиях перманентной нестабильности и становления нового типа общества динамика социокультурного развития становится все менее предсказуемой и однозначной. В связи с этим актуализируется нормативно-регулирующий, стабилизирующий, культурно-созидающий потенциал традиции. В единстве формальных и содержательных характеристик проявляется бифункциональная природа культурной традиции, ее культурно-созидающий, стабилизирующий потенциал в динамике современных модернизирующихся обществ. В эпоху глобальных культурно-цивилизационных вызовов культурная традиция является источником социального порядка и основанием устойчивого развития.

Библиографические ссылки

1. Толстых В. И. Традиция // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 4. С. 87–88.
2. Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Минск, 1987.
3. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. М. Левина. М., 1994.
4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. Б. Вимера [и др.]. М., 1998.
5. Анохина В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии. Минск, 2014.
6. Завьялов М. Г. Традиция как способ самоидентификации общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Екатеринбург, 1997.
7. Стёпин В. С. Типы цивилизационного развития // Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 78–100.
8. Буранчин А. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // Перспективы модернизации традиционного общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 23 июня 2011 г.). Уфа, 2011. С. 43–50.
9. Тиллих П. Кайрос / пер. О. Зоткина // Избранное: Теология культуры. М., 1995. С. 216–235.
10. Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре // Социол. журн. 1999. № 3 (4). С. 5–20.
11. Зиммель Г. О сущности культуры / пер. А. М. Руткевича // Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 1 : Философия культуры. С. 475–481.
12. Голубев С. В. Об одном «глобальном риске» современности // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры : материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии НАН Беларуси (Минск, 14–15 апр. 2011 г.). Минск, 2011. С. 240–242.
13. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
14. Хабермас Ю. Проблема легитимации в условиях позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай. М., 2010.
15. Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Япония: опыт модернизации. М., 2011.
16. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы [Электронный ресурс] // Интеллектуальная Россия. 2008. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9900-modernizaciya-drugoj-evropy.html> (дата обращения: 21.02.2017).
17. Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М., 2002.
18. Анохина В. В. Культурная традиция в контексте современной социальной динамики // Гуманит. вестн. Запорож. гос. инж. акад. 2010. Т. 42. С. 89–101.
19. Голубев С. В. Концептуальный анализ феномена власти // Философия и соц. науки. 2009. № 1/2. С. 27–32.
20. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 т. СПб., 2006. Т. 1.

References

1. Tolstykh V. I. [Tradition]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* : in 4 vol. Moscow, 2010. Vol. 4. P. 87–88 (in Russ.).
2. Zelenkov A. I., Vodop'yanov P. A. [The dynamics of the biosphere and socio-cultural traditions]. Minsk, 1987 (in Russ.).
3. Hannheim K. [Diagnosis of our time]. Moscow, 1994 (in Russ.).
4. Kassirer E. [Selected. Experience about a person]. Moscow, 1998 (in Russ.).
5. Anohina V. V. [The cultural tradition in the paradigms of modern philosophy]. Minsk, 2014 (in Russ.).
6. Zavyalov M. G. [Tradition as a means of self-identity society] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata filosofskikh nauk : 09.00.11. Ekaterinburg, 1997 (in Russ.).
7. Stepin V. S. [The types of civilizational development]. In: *Tsivilizatsiya i kul'tura*. Saint Petersburg, 2011. P. 78–100 (in Russ.).
8. Buranchin A. [Traditional society and modernization: theoretical and methodological aspects]. *Perspektivy modernizatsii traditsionnogo obshchestva* : materialy Vseross. nauchno-prakticheskoi konf. (Ufa, 23 June 2011)]. Ufa, 2011. P. 43–50 (in Russ.).
9. Tillich P. Kairos. In: [Selected: *Theology of culture*]. Moscow, 1995. P. 216–235 (in Russ.).
10. Kostyuk K. N. [Archaic and modern in the Russian culture]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1999. No. 3 (4). P. 5–20 (in Russ.).
11. Zimmel G. On the essence of culture. In: [Selected] : in 2 vol. Moscow, 1995. Vol. 1 : [Philosophy of culture]. P. 475–483 (in Russ.).
12. Golubev S. V. On a «global risk» modernity. *Filosofiya v Belarusi i perspektivy mirovoi intellektual'noi kul'tury* : materialy Mezhdunar. nauchno-konf. k 80-letiyu Instituta filosofii NAN Belarusi (Minsk, 14–15 April 2011). Minsk, 2011. P. 240–242 (in Russ.).
13. Giddens E. [The consequences of modernity]. Moscow, 2011 (in Russ.).
14. Habermas Yu. [The problem of legitimation of late capitalism]. Moscow, 2010 (in Russ.).
15. Molodyakova E. V., Markar'yan S. B. [Japan: experience of modernization]. Moscow, 2011 (in Russ.).
16. Fedotova V. G. [Modernization of the «other» Europe]. *Intellektual'naya Rossiya*. 2008. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9900-modernizaciya-drugoj-evropy.html> (date of access: 21.02.2017) (in Russ.).
17. Gavrov S. N. [Sociocultural tradition and modernization of the Russian society]. Moscow, 2002 (in Russ.).
18. Anohina V. V. Cultural tradition in the context of modern social dynamics. *Humanit. Bull. Zaporizhzhzhe State Eng.* 2010. Vol. 42. P. 89–101 (in Russ.).
19. Golubev S. V. Conceptual Analysis of the Power Phenomenon. *Filos. i sotsial'nye nauki* [J. Philos. Soc. Sci.]. 2009. No. 1/2. P. 27–32 (in Russ.).
20. Hegel G. W. F. [Lectures on the history of philosophy] : in 3 vol. Saint Petersburg, 2006. Vol. 1 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.02.2017.
Received by editorial board 27.02.2017.

История философии

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 316.73+316.42

РЕВОЛЮЦИЯ КАК «ШОК» ИСТОРИИ: ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. БЕНЬЯМИНА

И. Н. СИДОРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется концепция революционного преобразования истории В. Бенямина, в рамках которой революция понимается как разрыв каузальной истории, приводящей к обращению официальной истории господствующего класса в ничто. Раскрывается представление В. Бенямина истории как текста, а революции как созидательного акта, который стирает доминирующий текст истории и создает новый текст как искупление прошлого. Постулируется, что вместе с тем революция обречена на неудачу, если происходит мистификация и идеологизация прошлого, в силу чего она превращается из творческого акта в тоталитарный захват. Утверждается, что проект революционного преобразования истории В. Бенямина обладает объяснительным потенциалом не только для раскрытия сущности революций прошлого столетия, но и для осмысления такого современного феномена, как цветные революции.

Ключевые слова: революция; история; власть; исторический материализм; шок; текст; пролетариат; анархист; творчество; судьба; решимость; война; катастрофа.

REVOLUTION AS A «SHOCK» OF HISTORY: PHILOSOPHICAL-HISTORICAL CONCEPT OF W. BENJAMIN

I. N. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to analysis of the project of the revolutionary transformation of history by Walter Benjamin, in which the revolution is understood as a gap of the causal history and as the main cause of the destruction of the official history of the ruling class. The author of this article reveals that the history in Benjamin's concept is presented as text, and the

Образец цитирования:

Сидоренко И. Н. Революция как «шок» истории: философско-историческая концепция В. Бенямина // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 35–39.

For citation:

Sidorenko I. N. Revolution as a «shock» of history: philosophical-historical concept of W. Benjamin. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 35–39 (in Russ.).

Автор:

Ирина Николаевна Сидоренко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Irina N. Sidorenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science. Iri_na2000@rambler.ru

revolution is presented as a creative act that erases the dominant text of history and produces a new text as a redemption of the past, however, the revolution is doomed to failure, if there is mystification and indoctrination of the past, whereby it is transformed from a creative act in a totalitarian grip. The author of this article argues that the project of the revolutionary transformation of history by Benjamin has explanatory potential for the disclosure of the essence not only of the revolutions of the last century, but also for the understanding of such modern phenomenon as «color revolutions».

Key words: revolution; history; power; historical materialism; shock; text; the proletariat; the anarchist; creativity; fate; determination; war; disaster.

Согласно определению В. И. Ленина XX в. стал «веком войн и революций». Начало XXI столетия также оказалось окрашено в цвет революционных знамен, выступивших сигнальными огнями войны, которая, как правило, либо предшествует революции, либо ей сопутствует. В работе «О революции» Х. Арендт отмечала, что «взаимное влияние и взаимосвязь между войной и революцией неуклонно возрастает, а акцент в их взаимоотношении все более и более смещается от войн к революции», поэтому «если нам не суждено исчезнуть вовсе, то более чем вероятно, что именно революции, а не войны, будут сопровождать нас в обозримом будущем» [1, с. 14–15].

Многие исследователи, в том числе Х. Арендт и С. Жижек, связывали поражения революций с «перевертышем» проблемы свободы: во-первых, социальный вопрос вытеснял проблему свободы как таковой; во-вторых, освобожденные так и не становились субъектами революционного преобразования, превращаясь в освобожденных от политического, а значит, свободного действия.

Немецкий философ Вальтер Беньямин видел причину поражения революции в мистификации и идеологизации прошлого, в силу чего из акта свободного созидания она превращается в тоталитарный захват. Сущность революции в концепции В. Беньямина вытекает из трех смысловых проекций: 1) революция – это созидательный акт, который стирает доминирующий текст истории и порождает новый текст как искупление прошлого; 2) революция – это возможность для народа совместно вершить свою судьбу, а не копировать насаждаемый извне, не связанный с традицией проект, который так и останется искусственным и нежизнеспособным; 3) революция – это разрыв каузальной истории, что превращает ее в акт возрождения утерянного и реализацию неудавшегося. Однако, в отличие от марксистской трактовки, в концепции В. Беньямина революция – это не локомотив мировой истории и не конец предыстории, а возрождение истока, погребенного под руинами прогресса.

Несмотря на то, что проект революционного преобразования истории разрабатывался В. Беньямином в рамках исторического материализма чуть менее столетия назад, он не утратил своей актуальности до настоящего времени и обладает объяснительным потенциалом не только для раскрытия

сущности революций прошлого века, но и для осмысления феномена недавних «цветных революций». Исходя из концептуальной установки В. Беньямина, можно увидеть эти события под другим углом зрения. Так, можно утверждать, что революции эпохи постмодерна, или «цветные революции», действительно начинались в силу стремления возвратиться к истоку, однако оборачивались насилием, гражданской войной из-за конфликта различных проектов мистифицированной истории. В итоге это не позволяло осуществиться совместному созидательному действию, а, наоборот, приводило к разрушению. Такая интерпретация, безусловно, не является единственно возможной, однако ее с полным правом можно рассматривать как один из вариантов осмысления феномена революции, позволяющего приблизиться к решению проблемы его целостного видения.

Интерес к теме истории и проблеме революционного преобразования возник у В. Беньямина под влиянием классического марксизма, однако философ рассматривал их с иной стороны. Так, в отличие от К. Маркса, В. Беньямин не верил в объективность исторического процесса, неизбежно дарующего человечеству светлое будущее, а история для него – это не только неизменное прошлое, но и последствия, влияющие на сам процесс становления эпохи. История в проекте В. Беньямина предстает как повествование, написанное победителями, т. е. теми, кто оказался более жестоким. Из-за этого традиционная историография, находящаяся на службе у господствующего класса и являющаяся легализацией власти, стерилизует и поработачивает прошлое, тем самым лишая угнетенный класс настоящего и будущего. Отсюда вытекает цель беньяминовского исторического материализма – вернуть прошлое в пространство памяти, разрушив господство в нем правящего класса, и спасти настоящее, оставив «открытой дверь» для Мессии, который может неожиданно прийти.

История в понимании немецкого философа предстает как «единственная катастрофа», разрыв и череда руин. Ключевым моментом в его концепции, как показывает С. Вебер, выступает понятие разрыва, а не диалектического скачка: «То, что Беньямин называет здесь естественной историей, есть трудновообразимый оксюморон: он имеет в виду не историю природы, а историю как природу, что предполагает дискретный, прерыви-

стый, антигенетический аспект происхождения; разорванная связность не может быть артикулирована каким бы то ни было линейным или даже диалектическим образом»¹ [2, р. 473].

В противовес историзму В. Беньямин выдвинул критически понятый исторический материализм, проникнутый элементами иудейского мессианства. Будучи свидетелем могущества национал-социализма и краха рабочего движения и болезненно переживая нарушение Гитлером пакта Молотова – Риббентропа, философ приходит к новому представлению об истории: он отказывается от веры в прогресс и на первое место выдвигает идею мессианского активного вмешательства в ход истории. Таким образом, посредством включения в исторический материализм мессианской идеи спасения и критики, В. Беньямин пытался возродить революционный потенциал историографии.

В тезисах «О понятии истории» философ критиковал историзм, который сводит историю к простому перечислению фактов и вызывает потерю связи прошлого с современностью [3]. Историзм, согласно В. Беньямину, это историография победителей, в которой время понимается как нечто пустое и однородное, а реальность – как реализация господства, являющегося естественной формой существования общества. В отличие от такой историографии исторический материализм представляет собой традицию, которую создают угнетенные, осознающие себя субъектами истории только в моменты опасности, или, по определению В. Беньямина, монады. Именно монада как застывшее мгновение времени воплощает слепок целой эпохи. Из этого следует, что задача исторического материализма заключается в различении и выделении из однородного поступательного движения истории монад как революционных моментов, раскрывающих значение эпохи. В связи с этим В. Беньямин считал исторический материализм единственным путем для угнетенных покинуть навязанную им дорогу истории.

Вместе с теологией В. Беньямин интегрировал в исторический материализм иудейскую мистику, основная идея которой заключается в том, что, поскольку Бог не присутствует в мире, образовалось свободное пространство для действий человека. Однако след Бога остался в этом мире в виде света, который прорезает и разрушает Божье творение. Восстановление его изначального состояния возможно посредством правильного соединения рассеянных обломков. Приход Мессии означает, что восстановление завершено, творение будет спасено. В силу этого, согласно В. Беньямину, иудейская мистика исторична, так как основной акцент в ней сделан на прошлом – восстановлении изначально-

го состояния и возвращении к истоку бытия. Задачу революционера или историка-анархиста философ видел в фиксировании взглядом фрагментов как первофеноменов для калейдоскопа, которые затем подвергаются произвольным комбинациям. В отличие от историзма, создающего победы и поражения, исторический материализм, опираясь на мистику и случайную игру калейдоскопа, пытается воссоздать целостность творения. В иудаизме приход Мессии является результатом активного действия людей, направленного на преобразование мира, т. е. спасение понимается здесь как самоспасение: лишь достигшее избавления человечество получает полноту своего прошлого. Так, исследователь-анархист рассматривает историю и одновременно осуществляет ее. История становится результатом веры в оправданность преобразований и свободного выбора, делающего исход развития конкретной исторической ситуации открытым и зависящим от действий людей. Ни прогресс, ни техника не смогут освободить общественное развитие от несправедливости, иерархии и господства, так как и то, и другое находится в пространстве чужой власти.

Задача исторического материализма, по мнению В. Беньямина, заключается в разработке нового понимания времени и, соответственно, нового видения хода исторического процесса. Философ отвергал как гомогенное, пустое время, присущее историографии правящего класса, буржуазии, так и превращение истории в музей застывшего прошлого, поскольку в такой интерпретации прошлое неотделимо от трактовки времени, которую дает правящий класс. За рамками подобной «выхоленной» истории остаются случайные развязки, ошибки, моменты вероятности, т. е. все то, что мешает возникновению тотального континуума «происшедшего на самом деле». Историзм, в отличие от исторического материализма, изображает «позитивную» историю побед и великих достижений. Исследователь-анархист к этим победам и свершениям относится как сторонний наблюдатель, потому что в истории правящего класса ему не отведено места в качестве субъекта истории, он – никто, пассивная масса, которая выступает лишь фоном, а основная функция этой массы сводится к выгодному оттенению великих побед господствующего класса. Поэтому все, что анархист видит в этом культурно-историческом многообразии, вызывает у него отвращение, ведь эти свершения, претендуя на статус документов культуры, вместе с тем являются документами варварства. Угнетенному классу остается лишь «захватить» прошлое, искупив его и обретя возможность конструировать альтернативный проект современности истории и культуры, а значит,

¹Перевод наш. – И. С.

и реальности. Исследователь-анархист отвергает основной принцип историзма – вживание, так как для официального историка объектом реализации данного принципа становится победитель, в результате чего легитимируется мифическое господство, отвергающее божественную справедливость.

Субъектом исторического познания должен быть угнетенный класс, которому в концепции В. Бенямина отводится роль свершителя революционного подрыва континуума истории. Такую трактовку преобразований один из ведущих теоретиков современного неомарксизма Т. Иглтон определил как «революционную ностальгию», в которой акцентируется «сила активного воспоминания как ритуального вызова прошлого и приобщения к традициям угнетенных в определенной привязке к политическому настоящему» [4, с. 301–302]. Традиция у В. Бенямина претендует на целостность как полноту и одновременно с этим представляет собой бесконечное разложение победной истории правящего класса.

Время В. Бенямин интегрирует не как пустую, а как качественную бесконечность, т. е. оно наполнено «актуальным настоящим» (нем. – *Jetztzeit*). Именно поэтому так важна для рассматриваемой концепции иудейская мессианская идея о спасении будущего посредством необходимого обращения в прошлое. Время, понятое как актуальное настоящее, имеет своеобразную структуру: каждое мгновение представляет собой ворота, через которые может прийти Мессия. Именно в силу этого прошлое никогда не завершено, а значит, исторично, оно всегда может прорваться в настоящее и тем самым дать шанс на спасение. По этому поводу Ю. Хабермас заметил, что характерная для Нового времени радикальная ориентация на будущее у В. Бенямина превратилась «в еще более радикальную ориентацию на прошлое. Ожидание предстоящего нового исполняется только благодаря памяти об угнетенном прошлом» [5, с. 23].

Согласно иудейской религиозной традиции приход Мессии должен быть внезапным. Историческая революция у В. Бенямина также выступает как внезапное прерывание истории, шок памяти, оставляющий временной зазор для проникновения прошлого в настоящее, поэтому культурно-исторические эпохи как бы наслаиваются друг на друга. Ввиду незавершенности сосуществования этих эпох они резко возвращаются к актуальности, требуя ее спасения. Возвращение не сводится к простой передаче традиции, так как мир в понимании В. Бенямина фрагментарен, следовательно, повторение как простое дублирование невозможно. Память не противостоит забвению: граница между «быть как существовать» и «творить как создавать» стирается. Новое прошлое всякий раз возвращается, а его случайность во фрагментарной калейдоскопической реальности приближает приход Мессии.

С концепцией актуального настоящего у В. Бенямина связана и проблема свободы. Так, например, немецкий мыслитель говорит о таком знании прошлого, в котором свобода является не иллюзией, а реальностью озаренного мгновения. Воспоминание своего прошлого для угнетенного класса оказывается моментом поворота, точкой, где пересекаются время опыта и время свободы. Такое воспоминание представляет собой опыт пробуждения, в котором последовательность представлений рвется и открывает непредставимость чистого времени, или времени свободы (по определению В. Бенямина). Однако на такую свободу необходимо решиться и завоевать ее. Понятие «решимость» в отношении мгновения и свободы немецкий философ выбирает неслучайно: оно указывает на понятие М. Хайдеггера «решимость».

В центр истории М. Хайдеггер ставит понятие *Dasein*, подразумевая под ним то, что человек всегда определен результатами прошлого, т. е. вовлечен в традицию и судьбу своего народа. Решимость человека, который продвигается в будущее, никогда не начинается с нулевой точки. набросок на будущее необходимо делать в напряженном взаимодействии с заданным наследием. Только там, где мир – это наследие. Настоящее является сообществом, которое М. Хайдеггер именует судьбой: «Судьба не возникает впервые лишь через столкновение обстоятельств и происшествий. <...> А когда судьбоносное присутствие как бытие-в-мире сущностно экзистирует в событии-с-другими, его событие есть событие общности, народа. Исторический путь не составляется из отдельных судеб, равно как бытие-друг-с-другом не может быть понято как совместный быт многих субъектов» [6, с. 384]. Только в сообществе, согласно М. Хайдеггеру, власть исторического пути оборачивается для человека свободой.

С точки зрения В. Бенямина, определенность прошлым не является естественным состоянием, так как в обществе модерна сама история ангажирована властью и контролем господствующего класса, в силу чего для угнетенных история выступает как что-то чуждое, навязанное и не имеющее связи с судьбой народа. Решимость воображения прервать поток воспоминаний и вычленив значимые образы памяти позволяет восстановить прошлое в настоящем, благодаря чему судьба народа только в будущем получит возможность свершиться.

В отличие от трактовки М. Хайдеггера, в концепции В. Бенямина историческое не может победить, оно способно лишь сопротивляться, воспроизводя опасность, которая становится как причиной, так и следствием его узнавания. Именно поэтому понятое историческое у В. Бенямина бесполезно для политической организации: целостность истории всегда будет ускользать. История выступает как полнота диалектического образа, который, с одной

стороны, доступен для критики, с другой – отсечен от самого объекта критики. История как бы скрывает свою основу и принимает вид различных случайных совпадений фрагментов калейдоскопа. Для В. Беньямина катастрофа европейского пролетариата, предательство социал-демократических вождей и политика сталинского Коммунистического интернационала, которая деморализовала немецких и французских рабочих и облегчила победу фашизма в Европе, предстали «моментом опасности», в котором исследователь пытался схватить «правдивый образ» истории. Задача историка, по мнению В. Беньямина, заключается в необходимости показать историю страданий и вечного протеста, т. е. не только пробудить в памяти современников традиции угнетенных, но и воссоздать их. Только такая память будет содержать в себе мессианскую силу для осуществления в момент опасности несбывшейся надежды. Главную роль продолжателя традиции протеста В. Беньямин отдает пролетариату, которому и надлежит остановить историю.

Субстанциальное понимание истории в традиционной историографии обернулось насильственным овладением природой как материалом и подавлением самого человека. Кульминацией такого исторического развития В. Беньямин считал тотальное угнетение и самоистребление человечества, принявшее вид фашизма. Это утверждение дало основание философу констатировать «конец истории», под которым он понимал исчерпанность идеи прогресса и его условий, заданных еще в Новое время.

В философско-исторической концепции В. Беньямина предлагается новое, отличное от представлений культуры модерна понимание времени и истории: согласно данной концепции время и история устремлены в прошлое. Благодаря та-

кому подходу возможно совершить диалектический «тигриный прыжок в прошлое». Революционная ситуация современности как наличного дня трактуется немецким философом как повторение ошибок, провальных ситуаций прошлого и их ретроспективное искупление. Отсюда вытекает представление о революции как о шоке, разрыве каузальной истории, в результате которого официальная история господствующего класса обращается в ничто. Таким образом, история – это текст, а революция – это созидательный акт, который стирает доминирующий и создает новый исторический текст, в пространстве которого осуществляется искупление прошлого. Однако поражение революции, по мнению В. Беньямина, радикально обесмысливает всю борьбу предшествующих поколений, а значит, задача человечества заключается в том, чтобы «овладеть воспоминанием, как оно вспыхивает в момент опасности. <...> Опасность грозит и содержанию традиции, и тем, кто ее воспринимает. И для того, и для другого опасность заключается в одном и том же: в готовности стать инструментом господствующего класса. В каждую эпоху необходимо вновь пытаться вырвать традицию у конформизма» [3, с. 82].

Идея восприимчивости прошлого в настоящем в концепции исторического материализма В. Беньямина разоблачает само понятие времени, которое обесценивает прошлое и обрекает угнетенный класс на полную бессмысленность существования. Традиция угнетенных предстает для человека настоящего как чрезвычайная ситуация, шок, свидетельствующий о потере основания. Только в такой точке настоящего есть возможность увидеть протянутую сквозь историю нить традиции, которая не требует никаких оснований и нуждается только в личном восприятии.

Библиографические ссылки

1. Арендт Х. О революции / пер. И. Косич. М., 2011.
2. Weber S. Genealogy of Modernity: History, Myth and Allegory in Benjamin's Origin of the German Mourning Drama // *Mod. Lang. Notes*. 1991. Vol. 106, № 3. P. 465–500. DOI: 10.2307/2904797.
3. Беньямин В. О понятии истории / пер. с нем. С. Ромашко // *Новое лит. обозр.* 2000. № 46. С. 81–90.
4. Иглтон Т. Капитализм, модернизм и постмодернизм // *Современная литературная теория: антология* / сост., пер. И. В. Кабановой. М., 2004. С. 294–313.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. М. М. Беляева [и др.]. М., 2003.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Библихина. М., 1997.

References

1. Arendt H. [On revolution]. Moscow, 2011 (in Russ.).
2. Weber S. Genealogy of Modernity: History, Myth and Allegory in Benjamin's Origin of the German Mourning Drama. *Mod. Lang. Notes*. 1991. Vol. 106, No. 3. P. 465–500. DOI: 10.2307/2904797.
3. Benjamin W. [On the concept of history]. *Nov. lit. obozr.* 2000. No. 46. P. 81–90 (in Russ.).
4. Eagleton T. [Capitalism, modernism and postmodernism]. In: I. V. Kabanova. *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya*. Moscow, 2004. P. 294–313 (in Russ.).
5. Habermas J. [The philosophical discourse on modernity]. Moscow, 2003 (in Russ.).
6. Heidegger M. [Being and time]. Moscow, 1997 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 26.04.2017.
Received by editorial board 26.04.2017.

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ТЕХНИКИ В КОНЦЕПЦИЯХ О. ШПЕНГЛЕРА И Ж. СИМОНДОНА

А. И. ВЕРЕЩАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществлена попытка обосновать онтологический статус техники в контексте эволюции жизни. Рассматриваются две дополняющие друг друга стратегии, проистекающие из единой онтологии, но приводящие к противоположным выводам. Производится анализ предпосылок происхождения феномена технического. Обращено внимание на генезис технофобного подхода в философии техники и его преодоление в рамках проекта коэволюции человека и машины.

Ключевые слова: философия техники; онтология техники; постав; демонизм техники; технофобия; философия жизни; формы жизни.

THE ISSUE OF THE ONTOLOGICAL STATUS OF TECHNOLOGY IN THE CONCEPTS OF O. SPENGLER AND G. SIMONDON

A. I. VERASHCHAKA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This article covers the attempt to justify the ontological state of technology from the perspective of the evolution of life. Two strategies are considered here. They are complementing each other; they originate from the same ontology but lead to different conclusions. The analysis is made of the prerequisites for the origin of the technical phenomenon. I am also consider the genesis of technophobia approach in the philosophy of technology and attempt of it overcoming within the framework of co-evolution of man and machine.

Key words: philosophy of technology; ontology of technology; Gestell; demonic technology; technophobia; philosophy of life; life form.

Одной из основных проблем современной философии техники является обоснование онтологического статуса техносферы в общеприродной эволюции жизни. Актуализируются вопросы о том, что такое техника по отношению к природе и является ли она продолжением природной реальности или формой ее преодоления и отрицания. Если оглянуться вокруг, мы увидим, что нас окружают технические объекты – вторая природа, созданная рука-

ми человека, но при этом мир артефактов культуры в разной степени выраженности понимается как противоположный природе, искусственный, несамодостаточный, вторичный по отношению к ней. Тем не менее для современного человека фактически первой и наиболее значимой является именно «искусственная природа». Открытым остается вопрос о том, является ли техника органичным продолжением природной эволюции или это роковая

Образец цитирования:

Верещако А. И. Проблема онтологического статуса техники в концепциях О. Шпенглера и Ж. Симондона // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 40–44.

For citation:

Verashchaka A. I. The issue of the ontological status of technology in the concepts of O. Spengler and G. Simondon. J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol. 2017. No. 3. P. 40–44 (in Russ.).

Автор:

Алексей Иванович Верещако – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доцент, кандидат философских наук Е. В. Хомич.

Author:

Aliaksei I. Verashchaka, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.
aleshaverashchaka@yandex.ru

аномалия, обусловленная появлением человека творящего (лат. *homo faber*) с его противоестественным прометеевским огнем? Базовыми для современной онтологии техники, по новому конкретизирующей более классические изыскания философии техники, выступают следующие вопросы: что такое техника применительно к миру физическому и человеческому, каковы законы ее развития и как они коррелируют с общеприродными?

Первопроходцами в философии техники были мыслители рубежа XIX–XX вв. Зарождение данной предметной области обычно связывают с именами инженеров Эрнста Каппа и Петра Энгельмейера. В некоторых западных источниках ее основателем называют Фрэнсиса Бэкона, взгляды которого изложены в труде «Новая Атлантида». Наиболее фундаментальную рефлексию над онтологическими проблемами техники провели представители континентальной философской традиции. Немецкие философы, наблюдая за быстро изменяющимся укладом европейских городов, первыми достаточно остро поставили вопрос о статусе техники, которая стремительно изменяет многие аспекты человеческого, социального и природного бытия. Одним из первых изучать метафизику техники стал автор знаменитого цивилизационного подхода в философии истории Освальд Шпенглер.

Проблематизация феномена техники заметна уже во втором томе главной работы О. Шпенглера «Закат Европы», последний раздел которого носит название «Машина». В данном разделе присутствуют идеи, которые позже были развернуты в специальном труде *Der Mensch und die Technik* («Человек и техника»), где О. Шпенглер впервые в европейской философской мысли поставил вопрос о роли техники в природе и культуре, ее «нравственном или метафизическом уровне» и «смысле в рамках истории» [1, с. 60]. Автор нарочито акцентирует внимание на современных для его времени технике и технологии, считая этот вопрос наиболее важным и заслуживающим повторного обращения.

В своих работах О. Шпенглер пытался найти сущность техники, не сводя ее при этом к некой инструментальной цели, т. е. к созданию машин и инструментов. Неинструментальное понимание феномена техники отталкивается от представления о ней как о тактике жизни. Сама техника, согласно О. Шпенглеру, присуща лишь миру животных и человека, даже у растений она отсутствует. Такое странное, на первый взгляд, заключение проистекает из онтологии автора, где каждый более развитый уровень жизни следует из предшествующего: «Техника также стара, как свободно передвигающаяся в пространстве жизнь» [2, с. 637]. Мир флоры предстает как сцена, на которой разворачиваются технические процессы. Так, например, животное, которое способно ходить, обладает техникой хо-

ждения, с помощью которой оно может прокорчиться и выжить. В целом техника передвижения – это тот минимум, который необходим животному для существования и продолжения своего рода. Жизнь в понимании О. Шпенглера, как и других представителей философии жизни, – это борьба; техника – средство выживания. Ввиду этого мыслитель рассуждал о технике льва, который способен перехитрить газель, технике дипломатии, управления, живописи и пилотирования самолета. Отметим, что автор декларирует онтологическое предшествование техники самому человеку, поскольку его существование противостоит животному и проистекает из него, при этом техника понимается максимально широко.

Техника животных – это техника вида. Она неизменна, не индивидуальна. Животное не знает прошлого и не грезит о будущем, оно живет в настоящем, во власти инстинктов, которым в полной мере подчинено. Человек, в свою очередь, не имеет общей техники жизни: она независима от жизни целого вида, сознательна, избирательна, личностна, умышленна и изменчива. Человек способен сам творить свою технику жизни.

Культура (человеческий мир) создана трудом. Наличие руки как самого грозного оружия резко выделяет человека из всех хищников и животного мира вообще. По мере видового развития человека рука искала свое продолжение, в результате она создала себе оружие, орудия, предназначенные для выполнения разных задач. Таким образом, возникла материальная культура, а сам *homo sapiens* смог выполнять различные действия, что многократно увеличило его шансы на выживание. От качества сделанного оружия зависит сама жизнь человека, поэтому метод изготовления становится крайне важным. Можно говорить о техниках изготовления лука, технологиях кораблестроения, земледелия, из которых вытекают техники стрельбы, мореплавания, обработки земли. Человеческая техника избрательна и индивидуальна, хотя и может транслироваться в границах определенной культуры.

Даже язык, согласно О. Шпенглеру, является продолжением руки: «Без сомнения, это метод, имеющий своей целью сообщение – деятельность, которая осуществляется совместно многими людьми» [3, с. 471]. Деление людей на трудящихся руками и отдающих приказы основывается на способности освоения языка, в связи с этим происходит историческое дифференцирование индивидов на исполнителей и господ. Данное обобщение распространяется на культуру в целом. Так, например, фаустовская культура играет роль хищнической культуры господства. Представители этой культуры первыми помыслили о господстве над природой, перестав просто разорять ее, они стремились подчинить себе ее силу, построить свой мир,

победить смерть, быть Богом – из этой мечты, согласно О. Шпенглеру, проистекают все идеи машин.

Философ утверждал: «Со времен Коперника и Галилея один за другим следуют новые технические методы, имеющие один и тот же смысл: найти неорганические силы окружающего мира и приспособить их к работе вместо животных и людей» [3, с. 484]. Природу заставляют выполнять работу сотен миллионов людей и животных лишь единицы – вожди, изобретатели и «жрецы машины». В конечном счете фаустовский дух становится жертвой своей онтологической интенции и подчиняется изобретенной им же машине. Техника наделяется своим собственным существованием, меняя образ земли, растений, животных и самого человека. Все естественное и органическое подлечит искусственной, машинной организации, цивилизация становится машиной и стремится делать все по образу последней. Само мышление становится техническим, появляются виды искусств, существование которых невообразимо без техники. Предназначение машин исчезает из-за увеличения их числа: «Качество победило количество. Механика – это жизнь. Большие числа уничтожили скорость» [4, с. 57]. Попыткой противостоять машине является бунт, который заключается в уходе от господства техники, бегстве в те уголки планеты, куда она еще не добралась. Таким образом, О. Шпенглер рассматривает технику, с одной стороны, как форму эволюции природы, а с другой – как завершение, закат, тупик эволюции жизни. Машинная техника для философа служит индикатором перехода культуры на ту стадию цивилизации, которая характеризуется упадком политики, искусств, морали и т. д. Технофобия О. Шпенглера нашла своеобразное продолжение в трудах его соотечественников Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса.

Оценивая новое отношение человека к миру технических артефактов, К. Ясперс ввел термин «демонизм техники». По этому поводу он отмечал: «Слово это указывает на нечто, созданное людьми, но созданное ими непреднамеренно; на нечто подавляющее, оказывающее воздействие на все их существование; противостоящее им, не постигнутое ими, происходящее как бы на заднем плане, нераскрытое» [5, с. 137]. Иными словами, развитие и совершенствование техники, ее тенденция к автономности и независимости от человека попадают в поле философской рефлексии мыслителя.

Схожее опасение выражается в категории «постав» М. Хайдеггера. Постав – это установка, которая заставляет человека выводить действительное из потаенности способом состоящего-в-наличии. Постав правит существом техники, при этом не являясь чем-то техническим: «Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер представления в смысле добывающего производства. Оно происходит таким обра-

зом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется» [6, с. 314]. Человеческое бытие оказывается захвачено поставом. Человеку начинает казаться, что повсюду предстает только он сам, но вместе с тем, он нигде уже не встречается. Человек поглощен обращенным к себе вызовом и уходит с пути раскрытия бытия истины, просветом которой является он сам.

Отметим, что все названные мыслители рассматривали технику как нечто уже состоявшееся, завершенное, прошедшее свое становление и продолжавшее некий путь развития. Возвращаясь к онтологии техники О. Шпенглера, еще раз отметим принципиальное отличие его концепции от идей иных немецких мыслителей – динамика процесса происхождения техники. Являясь изначально развитием сложной жизни, техника продолжает эволюцию в мире культуры и становится самостоятельной силой, противостоящей человеку и жизни вообще. Благодаря такому пониманию генезиса и судьбы техники авторитетные немецкие авторы становятся на путь технофобии и антисциентизма, пытаясь найти некую новую нишу свободы для экзистенции.

В качестве своеобразного развития и преодоления технофобии немецких авторов французский философ Жильбер Симондон предложил достаточно инновационную онтологию техники. Он не только вступил в дискуссию с немецкими коллегами, но и раскритиковал всю европейскую традицию со времен Аристотеля.

Книга «О способе существования технических объектов» вышла в 1958 г. и стала дополнением к двойной диссертации Ж. Симондона, первая часть которой – «Индивид и его физико-биологический генезис» – была опубликована спустя шесть лет после публикации книги. На волне популярности экзистенциализма и неомарксизма философия автора в послевоенной Франции была принята без большого интереса, так как не соответствовала тенденциям эпохи. В XXI в. после смерти автора, как часто бывает, произошло возвращение к его оригинальной мысли и признание его выдающимся философом техники. Идеи автора созвучны идеям О. Шпенглера тем, что вытекают из аналогичного основания – из жизни. Однако, несмотря на это, позиции философов значительно расходятся в аксиологической оценке феномена техники и технологии.

Понятие трансдукции как принципа развития, которое вводит Ж. Симондон, детерминировано внешними условиями среды. Развитие человеческой руки является примером трансдукции (в терминологии Ж. Симондона). Рука человека есть результат условий окружающей среды и имманентная необходимость организма выжить в природе.

При этом отношения органического и неорганического осуществляются с помощью некоего медиатора, посредника, который определен как «мембрана», связывающая внутреннее и внешнее. Жизнь сложных организмов «располагается не внутри организма, но в трансдуктивном отношении, связывающем внутреннее и внешнее» [7]. Жизнь и есть тот самый вызов, который бросает природе фаустовский человек. Таким образом, машина О. Шпенглера – это мембрана, медиатор на стыке живого и неживого. Живое также не является оформившимся, завершенным бытием. В живом никогда не прекращается процесс становления, оно не просто приспосабливается к окружающей среде, а скорее разрешает стоящие на его пути проблемы, при этом индивидуация возникает из некоего доиндивидуального состояния, зарождаясь на его границе. Жизнь располагается на этом рубеже и создает возможности для новой индивидуации, эволюции, развития новой жизни.

Репрезентативным примером трансдукции может выступить обыкновенный кристалл. Он «дает нам идеальную модель индивидуации объекта: объект конкретизируется из внешней доиндивидуальной среды – в данном случае насыщенного раствора, находящегося в метастабильном состоянии и обладающего высоким потенциалом, – и ядра (germe) сингулярности, которая запускает процесс, заставляя раствор “схватываться”» [7]. Во-первых, кристалл вырастает из специфических условий внешней среды, когда молекулы раствора получают толчок для кристаллизации, а во-вторых, каждый предшествующий слой кристалла является фундаментом и опорой последующего слоя, таким образом, создается предпосылка для роста кристалла из себя самого и на стыке с окружающей средой одновременно.

Понимая под индивидуацией единственно возможный способ существования жизни, можно говорить и о некоторой степени витальности, присущей всем развивающимся феноменам. Говоря в данном контексте о технике, можно констатировать тот факт, что она обладает собственным имманентным развитием, а значит, и способом существования индивидуации. Например, есть основания говорить о внутреннем развитии утюга от угольного до современного электрического бытового прибора и об имманентном развитии велосипеда от «пенни-фартинг» до современного и т. д. Тем не менее только человек может быть индивидуирующим началом всякого технического. Техника (как класс технических объектов) онтологически ограничена в своем развитии, для которого внешним условием служит человек совершающий акт технического творчества. Сама техника является медиатором между человеком и природой. На основании сказанного возникает вопрос: откуда возникло недоверие к технике, и почему философы XX в. вступили на путь технофобии.

Ответ видится в античной философии – в природе идей Платона и гилеморфизме Аристотеля: «Причиной называется то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь – причина изваяния и серебро – причина чаши, а также их роды суть причины; форма, или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы, или первообраза (например, для октавы – отношение двух к одному и число вообще), и составные части определения» [8, с 145]. Европейская культура интегрировала в себя это античное понимание происхождения вещей путем наложения формы на материю, однако в действительности все происходит сложнее. «В этом смысле гилеморфическая схема представляет собой перенос в философскую мысль технической операции, сведенной к труду, и берется как универсальная парадигма генезиса сущего. В основе этой парадигмы лежит именно технический опыт, но опыт далеко не полный» [9]. Ни одна чаша не была получена путем простого переноса формы на материю. Для того чтобы полностью постичь суть этого процесса, необходимо одновременно стать как бы и глиной, и формой. До того как глина обретет форму чаши, она пройдет ряд технологических операций: ее избавят от комков и пузырьков воздуха, сделают пластичной, изготовят и отшлифуют форму, после сушки и обжига (при которых произойдет реакция дегидратации, а далее спекание самого глиняного черепка) получат глиняный индивид – достаточно устойчивую (завершенную) глиняную чашу. Во времена Аристотеля этот процесс был «черным ящиком» как для самого философа, так и для любого ремесленника, который работает с глиной, они не представляли весь спектр процессов происходящих при создании такого культурного артефакта.

В процессе развития немецкой ветви философии техники за онтологическое основание бытия технических объектов была взята классическая гилеморфическая схема. Другими словами, философы не знали до конца, как устроена техника изнутри, именно поэтому она характеризовалась «демонизмом», или угрозой затмить собой истину бытия. В процессе технического творчества человек выражает себя в машине, но не становится с ней одним целым. Сама машина неодушевлена и безлика, в связи с этим она может являться и органом, инструментом для решения задач. Будучи достаточно продуктивными медиаторами между людьми и природой, технические объекты связаны с человеком более тесными узами, чем может показаться на первый взгляд. Поэтому техническое расценивается как звено в казуистике взаимодействия человека с миром. Попадая в эту нишу, техника становится утилитарной, неизведанным органом, простым посредником между субъективным и объективным началами.

Помимо прикладной применимости, техника несет в себе информационную составляющую.

Техническое в своем глубинном смысле есть транс-индивидуальное сущее, которое способно объединять вокруг себя группы людей. Техника в первую очередь несет с собой не труд, а знание. Неправильное осмысление техники ведет к ее отчуждению от человека. Признание технического как соразмерного миру сущего и человеку создаст предпосылку для высвобождения техники в процессе творчества всех сосуществующих индивидуаций.

Подводя итог, следует отметить, что первые немецкие философы техники настаивали на том, что современная техника несводима к решению инструментальных задач и очевидно отличается от первобытных устройств, призванных заменить человеческий труд. Онтология техники О. Шпенглера предвосхитила парадигмальное поле Ж. Симондона, достаточно детально разработавшего этапность процесса эволюции жизни. В этой онтологии схвачена динамика развития, посреднический характер и онтологическая одновременность технического объекта и человека. Немецкая философская

мысль встала на путь технофобии, не предлагая позитивного решения поставленных проблем и противопоставляя технику самой жизни. Проект Ж. Симондона является формулировкой способа коэволюции человека и техники посредством технического творчества и распространения технического знания, а также признания онтологического равенства бытия машины и человека. Такой подход позволяет избежать полярного отношения к технике, в равной степени избегая как технократии, так и технофобии. Сам факт изменения отношения человека к технике будет следующим этапом на пути эволюции последней как формы жизни.

Техника для О. Шпенглера – это расширение границ высокоорганизованной жизни, а для Ж. Симондона – это индивидуация, которая развивается под воздействием среды и обменивается с ней информацией, другими словами – «живая» объективация. Таким образом, можно говорить о техновиталистической стратегии, которая выводит технику и технологию из понятия жизни.

Библиографические ссылки

1. Румянцева Т. Г. Освальд Шпенглер. Минск, 2008.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем. С. Э. Бориш. Минск, 2009. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы.
3. Шпенглер О. Человек и техника / пер. с нем. А. М. Руткевича // Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М., 1995. С. 454–496.
4. Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / пер. с нем. С. Е. Вершининой. Екатеринбург, 2007.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. М. И. Левиной. 2-е изд. М., 1994.
6. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб., 2007.
7. Скопин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делез [Электронный ресурс]. URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз> (дата обращения: 24.02.17).
8. Гегель Г. В. Ф., Аристотель, Аль-Кинди и др. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. СПб., 2002.
9. Симондон Ж. О способе существования технических объектов [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects> (дата обращения: 27.02.17).

References

1. Rumyantseva T. G. [Oswald Spengler]. Minsk, 2008 (in Russ.).
2. Spengler O. [The decline of West. Essays on the morphology of world history] : in 2 vol. Minsk, 2009. Vol. 2 : [Perspectives of world history] (in Russ.).
3. Spengler O. [Man and technology]. In: S. Ya. Levit (ed.). *Kul'turologiya. XX vek. Antologiya*. Moscow, 1995. P. 454–496 (in Russ.).
4. Spengler O. [Years of solutions. Germany and the world-historical development]. Ekaterinburg, 2007 (in Russ.).
5. Jaspers K. [The meaning and purpose of history]. 2nd ed. Moscow, 1994 (in Russ.).
6. Heidegger M. [Time and being]. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
7. Skopin D. [Membrane and life in folds: Gilbert Simondon and Gilles Deleuze]. URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер-симондон-и-жиль-делёз> (date of access: 24.02.17) (in Russ.).
8. Gegel G. V. F., Aristotel, Al-Kindi, et al. [Metaphysics. Translations. Comments. Interpretations]. Saint Petersburg, 2002 (in Russ.).
9. Simondon G. [On the mode of existence of technical objects]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects> (date of access: 27.02.17) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.04.2017.
Received by editorial board 27.04.2017.

УДК 008:316.4.066

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР КОНСТИТУИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МИРА

О. А. РОМАНОВ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Рассматривается круг проблем, касающихся внутренней логики организации и развития хозяйственной сферы восточнославянской цивилизации. Эксплицируются социокультурные матрицы ведения хозяйства в восточнославянском регионе, предлагаются механизмы его вывода на посткризисный этап развития. Уточняется категориальное содержание понятий «экономия» и «хрематистика» применительно к способам и типам цивилизационной динамики. Определяются социокультурные предпосылки формирования экономической системы восточнославянской и западноевропейской цивилизаций. В качестве предпосылок генезиса хозяйства восточных славян выделены представления: о человеке как о соборной личности; о народе как о надличностной общности, обладающей исторической судьбой и коллективным сознанием; об обществе как о расширенной семье и духовных ценностях, онтологически фундированной реальности. Показано, что в экономической сфере указанные принципы получили свое отражение в виде этики служения как основания хозяйственной жизни. Отмечается, что в восточнославянской культуре экономические практики получают легитимацию не в ракурсе ценности успеха, а в ракурсе идеи общественного блага в его широком понимании. Определен социокультурный статус денег посредством реконструкции соответствующего мифа восточнославянской культуры. Сделан вывод о том, что социокультурной основой ведения хозяйственной жизни в пространстве восточнославянской цивилизации выступает парадигма общества-семьи, предполагающая приоритет общественных интересов перед индивидуальными, материальную поддержку всех членов общества и малый динамизм развития. Показано, что сильные стороны такого способа организации хозяйства – устойчивость и безкризисность развития, а его существенный недостаток – низкая экономическая эффективность. В ходе исследования использованы историко-генетический и сравнительно-типологический методы.

Ключевые слова: восточнославянская цивилизация; цивилизационная идентичность; цивилизационная динамика; парадигма; экономия; хрематистика; этика успеха; этика служения; деньги; мифология.

Образец цитирования:

Романов О. А. Парадигмальные основания хозяйственной жизни как фактор конституирования цивилизационной идентичности восточнославянского мира // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 45–51.

For citation:

Romanov O. A. Paradigmatic basis of economic life as a factor of constituting of civilizational identity of the East Slavic world. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 45–51 (in Russ.).

Автор:

Олег Александрович Романов – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии педагогического факультета.

Author:

Oleg A. Romanov, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy, faculty of pedagogics.
oromanov@inbox.ru

PARADIGMATIC BASIS OF ECONOMIC LIFE AS A FACTOR OF CONSTITUTING OF CIVILIZATIONAL IDENTITY OF THE EAST SLAVIC WORLD

O. A. ROMANOV^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, Ažėška Street, 22, 230023, Grodno, Belarus*

The article deals with a scope of problems connected with the intrinsic logic of organization and development of the economic sphere of the East Slavic civilization. The article is aimed at the explication of sociocultural matrices of economic management in the East Slavic region as well as at the consideration of the mechanisms to bring it to post crisis step of development. The author specifies the notion «economy» and «chrematistics» as applied to ways and types of civilizational dynamics. The article defines sociocultural presuppositions of formation of economic system of the East Slavic and the Western civilizations. The author considers the following presuppositions for genesis of the East Slavic economy: the idea of a man as a conciliar person; the idea of a people as a transpersonal unity which possesses its own historical destiny and collective consciousness; the idea of society as an extended family; the idea of spiritual values as ontologically based reality. It is showed that above mentioned principles in economic sphere gained their interpretation in form of ethics of service as a base for economic life. Economic practices in the East Slavic culture get legitimation not from value of success but from the idea of public good in its wide sense. The article defines sociocultural status of money by means of reconstruction of corresponding myth of the East Slavic culture. The author draws a conclusion that sociocultural base for economic life is a society-family paradigm that presupposes the priority of social over individual interests, material backing of all members of society and slow dynamics of development. Strong points of such type of economic organization are stability and non-crisis development whereas a sufficient drawback lays in low economic effectiveness. Regulating mechanism of the economic life of the East Slavs lays in ethic of duty and service that allows including ethically not irreproachably business activity in civilizational system thus.

Key words: The East Slavic civilization; civilizational identity; civilizational dynamics; paradigm; economy; chrematistics; ethics of success; ethics of service; money; mythology.

В контексте острой потребности в выработке новой стратегии развития экономики, которая открывает перспективу преодоления глубокого экономического кризиса ряда постсоветских стран, актуализируется восходящее к Аристотелю различие экономии и хрематистики в качестве двух способов осмысления и организации хозяйственной жизни. Учитывая то обстоятельство, что как минимум два последних столетия данное противоречие активно реализовывалось в границах восточнославянской цивилизации, нам представляется необходимым и своевременным, во-первых, эксплицировать семантический потенциал указанных категорий применительно к типам локально-цивилизационного устройства, во-вторых, выявить социокультурные матрицы ведения хозяйства в восточнославянском регионе, в-третьих, на этой основе осмыслить пути вывода его на посткризисный этап развития.

Экономия (дословно обозначающая «ведение дома», «домострой») – это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей. При этом возрастание капитала и свободное ценообразование не является обязательным условием. Хрематистика – это такой вид производственной и коммерческой деятельности, который нацелен на накопление богатства вне зависимости от его использования, т. е. накопление, превращенное в высшую цель деятельности. Превращение хрематистики в господствующий тип хозяйства обусловлено глубокими изменениями в культуре и религии западной цивилизации. Западноевропейская реформация, породившая аскетическую протестантскую этику, привела к коренному изменению парадигмальных оснований трудовой деятельности. Накопление богатства не в целях его траты на радости жизни, а ради превращения его в капитал, позволяющий получать большее богатство, стало религиозно освященным. Для восточнославянской культуры гораздо более характерным было представление о хозяйстве, соответствующее парадигме экономии. Данный тип хозяйства укладывается в рамки общего устройства восточнославянских обществ, в котором в значительной степени сохранились черты традиционного уклада. Указанные экономические типы имеют глубинные социокультурные основания. Базовой предпосылкой экономии является представление о человеке как о соборной личности, связанной со всеми людьми и вещами, за которые она отвечает.

Хрематистика опирается на иной проект человека, его ядром является категория «индивид» (с лат. – «неделимый»). Такое понимание человека повлекло за собой ряд следствий принципиального характера. Во-первых, человек стал мыслиться не божественным микрокосмосом, а элементарной частицей, атомом человечества, свободным в движении и взаимодействиях. Во-вторых, возникло новое представление о телесности человека: она рассматривалась как частная собственность, которая может продаваться и обмениваться.

Хрематистика опирается на иной проект человека, его ядром является категория «индивид» (с лат. – «неделимый»). Такое понимание человека повлекло за собой ряд следствий принципиального характера. Во-первых, человек стал мыслиться не божественным микрокосмосом, а элементарной частицей, атомом человечества, свободным в движении и взаимодействиях. Во-вторых, возникло новое представление о телесности человека: она рассматривалась как частная собственность, которая может продаваться и обмениваться.

Такое представление о человеке формировалось в западной философской мысли начиная с Нового времени и вплоть до XX в. Из области философии видение человека как индивида перешло в сферы

политэкономии, социологии, политических исследований и даже психоанализа.

В восточнославянской культуре была предложена альтернативная антропологическая модель. Согласно ей человек все также трактовался как соборная личность. Такое интуитивное представление русского человека о себе теоретически оформили и творчески развили философы-немарксисты XIX и XX вв.: Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин. В рамках данной модели тело человека не рассматривалось как его частная собственность, а мыслилось в категориях дара.

Процесс формирования капиталистического способа производства и соответствующих ему социальных и духовных отношений находится в сложных причинно-следственных связях с указанными изменениями в культурных матрицах Запада. Данный тип социума не предполагает сохранения солидарных человеческих отношений. Капиталу как обобщенному, но реальному ядру буржуазного общества нужен человек с предельно ослабленной коллективной идентичностью и разорванными общинными связями, которые могут препятствовать его участию в актах купли-продажи рабочей силы на рынке труда. Именно этим можно объяснить ненависть буржуазных идеологов к общине и вырабатываемому ею сознанию.

У восточнославянского и западного типов социума различным является понимание народа. В нашей культуре за народом закрепляется смысл надличностной общности, обладающей исторической памятью и коллективным сознанием. В данном контексте каждое поколение предстает как звено в цепи прошлых и будущих поколений, мистически связанное и ответственное перед ними. На Западе категория «народ» понимается в конституционно-демократическом смысле как сообщество граждан конкретного государства. Объединение индивидов в народ происходит посредством структур гражданского общества. С точки зрения западных исследователей в России даже в середине XIX в. не существовало народа, так как не было гражданского общества.

Из представлений о человеке и народе вытекают представления об обществе и государстве. Видение общества в западном обществоведении базируется на принципах методологического индивидуализма, который отражает формулировка: не человек для общества, а общество для человека. В восточнославянском мире даже либеральное направление в социальной философии (не говоря уже о религиозном или марксистском) считало некорректной саму постановку такого вопроса, поскольку исторически и логически личность вне общества существовать не может. Между индивидами существуют отношения диалектической взаимозависимости, личности дополняют друг друга.

Помимо прочего, различны те силы и процессы, которые скрепляют общество двух разных типов. «На Западе этим процессом является эквивалентный обмен между индивидами, их контракт купли-продажи, свободный от этических ценностей и выражаемый чисто количественной мерой цены. Каждый человек выступает по отношению к другому человеку как собственник. Общество формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально возможную выгоду за счет приобретения собственности другого за наименьшую цену» [1, с. 410]. Наиболее полно сущность данного типа общества раскрывается через метафору рынка, на котором любая интеракция предполагает свободу участников и эквивалентность обмена.

В восточнославянском обществе, сохранившем многие черты традиционной социальности, люди связаны иными отношениями зависимости. Отношения обмена в целостной системе социальных связей имеют относительно небольшой удельный вес. Гораздо большее значение приобрели отношения духовные (служения, жертвенной любви, долга, заботы) и политические (власти и принуждения). С позиции либерализма такие взаимодействия иррациональны и несвободны, однако восточные славяне именно их полагают выражением подлинной разумности и свободы. В этом контексте наиболее полно сущность такого типа социальности раскрывает образ семьи.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в восточнославянском регионе и на Западе сформировались разные типы социума. С определенной долей условности их можно назвать обществом-семьей и обществом-рынком. Базисными принципами идеологии общества-семьи являются:

- 1) поддержка всех членов коллектива, в том числе неэффективных и виновных в своем бедственном положении;
- 2) постановка интересов общества, коллектива выше интересов индивидуума. Права человека при этом отступают перед правами общества и государства;
- 3) организация общества на ранних этапах развития по иерархическому принципу патриархальной семьи. Глава семьи («патриарх») единолично принимает решения, существуют групповая дисциплина и ответственность. Это заложило основу уважения к старшим и начальству, сакрализации верховной власти;
- 4) авторитаризм, иногда деспотизм. Их негативные последствия смягчаются требованием относиться к членам общества, как к своим детям.

В современном обществе две последние черты модифицировались, но их последствия и идеология частично сохранились.

Социальная философия общества-рынка строится на других принципах:

1) индивидуализм и индивидуальная ответственность. В чистом виде абсолютный эгоизм означает отсутствие обязательства помогать другим и одновременно отказ от чужой помощи (это не всегда характерно для реальной жизни, но в данном случае мы говорим о постулатах и доминирующем векторе сознания);

2) отторжение неэффективных членов общества, «проигравших». Разумеется, это не влечет за собой отказ от всякой помощи таким людям, но содействие им не является моральным императивом;

3) конкуренция как основа социального поведения;

4) приоритет прав человека перед правами коллектива и государства. В этом смысле политическая система тяготеет к демократии западного типа.

Каждая из этих систем имеет преимущества и недостатки. Несомненно, общество-рынок в большей степени стимулирует экономическую эффективность, развитие талантов и достижение индивидуального успеха, препятствует социальному иждивенчеству. В то же время оно более конфликтно, отличается высокой конкурентностью, неизбежно ведет к значительному социальному расслоению. Такое общество на данном этапе развития устойчиво и успешно. Однако если оно вступает в кризисный период развития, то желающих «умирать за него» оказывается не очень много.

Общество-семья в меньшей степени стимулирует эффективность и развитие индивидуальности, характеризуется меньшим динамизмом, но более устойчиво, так как у него обнаруживается большее количество активных защитников в кризисные годы. Как правило, такое общество более гуманно, оно выше в моральном плане, в нем складываются более теплые человеческие отношения.

В обоих типах социумов сложились свои способы ведения хозяйственной деятельности: в обществе-семье они регулируются этикой долга и служения, а в обществе-рынке – этикой ответственности. В восточнославянской культуре институты, нормы, ценности и прочие установления общества не противопоставляются космическому порядку, но мыслятся как его неотъемлемая часть. В природе космический порядок реализуется стихийным образом – через безличные законы, а в обществе посредством активности людей – через этику служения. Каждый человек не просто занимает определенную социальную нишу – он выполняет свой долг, реализует жизненную задачу и предназначение.

Предпринимательская деятельность в социальном порядке традиционного типа, который в большей степени характерен для восточнославянской культуры, не является этически безупречной, но сохраняет потенции включения в систему высшего порядка. Предприниматель, имеющий внутреннее

чувство единства с бытием, выстраивает отношения с контрагентами на основе солидаристских или патерналистских принципов, а религиозные нормы и запреты стяжания и сребролюбия выступают действенными мотивами поведения, побуждая к делам милосердия и благотворительности. В. Зомбарт отмечал, что для буржуа первых поколений личностный смысл имеют религиозные, моральные, социальные ценности, они достаточно чутко реагируют на взывания к совести и чувству общей судьбы с соотечественниками [2, с. 119].

В данном социокультурном порядке невозможно игнорировать человеческую составляющую деловых отношений: от честности, ответственности, трудоспособности партнеров, клиентов и работников зависит исход дела. В отношениях с властью невозможно сугубо формально подойти к соблюдению закона, ибо власть принадлежит живым людям со всеми их человеческими достоинствами и недостатками, а не безличным государственным институтам. Невозможно пренебречь и интересами своего поселения и целого государства и обогащаться за их счет, так как жизнь самого предпринимателя, еще не ощутившего себя «гражданином мира», напрямую зависит от качества решения местных проблем. То есть у общества есть действенные рычаги контроля и ограничения предпринимательской деятельности. В связи с этим бизнес достаточно активно и более или менее охотно жертвует на некоммерческие нужды и принимает участие в общем деле: несет расходы по организации празднеств, устраивает общественные сооружения, жертвует на оборону, вкладывает средства в благоустройство своего города, оказывает влияние на органы местного самоуправления. В основе данной практики лежит не корысть, инструментальный расчет и локальные стратегии, а космоцентричная парадигма культуры в целом, обуславливающая этику служения предпринимательства обществу.

В Новое время на Западе произошел радикальный разрыв с космоцентрической парадигмой традиционной культуры. В эту эпоху был реализован проект актуализации античного наследия, в котором особое место занимало формальное римское право. Воплощен был и проект ренессансного гуманизма, противопоставившего человека природе и Богу. Человек все более отчетливо начал воспринимать себя как антагониста космоса, нуждающегося в его благах, которые имеет право взять, перестраивая природу на свой лад. Социальный порядок в этой культуре представляется не как продолжение и развитие космического порядка, а как сугубо искусственный феномен, продукт общественного договора или результат отношений собственности. В связи с этим все социальные измерения человеческой жизни (статусы и роли, законы и предписания, институты и классы),

предписывающие личности те или иные формы долга и служения, стали рассматриваться как условные человеческие установления.

Указанные процессы смены культурных парадигм на Западе и его переход к капиталистической стадии общественного развития обусловили крупное изменение оснований хозяйственной жизни – переход от этики долга и служения к этике ответственности, подчиняющей личность не вечным незыблемым нормам и идеалам, а кратко- и среднесрочным интересам и обязательствам. Выражая эту мысль на языке М. Вебера, можно сказать, что произошел переход от ценностной рациональности мировых религий к целерациональности посттрадиционного общества. Иначе говоря, социальные практики, основанные на идеалах и абсолютных ценностях, стали замещаться действиями, порождаемыми соображениями целесообразности, выгоды и утилитарно понятой рассудочности. Широко распространилось представление о том, что нравственные ценности являются приватным делом человека, не имеющим общезначимого статуса. В повседневной жизни каждый индивид действует на свой страх и риск, самостоятельно отвечая за свои поступки. В некоторых направлениях протестантизма есть идеи, доводящие принцип индивидуальной ответственности до высшей точки. Так, например, кальвинизму характерны представления о возможности осуждения некоторых людей Богом еще до совершения ими греха (англ. *damnnati* – проклятые), а также убеждение в том, что каждый верующий состоит в личных отношениях с Богом, т. е. в каком-то смысле сам себе церковь.

В протестантизме, отмечал М. Вебер, практически во всех сферах деятельности происходит отказ от этики братской любви и этически регулируемых отношений [3, с. 314–315]. Все традиционные добродетели (моральный долг, преданность, великодушие и покровительство, благодарность и честность) становятся не общезначимой нормой, а вопросом индивидуального выбора. На начальном этапе развития буржуазного общества сила инерции традиционных культурных матриц была настолько велика, что первые поколения буржуа делали выбор в пользу ценностной мотивации своей деятельности, полагая, что между ценностями (честностью, аскезой и трудолюбием) и успехом нет противоречия. Однако с течением времени происходило удаление от традиционного общества и ослабление влияния его культурных принципов, выбор стал все чаще делаться в пользу прибыли независимо от ее источников. Служение, как этическая парадигма связи личности и общества, обрело факультативный характер, заменялось формальными связями, которые регулировались этически нейтральными общими принципами (правом, рыночной конъюнктурой, бюрократическими правилами и циркулярами).

В глубинной связи с этикой ответственности находится этика успеха, которая в качестве основной максимы поведения устанавливает достигательные ориентации: направленность личности на максимально полную самореализацию, критериями которой являются карьерный и статусный рост, престиж, а также объем имеющегося капитала. Метафизическое обоснование этики успеха на Западе предложил протестантизм, поскольку в рамках его вероучения неудачливость в делах есть вернейший признак неугодности Богу, из чего вытекает и социальная отверженность неудачника. С протестантской точки зрения отказ от возможности получения прибыли – грех. В светской этике успеха есть тождественные идеи, дополняемые запретом перекладывать на других тяготы риска, выбора и возможного поражения. В пространстве данной идеологии органично развивается культ силы и презрения к слабым и неудачливым, которые «должны погибнуть» (Ф. Ницше). Представление о сугубо персональной ответственности за свою судьбу, а следовательно, виновности в несчастиях и бедствиях побуждает отказываться в помощи нуждающимся и проигравшим в конкурентной борьбе. Мотивом отказа является рассуждение о том, что бедность – лучший мотив к труду и предпринимчивости.

Таким образом, этика успеха, реализованная в пространстве западной социокультурной системы, радикально расходится с нравственными принципами восточнославянской культуры, отрицает любовь к ближнему и солидарность с ним, что является нравственным источником милосердия и благотворительности, игнорирует ценность скромности и самоумаления (особенно ярко выраженную в православии), а также идеал торжества малых, нищих духом над сильными и удачливыми.

В восточнославянской культуре хозяйство мыслилось и реализовывалось в парадигме служения, причем в ее рамках находилась и деятельность предпринимателей, традиционно склонных рассматривать свое занятие как самоценную активность. До середины XIX в. русское, белорусское и украинское предпринимательство развивалось в рамках сословной этики, задававшей цели и принципы общественного служения. По мере актуализации капиталистического способа производства предпринимательство стало претендовать на более значимую роль в общественной жизни, включая в сферу своих интересов широкие социальные слои. Однако чем громче заявляло о себе предпринимательство, тем активней сопротивлялось консервативное большинство, сохранившее этику служения в качестве нравственной опоры.

Показательно, что само служение реализовывалось в значительной степени вне хозяйства – главной сферы деятельности предпринимателей.

Причиной послужило то обстоятельство, что традиционное сознание, базирующееся на космоцентричной парадигме культуры, не воспринимало экономический рост как самостоятельную ценность. Поэтому субъекты экономического роста должны были демонстрировать свою социальную значимость в других ценимых обществом компонентах общественной жизни. Благотворительность и меценатство указывали обществу на то, что предпринимательство живет теми же заботами, что и общество, несет его тяготы, делит с ним скорби и радости, увлечено теми же идеями и образами, разделяет общую систему ценностей. В целом для нашей культуры характерно не доминирование материального успеха в системе мотиваций, а напротив, общественное благо в самом широком его понимании, определяющее легитимность экономических достижений.

Восточнославянская цивилизация имела свою выраженную специфику и в отношении к деньгам как важнейшему компоненту экономической системы. В русской, белорусской и украинской культурах сформировался устойчивый миф денег, в основных чертах сохраняющийся и сегодня. Осмысливая проблему мифа, мы вслед за Р. Бартом понимаем под ним вторичную семиотическую систему, построенную на базисе наличествующих в языке первичных формообразований. Генезис мифов происходит не в среде людей, имеющих непосредственное отношение к предмету мифа и ведущих с ним практическую деятельность (в этой среде создаются первичные семиотические формообразования, где знаку соответствует референт), а в системе социокультурных отношений, в которой формируются представления о данной деятельности и ее объекте [4, с. 239]. Другими словами, миф создается теми, кто высказывает определенные суждения, т. е. имеет в качестве референта не реальные предметы, а их концепты, на базе которых создаются новые образы. Становление мифа денег происходит в процессе семиотического надстраивания над процессами хозяйственной жизни оценочных суждений, противоречивых интерпретаций, моральных требований, идеологием и всего набора воззрений людей на деньги, имеющих весьма далекое отношение к ним как ко всеобщему экономическому эквиваленту.

В восточнославянской культуре буржуазный миф денег, сформированный в Новое время на Западе, не был широко распространен. Это обусловлено тем, что ни на одном из этапов развития восточнославянского общества не были до конца сформированы рыночно-капиталистические отношения. Даже на рубеже XIX–XX вв., когда Российская империя активно внедряла элементы рынка в свою экономическую систему, буржуазная мифология денег не стала универсальным языком хозяйствования и культуры, выходящим за рамки

ценностной иерархии буржуазного сословия. Это можно объяснить тем, что буржуазия не оформилась в качестве «класса-для-себя» и, следовательно, не сформулировала мифологию, которая могла бы стать универсальным метаязыком, способным обеспечить ее символическое господство над другими группами и классами. Более того, семантические системы традиционных социальных общностей в полной мере сохранили свое доминирующее положение в социокультурном пространстве восточнославянских народов, требуя от буржуазии выражать свои ценности на их языке.

Неприятие обществом буржуазной мифологии в качестве универсальной семиотической системы, предлагающей образ мира как рынка, а денег как естественного средства взаимодействия, требовало от буржуазии восточнославянских народов подчинения семиозисам других общностей и употребления собственной мифологии для внутреннего пользования. В связи с этим стремление найти точки соприкосновения с другими сословиями реализовывалось в близкой буржуазии семантике долга и служения. Широко известные благотворительные проекты русских и белорусских предпринимателей (Морозовы, Рябушинские, Радзивиллы, Третьяковы, Сапеги и т. д.) могут быть объяснены с точки зрения данных категорий, а не в буржуазном смысловом ряду *деньги – рынок – польза*, характерном для Западной Европы и США.

За пределами буржуазного сословия устойчиво воспроизводился миф денег-грязи, денег-зла, денег – разрушителя естественного устройства мира, причем данное воспроизводство было весьма активным даже в контексте перехода на путь капиталистического развития. Носителями негатива в отношении денег были не только эксплуатируемые классы и профессиональные революционеры, но и гуманистически ориентированная интеллигенция. В семантике мифа денег особенно выделяется смысл денег-грязи. Миф указывает на антидуховную грязь, поскольку является одновременно и причиной, и следствием распада непосредственных сердечных отношений. Деньги как знак зла, т. е. продукт преступной активности, прослеживается в устойчивом неприятии и подозрительности к большим деньгам независимо от способов их обретения [5, с. 265]. Именно отсюда берет начало презрительное отношение русской родовой аристократии к негоциантам и ненависть крестьянства к «мироедам», а также весьма сдержанное отношение большей части восточнославянских обществ к сословию предпринимателей, возникшему в ходе перестройки и реформ.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что восточнославянская цивилизация, соединив в своем социокультурном пространстве общие принципы жизнестроения традиционного общества с особенными чертами православной культуры

и единичными признаками социальной психологии восточного славянства, породила своеобразные способы организации хозяйственной деятельности, а также самобытную систему ценностей и идеалов. В экономической сфере доминировали связи, соответствующие типу общества-семьи, ориентированного на поддержку всех его членов, в том числе и экономически неэффективных. Ре-

гуляция хозяйственных практик осуществлялась на основе этики долга и служения, фундированной в ценности общественного блага. Мифология денег как универсального критерия социального и личного успеха была локализована в границах предпринимательской субкультуры, тогда как общественное сознание устойчиво воспроизводило миф денег как источник зла.

Библиографические ссылки

1. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация : в 2 т. М., 2002. Т. 1.
2. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.
3. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. М., 1990.
4. Барт Р. Мифологии. М., 2000.
5. Зарубина Н. Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М., 2004.

References

1. Kara-Murza S. G. [Soviet civilization] : in 2 vol. Moscow, 2002. Vol. 1 (in Russ.).
2. Zombart V. [Bourgeois]. Moscow, 1994 (in Russ.).
3. Veber M. [Theory of stages and directions of religious rejection of the world]. In: [Selected works]. Moscow, 1990 (in Russ.).
4. Bart R. [Mythology]. Moscow, 2000 (in Russ.).
5. Zarubina N. N. [Business as reflected by the Russian culture]. Moscow, 2004 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.03.2017.
Received by editorial board 10.03.2017.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Е. Г. ПАВЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Очерчены перспективы смысложизненных ориентиров современного общества в условиях экзистенциального вакуума, в котором существует современный индивид. Определено, что идеологическим фундаментом для человека может быть установка прожить жизнь достойно. Указано, что достижение этой цели зиждется на активной гражданской и духовной позиции, которая формируется путем повышения межличностного доверия в обществе, в идеале – дружбы между равноправными автономными субъектами на уровне социальных институтов и малых групп. Обосновывается мысль о том, что социальный институт, как исторически сложившаяся форма совместной деятельности людей, не возможен без составляющих его субъектов, объединенных целью. Анализируется постмодернистский подход к анализу социальных институтов, который придает индивиду статус социального института – человека, обладающего тем или иным уровнем социального капитала и влияющего на формирование и функционирование социальных институтов и социальной системы в целом.

Ключевые слова: смысложизненные ориентиры; экзистенциальный вакуум; идеологический фундамент; межличностное доверие; самореализация.

SOCIOLOGICAL RELIEVE OF MODERN HUMAN BEING LIFE-SENSE ORIENTATIONS

K. G. PAULAVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The situation of existential vacuum in the sense of lifesense orientations of modern human being is studied. The orientation for dignified life is studied as ideological and personal basement. Worthy life is treated as an active official and spiritual position. The growth of interpersonal trust is possible throw the growth of friendship of equal, autonomic social beings on the level of social institutes and small groups. Social institute as a historical form of general activity impossible without human beings with their aims and social capital. Postmodern paradigm of sociology treats human being with its social capital as a real social institute, who can influence the life of social system.

Key words: life sense orientations; existential vacuum; ideological basement; interpersonal trust; self realization.

Вопрос о смысле жизни – экзистенциальная дилемма еще со времен Античности. Каждая историческая эпоха пытается ответить на вопрос: в каком ракурсе современное общество ставит вопрос о смысле жизни и как воспитать у молодежи высоко нравственные смысложизненные ориентиры? На наш взгляд, в ранг смысложизненного ориенти-

ра может быть поставлен лозунг: «Прожить жизнь достойно». Что нынешнее общество вкладывает в это понятие, на основе каких ценностей, идеалов, устремлений современные люди разных возрастных категорий делают вывод о том, что идут по жизни достойно? В поисках ответов на поставленный вопрос мы соприкоснемся с глубинным

Образец цитирования:

Павлова Е. Г. Социологический обзор смысложизненных ориентиров современной личности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 52–56.

For citation:

Paulava K. G. Sociological relieve of modern human being life-sense orientations. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 52–56 (in Russ.).

Автор:

Екатерина Геннадьевна Павлова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Katsiaryna G. Paulava, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
kitipav@gmail.com

механизмом формирования общенационального идеологического фундамента, поскольку идеологическая база формируется на основе внутриличностных диспозиций, представленных в целостном единстве.

Современные социологи и социальные психологи – Ж. Т. Тощенко, Н. Е. Покровский, В. А. Ядов, В. Г. Дружинин, В. Г. Немировский, Д. Д. Невирко – ставят вопрос о смысле жизни в социологическом дискурсе. Среди зарубежных исследователей можно отметить следующих экзистенциальных социологов: Э. Тириахьян, Д. Дуглас, Д. Джонсон, Д. Котарба, А. Фонтана, Д. Алтейде.

Как отмечают В. Г. Немировский и Д. Д. Невирко в монографии «Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам», смысл жизни может быть сформулирован не только рационально. Нередко он проявляется в эмоциональных формах и имеет разную степень осознанности: от неясных колебаний настроения до четких жизненных принципов и программ. По мнению авторов, с точки зрения современной социологии смысл жизни можно определить как устойчивую преобладающую направленность группового или индивидуального сознания, непосредственно проявляющуюся в социальной жизни человека или общественной группы. При этом смысл жизни имеет определенную социальную ценность [1].

Сущностные основы личности раскрываются через анализ системы ее социальных установок. Установка – это психологическое состояние predisposition субъекта к определенной активности в конкретной ситуации. Согласно разработанной В. А. Ядовым диспозиционной теории личности [2] отдельные установки не существуют сами по себе, а складываются в определенную иерархическую систему диспозиций, которая состоит из четырех уровней. Первый (низший) уровень составляют элементарные установки, которые формируются на основе витальных потребностей. Второй уровень представляет собой систему социальных установок, которые обладают когнитивными, эмоциональными, поведенческими характеристиками и формируются у человека на базе оценки отдельных социальных объектов и ситуаций. Третий уровень формируют базовые социальные установки, определяющие общую направленность активности личности. Четвертый (высший) уровень мотивационной иерархии образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни данного индивида.

В социологическом ракурсе смысл жизни может выступать результатом жизни, чем-то объективным (задачи, функции, приписываемые человеку извне) или феноменом сознания. При этом смысл

жизни может быть рассмотрен: с позиции требований, которые общество предъявляет к человеку, и с позиции его индивидуальных устремлений [1]. Требования, предъявляемые обществом к человеку, выражаются на уровне общенациональных идеологических установок, которые транслируются через систему законодательных актов и традиционных обрядов, передающихся через культуру поколений. Смысл жизни на уровне индивидуальных устремлений – это сценарий полноценной самореализации личности в современных ей общественно-политических, социально-экономических и духовно-культурных условиях.

Попытаемся сформулировать смысложизненные ориентиры современного общества на уровне общенациональной идеологической идеи. Идеология – это социально значимая, теоретически оформленная система идей, в которой отражаются интересы определенных социальных слоев и которая служит закреплению или изменению общественных отношений. Идеология предстает в двух ракурсах: с одной стороны, это теоретически оформленное знание о социальном бытии и способах его изменения, с другой – способ социально-группового мышления [3]. Чтобы уточнить сущность идеологии, необходимо разграничивать ее с иными формами общественного сознания: мировоззрением, философией, мифом, наукой, религией, моралью. В отличие от идеологии мировоззрение формирует картину всего мира, а не только социально-политической действительности. Философия, в свою очередь, оперирует сугубо рациональным научным знанием. Идеология, как и миф, служит оформлению массовых ожиданий, страхов, надежд, маний и фобий в яркие доступные образы, но применяет при этом рационально-рассудочные средства объяснения мира. Наука и идеология используют общие понятия и категории. Когда выводы становятся инструментом какой-либо политической силы в целях достижения или удержания власти, они превращаются в идеологемы. В отличие от религии идеология апеллирует не к вере, а к верованию в определенные идеалы, которые являются священными не сами по себе, а из-за влияния общества или неких социальных групп. Нормы морали, в отличие от правовых норм, которые формируются и проводятся в жизнь специальными учреждениями посредством закрепления их в законодательных актах, создаются на основе практики взаимоотношений в обществе. Политика и идеология не подчиняются всецело нормам морали, функционируют по собственным законам. Тем не менее сам процесс идеологического творчества в определенной мере ограничивается нравственными устоями общества, а также моральными принципами самих идеологов [3].

В эпоху слома «советской империи» в условиях необходимости формирования идеологического фундамента суверенного государства особую актуальность приобрели социологические воззрения теоретиков предперестроечного периода. Заслуживает внимание мнение С. П. Винокуровой: «Главное, что отличает обращенную в будущее программу совершенствования общественных отношений, – это то, что решающим звеном всех радикальных проектов, долгосрочных планов выступает человек как субъект и носитель знаний о современной ситуации и творец новых материальных и духовных ценностей. Вот почему интегральным показателем исторического прогресса, своеобразным критерием качества перестройки является моральное самочувствие личности, направленность ее нравственных ориентаций, духовная основа и нравственная полноценность человеческих отношений» [4, с. 5].

В условиях современного общества, когда человек находится в состоянии экзистенциального вакуума, разнонаправленная деятельность социальных институтов не обеспечивает целостного устойчивого идеологического фундамента. Современный индивид, выполняя множество социальных ролей, ощущает острый дефицит устойчивости. Обретение почвы под ногами в нестабильном мире на микроуровне предполагает четкое самоопределение личности, которое обеспечит полноценную социальную самореализацию, что будет способствовать преодолению противоречий в сознании, развитию и совершенствованию системы ценностных ориентаций на основе глубокого личностного, инициативно-творческого отношения к моральным ценностям как смыслообразующим, базисным целям и средствам жизнедеятельности. На макроуровне теоретико-методологической основой может выступить интегративная общенациональная идея, призванная консолидировать общественное мировоззрение посредством фундаментальных нравственных ценностей и моральных ориентиров.

Наполним концепцию интегративной общенациональной идеи конкретным содержанием. Как было указано, концепция должна базироваться на моральных ценностях и служить общим для всех ориентиром. На наш взгляд, целесообразно обратить внимание на идеологические установки теоретиков социализма: они строили светлое будущее для себя, своих детей, своей страны, и, что является ключевым, эта система работала. Поколение за поколением страна взращивала патриотов, искренне готовых ей служить. В связи с этим, по нашему мнению, логично обратиться к смысложизненным ценностям социалистического государства как к гипотетической модели экстраполяции данных ценностей на современную реальность.

Приведем положения, которые встречаются в литературе предперестроечного периода. «Необходимо преодолевать сложившиеся стереотипы, изживать просветительский, абстрактно-теоретический подход к делу, обращать особое внимание на наполнение этических категорий конкретным содержанием. Для этого нужно раскрывать на основе вдумчивого анализа процессов нашей действительности, повседневных поступков и поведения молодежи реальный смысл и жизненную значимость принципов коллективизма, товарищества, верности, патриотизма и др.» [4, с. 80]. «Социальная гражданская активность, характеризующая субъект нравственных отношений, связана с устойчивой ориентацией личности на нравственный идеал. Нравственные идеалы аккумулируют в себе исторический опыт межличностных отношений и социально-групповых действий, вводят в мир человека особый план – деонтический, выполняют функцию специфического контроля за поведением и действиями, позволяют личности оценивать свои поступки как необходимые, должные, а не просто соотносить их с общественными нормами» [4, с. 60]. «Задача этического просвещения состоит в том, чтобы помочь молодому человеку правильно ориентироваться в происходящих событиях, дать ему научно обоснованную теорию и методологию этой ориентации. Для этого необходима опора на глубокий анализ объективных фактов, тенденций в развитии экономики и политики, закономерностей преобразований в сфере социальных отношений, науки, искусства, культуры» [4, с. 64]. Молодым нужны высокие нравственные идеалы, подлинные, а не мнимые ценности. Таковыми могут выступать герои книг, персонажи кинофильмов и картин, музыкальных произведений, к которым они будут тянуться мыслью и сердцем. Процесс духовного становления подрастающего поколения характеризуется особыми способами идентификации, которыми молодежь утверждает себя в жизни. Своеобразие черт духовного облика молодого современника часто проявляется в элементах молодежной субкультуры: символике, форме одежды, т. е. внешнем виде, позволяющем отличать «своих» от «иных», специфических акцентах в оценке норм морали и событий жизни. Этическое просвещение призвано направлять процесс идентификации молодежи со сверстниками, «пропуская» их через социально значимые цели и нормы морали [4].

В современном индивидуалистическом обществе, построенном на принципах капитализма, отмечается высокий уровень утраты доверия. П. Штомпка и Ж. Т. Тощенко исследуют данную проблематику на всех уровнях социальной иерархии. Они отмечают, что люди не доверяют друг другу, взаимодействие в рамках социальной системы

вплоть до малых групп базируется на формальных связях и взаимозависимости социальных институтов. Парадигма коллективизма и товарищества предлагает качественно иной идеологический фундамент: необходимо восстановить межличностное доверие между людьми, чтобы стремление к коллективному творчеству или совместной работе стало исходным мотивом действий. Мотивационное основание любой профессиональной деятельности может звучать так: «Приносить пользу людям». Оно должно воспитываться и внедряться в молодые умы со школьной скамьи. В настоящее время существуют организации, занимающиеся идеологическим воспитанием и просвещением, но они в большинстве своем функционируют на принципах формализма, что может не привлечь идеалистически настроенную молодежь к официально предлагаемой доктрине, а оттолкнуть от нее.

В монографии «Всесторонне, гармонически развитая личность» А. В. Бодаков и С. Д. Лаптеков формулируют идеи, приобретающие новую актуальность в современных условиях. Вобретении духовной культуры большое значение имеет интеллектуальное воспитание и самовоспитание личности. Однако методика самообразовательной деятельности личности разработана недостаточно. Актуализация «дремлющих» в человеке сил (особенно умственных) все более возрастает в связи с заметным приростом информации и широким спектром вопросов, связанных с управлением социальными и производственными процессами. У некоторых молодых людей наблюдается разрыв между интеллектуальным развитием, уровнем образованности и информированности, с одной стороны, и уровнем идейно-нравственной, гражданской зрелости – с другой. К общественным ценностям они относятся скептически, с позиции стороннего наблюдателя, что остро ставит проблему формирования гражданской позиции, которая обретается не столько книжным, просветительским путем, сколько практическим участием во всех направлениях общественной жизни (производстве, управлении, общественной деятельности, быту). Она формируется в той мере, в какой личность становится субъектом общественно-политической жизни.

Показатели качества духовной и гражданской позиции личности целесообразно пропустить сквозь призму смысложизненных ценностей. Исследователи формулируют структуру смысложизненных ориентиров личности следующим образом:

- 1) активная жизненная позиция;
- 2) постоянное повышение социально-политического и общеобразовательного уровня;
- 3) духовное богатство;
- 4) физическое совершенство;
- 5) нравственно-эстетический мир [5].

Важным интегративным показателем сущностных основ личности является разнообразная степень ее готовности к определенным действиям. Она может называться по-разному: жизненная позиция, направленность интересов, ценностная ориентация, социальная установка, субъективное отношение, доминирующая мотивация, субъективный смысл, придаваемый действиям и т. п. [2]. По своей сути степень готовности – это диспозиция личности, т. е. зафиксированные в ее социальном опыте предрасположенности к восприятию и оценке условий деятельности, а также определенному поведению в этих условиях. Жизнь и мотивационная система взрослого человека включает две основные сферы: предметную деятельность и общение. Человеческая жизнь не сводится к этой дихотомии, тем не менее любое описание личности отвечает на два вопроса. Во-первых, что человек делает, какова его предметная деятельность и как он сам к ней относится? Во-вторых, каковы его взаимоотношения с окружающими людьми, насколько он способен к самораскрытию и пониманию другого? Этими вопросами определяется содержание рефлексивного Я и степень его удовлетворенности жизнью. Для успешного функционирования личности ее предметная деятельность и общение, помимо объективной целесообразности, должны предполагать субъективный, личностный смысл и переживаться как определенный аспект Я. Деятельность, от которой человек не получает внутреннего удовлетворения, он не может назвать своей, равно как и вынужденное общение не обогащает энергетический потенциал индивида, а истощает его. Обратной стороной этого процесса является деперсонализация. Она заключается в следующем: человек, потеряв субъективный смысл своей деятельности, начинает испытывать трудности в осознании единства и преемственности собственного Я. Деятельность и общение будут эффективны в том случае, если в них будут выражаться сущностные основы личности [6].

В вопросе об утрате межличностного доверия в обществе важно обратить внимание на понимание дружбы и на способность обходиться без нее. Дружба и доверие возможны среди равных субъектов. «Быть другом – значит совершить внутреннее путешествие в поисках собственной цельности, в поисках самих себя через принятие в том числе слабых и отрицательных сторон, на которые нам указали. Если мы не хотим знать и принимать тайну и глубину нашей личности, то почувствуем себя именно так, как того хотят наши враги. Мы будем стыдиться себя. Истинная дружба помогает росту другого человека, делает его автономным и независимым, свободным и открытым к жизни независимо от нас, без нашего присутствия» [7, с. 56].

Таким образом, мы очертили перспективу смысло-
жизненных ориентиров современного общества
в условиях нестабильности, неустойчивости, экзи-
стенциального вакуума, в котором существует со-
временный индивид. Включив в перспективу ана-
лиза общенациональный и личностный контекст
мы заключили, что идеологическим фундаментом
для человека может быть установка прожить жизнь
достойно. Достижение этой цели зиждется на ак-
тивной гражданской и духовной позиции, которая
формируется путем повышения межличностного
доверия в обществе, в идеале – дружбы между рав-
ноправными автономными субъектами на уровне
социальных институтов и малых групп. Социаль-

ный институт, как исторически сложившаяся форма
совместной деятельности людей, не возможен без
составляющих его субъектов, объединенных целью.
Постмодернистский подход к анализу социальных
институтов наделяет индивида статусом социаль-
ного института – человека, обладающего тем или
иным уровнем социального капитала. Субъекты,
обладающие более высоким уровнем социального
капитала, влияют на формирование и функциони-
рование социальных институтов. В связи с этим
смысложизненные ориентации и межличностное
взаимодействие таких субъектов непосредствен-
ным образом влияют на функционирование и раз-
витие социальной системы.

Библиографические ссылки

1. Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам. М., 2008.
2. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М., 2013.
3. Екадумова И. И., Кузнецова И. А. Основы идеологии белорусского государства. Минск, 2008.
4. Винокурова С. П. Личность в системе нравственных отношений. Минск, 1998.
5. Бодаков А. В., Лаптенко С. Д. Всесторонне, гармонически развитая личность. Минск, 1982.
6. Павлова Е. Г. «Гедонистическая установка» как критерий самореализации личности: к проблематике экзистенциальной социологии // Социология. 2011. № 1. С. 82–89.
7. Альбисетти В. Быть другом или иметь друзей. М., 2005.

References

1. Nemirovskii V. G., Nevirko D. D. [Human sociology: from classic to postnonclassic review]. Moscow, 2008 (in Russ.).
2. Jadov V. A. [Selfregulation and the prognosis of social human behaviour]. 2nd ed. Moscow, 2013 (in Russ.).
3. Ekadumova I. I., Kuznetsova I. A. [The bacement of the Belarus ideology]. Minsk, 2008 (in Russ.).
4. Vinokurova S. P. [Human being in the system of moral relationships]. Minsk, 1998 (in Russ.).
5. Bodakov A. V., Laptенок S. D. [The human being oral harmony]. Minsk, 1982 (in Russ.).
6. Pavlova E. G. «Hedonistic attitude» as a criterion of self realization process: in the problem field of existential sociology. *Sotsiologiya*. 2011. No 1. P. 82–89 (in Russ.).
7. Al'bisetti V. [To be a friend or to have friends]. Moscow, 2005 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.04.2017.
Received by editorial board 06.04.2017.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е. Н. МИСУН¹⁾

¹⁾Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются направления формирования коммуникационной политики органов внутренних дел Республики Беларусь. Раскрываются особенности и перспективы развития связей со средствами массовой информации и их роль в создании имиджа подразделений органов внутренних дел. Представленный эмпирический материал характеризует современные тенденции в развитии информационного поля Республики Беларусь.

Ключевые слова: коммуникационная политика; коммуникационная стратегия; органы внутренних дел; средства массовой информации; медиарелейшнз.

COMMUNICATION POLICY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES REPUBLIC OF BELARUS: PROSPECTS OF DEVELOPMENT

E. N. MISUN^a

^aAcademy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
Mašerava Avenue, 6, 220005, Minsk, Belarus

The article deals with the direction of communication policy of the internal Affairs bodies Republic of Belarus. The peculiarities and prospects of development of mediarelations and their role in creating the image of the departments of internal Affairs. The presented empirical material describes current trends in the development of the information field of the Republic of Belarus.

Key words: communication policy; communication strategy; law-enforcement agencies; media; media relations.

Современное общество характеризуется высокой степенью интенсивности информационных потоков, массмедиа являются существенным инструментом влияния на общественное мнение и поведение людей. Крупные корпорации, предприятия, органы государственного управления рассматривают СМИ как важное звено в системе реализации собственной информационной политики, позволяющей регулировать процессы воздействия на различные слои населения. Формирование собственной коммуникационной политики – одна из

форм реализации концепции взаимного обмена информацией и установления доверительных отношений с общественностью.

Информационная политика, в определении интересов организаций в стратегии, тактике, задачах государственного управления и информационной сфере, а также комплекс аспектов, обеспечивающих информационное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности общества; управленческих решений и методов их реализации,

Образец цитирования:

Мисун Е. Н. Коммуникационная политика органов внутренних дел Республики Беларусь: перспективы развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 57–62.

For citation:

Misun E. N. Communication policy of the internal affairs bodies Republic of Belarus: prospects of development. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 57–62 (in Russ.).

Автор:

Елена Николаевна Мисун – кандидат социологических наук; заместитель начальника кафедры философии и идеологической работы.

Author:

Elena N. Misun, PhD (sociology); deputy head of the department of philosophy and ideological work.
emisun@mail.ru

разрабатываемых и реализуемых для регулирования и совершенствования процессов взаимодействия. Подчеркивается, что для устранения дефицита доверия информационная политика должна не только предоставлять населению необходимую информацию в оптимально удобной форме, но и стимулировать общественность к прямому диалогу.

Коммуникационная политика – совокупность правил, позиций маркетингового поведения компаний, а также описание возможной реакции на события, произошедшие в том коммуникационном пространстве, в котором существует организация. Цель коммуникационной политики – осуществление эффективного взаимодействия объекта коммуникации (организации) с субъектами коммуникационного пространства (целевая и ключевая аудитория). Основной задачей является четкое описание методов, способов и правил коммуникации, а также недопущение применения недостоверных, не полных ситуационных коммуникаций и использования каналов коммуникации с несоответствующими целями и задачами политики.

Любая организация в своей деятельности руководствуется определенными правилами выстраивания взаимоотношений с общественностью посредством СМИ. Стратегической задачей коммуникационной политики в данном контексте является формирование собственного информационного потока с четко выстроенной системой обмена информацией. При этом отмечается, что особенности взаимоотношений зависят от целей организации, степени определенности этих целей, социально-политического и экономического контекста, а также профессионализма специалистов, ответственных за качество информационно-коммуникационных связей.

Каждая корпорация выбирает определенные стратегические направления ведения коммуникационной и информационной политики. Рассмотрим некоторые из них. В одном случае суть заключается в сохранении социальной дистанции без стремления решать проблемы взаимодействия с населением. При этом предполагается, что посредством СМИ будет осуществляться активное пропагандистское воздействие на население, целью которого является убеждение общества в том, что деятельность организации, включая производимые товары или услуги, важна и жизненно необходима. В связи с этим предполагается, что в СМИ должны систематически указываться примеры проявления высокого профессионализма со стороны сотрудников. Другое направление основано на достижении адекватного восприятия потребителем работы организации. В основе заложена социальная стратегия, которая предлагает рассматривать контакты с населением как катализатор конструктивных изменений в работе организации.

В данном контексте можно использовать предложенную американским социологом Р. Инглхартом модель измерения политической и правовой культуры, которая включает три индикатора: удовлетворенность, доверие, поддержка. Согласно данной модели контакты и характер взаимодействия населения с сотрудниками организации напрямую зависят от того, насколько граждане удовлетворены оказываемыми услугами, доверяют организации и сами готовы оказывать ей содействие.

Анализ литературы (публикаций и руководств) на тему организации работы по связям с общественностью показал, что существует необходимость разграничения понятий «взаимодействие организации со СМИ» и «информирование граждан о деятельности организации», они тесно взаимосвязаны между собой, являются этапами процесса осуществления деятельности по связям с общественностью. Различие между данными процессами заключается в содержательной и смысловой плоскости. Приоритетной целью информирования является доведение информации о событиях и фактах различного характера до потребителей, а целью взаимодействия со СМИ – создание медийного образа и позитивных взаимоотношений между организацией и массмедиа. В первом случае, как правило, происходит односторонняя подача информации (первый этап – подача информации в медийную среду), а во втором – двусторонний процесс (от СМИ в аудиторию). В общем плане этот процесс можно сформулировать так: «создай потребность – и удовлетвори ее».

Схожую стратегию в 1829 г. использовал Амос Кендалл – пресс-атташе американского президента Эндрю Джексона. Работая со СМИ, А. Кендалл придумал и применил метод «утечки информации», уникальным образом строилась работа и с пресс-релизами: первоначально пресс-релиз из Белого дома рассылался в небольшие локальные газеты, а затем материал повторялся в «Глоб» (англ. *Globe*) с пометкой источника информации (небольшое местное издание). Такой подход был направлен, прежде всего, на создание имиджа президента – любимца даже в самых отдаленных уголках США. Помимо прочего, А. Кендалл ввел в 1930 г. в обиход понятие «отношения ради всеобщего блага», которое сегодня понимается под термином паблик рилейшнз (англ. *public relations*) – деятельность по связям с общественностью [1, с. 53].

Для выстраивания конструктивных отношений со средствами массовой информации и при формировании медийного образа и имиджа организации, по нашему мнению, необходимо руководствоваться четко выстроенной концепцией коммуникационной политики. Такая концепция должна включать следующие составляющие: определение миссии организации, анализ и определение

целевой аудитории для осуществления коммуникации, описание предпочтительных каналов, средств и способов коммуникации, описание особенностей рекламно-информационной коммуникации и принципов стратегии, определение системы финансирования процесса коммуникации. На основе полученной коммуникационной политики разрабатывается и утверждается коммуникационная стратегия, которая описывает комплекс действий организации и обоснованную стратегию использования коммуникационных средств по формированию внутреннего и внешнего имиджа компании. Такая стратегия объединяет три направления действий: маркетинговое, креативное и медийное. Первое включает исследование положения компании в обществе, выявление преимуществ бренда, выбор целевых аудиторий, второе – формулирование ключевого сообщения и разработку визуальных воплощений основной идеи коммуникации, третье – выбор каналов контакта с аудиторией, планирование способов коммуникации с потребителями через СМИ и другие точки контакта [2].

Формирование внешнего имиджа организации должно быть направлено на выполнение ряда функций: создание желаемого впечатления в глазах внешних аудиторий и раскрытие специфики деятельности компании. Специалисты по связям с общественностью выделяют два основных направления в формировании внешнего имиджа: позиционирование организации в глазах общественности и имиджевая общественная деятельность. Первое направление включает в себя создание рекламы, которая показывает уникальность организации и создает положительный обобщенный образ, и взаимодействие со СМИ, второе – проведение акций благотворительного характера.

Ярким примером имиджевой рекламы является рекламный продукт силовых ведомств, созданный для информационного обеспечения деятельности Вооруженных Сил Республики Беларусь. Он был подготовлен Военным информационным агентством Вооруженных Сил Республики Беларусь «Ваяр». Наиболее известны имиджевые социальные ролики «О службе в Белорусской армии» и «Военком», разработанные совместно с компанией *RGB Production* и СООО «Гейм стрим» (разработчик *World of Tanks*). Отметим, что в компетенцию «Ваяр» входит решение задач по объективному и оперативному информированию общественности по вопросам национальной безопасности, государственной политики в области обороны, а также по подготовке и распространению официальных сообщений и информационно-аналитических материалов о деятельности органов государственного управления и Вооруженных Сил в интересах обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь [3].

Одним из приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – ОВД) признаются взаимоотношения с массмедиа. Основной целью выступает создание и поддержание на достигнутом уровне доверительных отношений с общественностью, которые позволяют не только решать актуальные задачи правоприменительной деятельности, но и своевременно получать информацию о готовности населения к сотрудничеству через систему обратной связи. Целенаправленное информирование населения позволяет устранять «информационный вакуум» вокруг ключевых вопросов и задач практики ОВД, обеспечивать основу для формирования обществом объективной оценки деятельности органов правопорядка и исключать возможности распространения недостоверной или искаженной информации, порочащей имидж ОВД и снижающей рейтинг сотрудников милиции.

В то же время существует ряд аспектов формирования коммуникационной политики в рамках деятельности ОВД. Первый связан с выбором канала формирования медийного образа. Необходимо учитывать, что передаваемая в СМИ информация не всегда воспринимается аудиторией соответствующим образом. Часто коммуникационный эффект и целевая аудитория не учитываются. Так, несмотря на то что ключевые позиции в сегменте национальных СМИ по-прежнему принадлежат телевидению, данный канал затрагивает только определенную часть целевой аудитории. Рекламное агентство *Optimum BY* в феврале 2016 г. провело исследование в формате общения с пользователями мобильных телефонов, которое касалось частоты просмотра телевизора и интернет-активности среди белорусов. Было опрошено 820 респондентов в возрасте от 15 до 60 лет, ошибка выборки составила 3,5 % [4]. Исследование показало, что большинство активных интернет-пользователей – городское население. В городских населенных пунктах (включая поселки городского типа) 89,4 %, а в сельской местности – 66,7% жителей в возрасте от 15 до 60 лет выходят в интернет чаще одного раза в месяц.

Статистика показывает, что в течение последних четырех лет частота ТВ-просмотра в группе населения от 18 до 29 лет снизилась, а количество пользователей сети Интернет возросло. Так в 2012 г. к просмотру телевизора в качестве источника информации практически ежедневно обращались 44,9 % респондентов данной возрастной группы. В 2016 г. их доля составила 38,7 %. Данную тенденцию подтверждает и социологическое исследование, проведенное Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь. Согласно результатам этого исследования большинство совершеннолет-

них жителей республики (64 %) являются пользователями сети Интернет. При этом большинство белорусских пользователей старше 16 лет (87,5 %) обращаются к Всемирной паутине практически ежедневно, а каждый десятый (11 %) использует ее возможности несколько раз в неделю. Около 85,5 % респондентов, пользующихся интернетом ежедневно, проводят в Сети более одного часа в день, в том числе 49 % – от одного до трех часов, 36,5 % – более трех часов, только десятая часть опрошенных (11 %) предпочитают находиться в сети менее одного часа в сутки. Исследование способа доступа к интернету показало, что 85 % опрошенных имеют фиксированное подключение к интернету по месту жительства; более половины пользователей (59 %) обращаются к глобальной сети и вне дома, с помощью мобильных устройств (телефон, планшет, ноутбук с 3G-модемом). При этом среди молодежи в возрасте от 16 до 29 лет доля пользователей мобильным интернетом составляет 77,5 % [5].

Исходя из результатов исследований, можно сделать вывод о том, что при стратегическом планировании коммуникационной политики необходимо учитывать особенности медиапотребления в разных половозрастных группах целевой и ключевой аудитории среди городского и сельского населения, важно обратить внимание и на канал передачи информации. Трансляция передач на правоохранительную тематику, создание тематических фильмов должно осуществляться с учетом медийной стратегии взаимодействия СМИ с целевой аудиторией.

Второй важный аспект в формировании положительного медиаобраза – создание собственных визуальных информационных продуктов рекламного характера, представленных на улицах населенных пунктов. Проводимые исследования показывают, что большинству населения (68,9 %) нравится социальная реклама. Она оказывает влияние разной степени на 72,5 % опрошенных. Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются следующие темы: борьба с наркоманией, алкоголизмом, ВИЧ (отметил примерно каждый 3-й опрошенный), безопасность дорожного движения (примерно каждый 4-й) [6]. По данным исследовательского центра «РАБОТА.TUT.BY» 53,5 % респондентов испытывают уважение к компаниям, создающим рекламу на белорусском языке и/или с использованием белорусской символики. Более 16 % отмечают, что такая реклама привлекает больше внимания [7].

Для разработки имиджевой рекламы в рамках реализации коммуникационной стратегии, можно задействовать как собственный потенциал, так и сторонние компании. Так, в 2016 г. партнерами Министерства внутренних дел Украины по разработке коммуникационной стратегии для патрульной полиции стало рекламное агентство

BART & FINK, которое вместо создания несодержательных роликов и билбордов предложило стратегию, согласно которой полиция выступит в качестве актуализатора внимания к серьезным социальным проблемам, рупором цивилизованного общества и в результате – символом цивилизованного европейского образа жизни [8]. Представители агентства сосредоточили свое внимание на безучастности граждан, поскольку в обществе до сих пор не выработалась привычка реагировать на правонарушение, если оно не касается человека лично. В рамках стратегии была подготовлена серия социальных рекламных роликов, в которых показывалась безучастность жителей больших городов к совершаемым на их глазах преступлениям. Помимо роликов также была создана серия билбордов, которые размещались в крупных городах и адаптировались под определенный населенный пункт.

Отметим, что при создании имиджевого продукта необходимо руководствоваться рекламной стратегией, выбранной в зависимости от коммуникационных целей и задач подразделений органов внутренних дел, «фактора адресата» (социо-демографических характеристик), типа рекламируемого объекта, характера рекламного воздействия и используемых средств массовой коммуникации. Помимо прочего, следует учитывать последние тенденции в сфере развития современных массмедиа, а также роль коротких и емких видеороликов. Сегодня активные пользователи практически не читают контент, приоритет отдается видеоинформации.

Взаимодействие правоохранительных органов со СМИ в контексте реализации коммуникационной политики по формированию внешнего имиджа проводится и организуется на системной основе, оно включает в себя публикацию материалов о достижениях организации, имиджевые статьи, афиширование деловых наград, информирование о текущих событиях и чрезвычайных ситуациях посредством пресс-конференций, выступлений и т. д. Данное направление деятельности входит в обязанности служб и подразделений по организации связей с общественностью, а также пресс-служб. Белорусский союз журналистов провел в январе 2016 г. опрос среди корреспондентов ряда изданий на предмет качества работы и уровня взаимодействия пресс-служб органов государственной власти Республики Беларусь со СМИ. Анкетирование проводилось анонимно, участникам было предложено оценить качество работы пресс-служб, управлений информации, пресс-секретарей министерств и ведомств Беларуси по десятибалльной шкале. В опросе приняло участие 52 штатных сотрудника следующих изданий: «Звязда», «Народная газета», «Рэспубліка», «Знамя Юности», «Сельская Газета»,

а также газеты «СБ Беларусь Сегодня» и ее интернет-портала (www.sb.by). Высокую оценку по результатам анкетирования получили пресс-службы Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (9,6 баллов), Совета Республики и Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (9,3 балла), а также Министерства Спорта и туризма Республики Беларусь (9,2 балла), низкие оценки – пресс-службы Министерства здравоохранения Республики Беларусь (4,9 балла) и Министерства образования Республики Беларусь (5 баллов). Соответствующие структуры Министерства внутренних дел Республики Беларусь по оценкам экспертов получили 8,4 балла [9].

Практически каждый орган государственного управления Республики Беларусь на данный момент имеет свою службу связей с общественностью, пресс-службу, пресс-секретаря или ответственного за эту функцию. Структура служб по связям с общественностью в органах государственной власти и государственного управления значительно отличается от других структур. Это связано с масштабами деятельности и возможностями дополнительного финансирования, а также с более массовым охватом аудитории и спецификой информации. Одним из основных направлений деятельности пресс-служб ОВД является формирование информационных потоков: составление баз данных целевых СМИ и целевых аудиторий, проведение фокус-групп, мониторинг состояний информационной конкурентной среды, формирование тематического пресс-клиппинга, составление пресс-досье, системный анализ работы и положения организации в информационном пространстве. Различные подразделения МВД Республики Беларусь, а также их территориальные структуры практически ежедневно привлекают внимание журналистов, так как в рейтинговых изданиях формат новостей должен включать сведения о правонарушениях и преступлениях, создающих, в большинстве своем, значительный общественный резонанс. Замалчивание или отсутствие достоверной информации влечет за собой последствия, негативно отражающиеся на авторитете и имидже соответствующих подразделений. Так, замалчивание может вызывать реакцию в формате появления слухов, некомпетентных комментариев, негативных оценок или недобросовестной интерпретации действий правоохранительных органов как со стороны аудитории, так и со стороны представителей СМИ.

Содержательный анализ прессы показывает, что деятельность ОВД в печатных СМИ освещена весьма объемно. В центральных изданиях количество ежеквартальных материалов, касающихся работы милиции, достигает сотни. Наблюдается тенденция к увеличению положительно характеризующих деятельность ОВД материалов, большинство

из которых содержит информацию в значительной степени фактологического, констатирующего содержания. В то же время малочисленны материалы аналитического и дискуссионного характера, полемика и реакция на критику практически отсутствуют, несмотря на то, что это наиболее необходимые и востребованные населением материалы.

В рамках рассматриваемой темы целесообразно обратить внимание на личностные и профессиональные качества сотрудников, которые ответственны за организацию работы по взаимодействию со СМИ. Исследователи отмечают, что современный специалист в сфере связей с общественностью должен обладать высокой квалификацией, хорошо разбираться не только в вопросах общественных связей, но и в маркетинге, рекламе, исследованиях, владеть интерактивными технологиями, иметь навыки работы в социальных сетях. Такому сотруднику необходимо ориентироваться в современных информационных тенденциях, постоянно находиться в тесном контакте с журналистами, быть дружелюбным, настойчивым и терпеливым, а также быть готовым оставаться «за кулисами», делая при этом всю работу.

Среди ОВД в части работы с общественностью выделяется отдел информации и общественных связей Главного управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета. Сотрудниками данного подразделения активно используются различные технологии: выступления в СМИ, создание видеороликов и билбордов, активное присутствие в интернет-пространстве. Отдельно отметим популярный интернет-проект «Перехват», который позволяет каждому пользователю содействовать охране общественного порядка. Данный интернет-ресурс был создан в 2012 г. А. Ластовским (пресс-секретарь ГУВД Минского городского исполнительного комитета). За время существования проекта от граждан было принято около 60 тыс. сообщений (от 20 до 200 сообщений в сутки).

В практике деятельности отделов и служб по организации общественных связей в системе Министерства внутренних дел Республики Беларусь значительно чаще используются следующие средства: пресс-конференции, брифинги, предоставление информации для прессы в самом разном виде, новости, статьи, экспертные мнения, интервью в СМИ.

Таким образом, анализ различных аспектов формирования коммуникационной политики органов внутренних дел показывает, что в нынешних реалиях существует необходимость пересмотра направлений организации работы со СМИ с учетом современных тенденций, особенностей и механизмов осуществления деятельности по связям с общественностью. По нашему мнению, для

совершенствования коммуникационной политики должны быть изучены вопросы, которые касаются разработки моделей социальных механизмов, обеспечивающих целенаправленный поиск, отбор и обработку информации по формированию собственного информационного потока организации. С этой же целью должны быть отрегулированы процессы поддержания обратной связи с аудиторией, а также важно наиболее активно использовать имиджевые технологии. Содержание работы со СМИ должно определяться степенью готовности информации для массмедиа, особенностями используемого канала социальной коммуникации, затратами человеческих ресурсов, а также их соответствующей компетенцией.

Проведенное исследование перспектив развития коммуникационной политики ОВД позволяет

сделать следующие выводы. Современные тенденции изменения информационного пространства в Республике Беларусь показывают, что в настоящее время возрастает роль социальных сетей и интернет-пространства. В связи с чем повышается и актуальность развития работы в рамках ведомственных интернет-ресурсов. Взаимодействие с общественностью и работа по связям с ней должна строиться и реализовываться с учетом соблюдения принципов объективности, оперативности, надежности, своевременности, ориентированности на интересы личности, общества и государства в целом. Данная работа позволит усовершенствовать взаимодействие ОВД со СМИ, способными повышать уровень доверия населения к правоохранительным структурам, что ведет к предупреждению преступности.

Библиографические ссылки

1. Королько В. Г. Основы публичных отношений. М., 2000.
2. Коммуникационная стратегия: цели, задачи, процесс формирования [Электронный ресурс] // FB.ru. URL: <http://fb.ru/article/254934/kommunikatsionnaya-strategiya-tseli-zadachi-protsess-formirovaniya> (дата обращения: 15.02.2017).
3. Устав Государственного учреждения «Военное информационное агентство Вооруженных Сил Республики Беларусь “Ваяр”» (новая редакция) : утв. приказом Мин-ва обороны Респ. Беларусь от 30.06.2014 № 696 [Электронный ресурс]. URL: <http://vayar.mil.by/about> (дата обращения: 10.03.2017).
4. ТВ vs Интернет: Агентство Optimum BY исследовало частоту просмотра телевизора и интернет-активности среди белорусов [Электронный ресурс]. URL: marketing.by/analitika/tv-vs-internet-agenstvo-optimum-by-issledovalo-chastotu-prosmotra-televizora-i-internet-aktivnosti/ (дата обращения: 12.03.2017).
5. Аналитики выяснили, сколько времени белорусы проводят в интернете [Электронный ресурс] // TUT.BY. URL: <http://42.tut.by/480146> (дата обращения: 12.03.2017).
6. Исследование: большинству горожан нравится социальная реклама в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://marketing.by/analitika/issledovanie-bolshinstvu-gorozhan-nravitsya-sotsialnaya-reklama-v-belarusi/> (дата обращения: 18.03.2017).
7. Исследование показало, что реклама на «мове» вызывает уважение к брендам [Электронный ресурс]. URL: <http://marketing.by/analitika/issledovanie-pokazalo-chto-reklama-na-move-vyzyvaet-uvazhenie-k-brendam/> (дата обращения: 18.03.2017).
8. Коммуникационная стратегия для патрульной полиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ua/creativity/kommunikatsionnaya-strategiya-dlya-patrulnoj-policii-bart-fink-128760/> (дата обращения: 18.03.2017).
9. Оценка уровня взаимодействия пресс-служб органов государственной власти со СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://bsj.by/2016/01/ocenka-urovnya-vzaimodejstviya-press-sluzhb-organov-gosudarstvennoj-vlasti-so-smi/> (дата обращения: 18.03.2017).

References

1. Korolko V. G. [The grounds of public relations]. Moscow, 2000 (in Russ.).
2. [Communication strategy: goals, objectives, formation process]. URL: <http://fb.ru/article/254934/kommunikatsionnaya-strategiya-tseli-zadachi-protsess-formirovaniya> (date of access: 15.02.2017) (in Russ.).
3. [Character of Public institution «Military information Agency of the Armed Forces of the Republic of Belarus “Vayar”»]. URL: <http://vayar.mil.by/about> (date of access: 10.03.2017) (in Russ.).
4. [TV vs Internet: the Optimum BY Agency investigated the frequency of TV viewing and Internet activity among Belarusians]. URL: marketing.by/analitika/tv-vs-internet-agenstvo-optimum-by-issledovalo-chastotu-prosmotra-televizora-i-internet-aktivnosti/ (date of access: 12.03.2017) (in Russ.).
5. [Analysts found out how much time the Belarusians spend online]. URL: <http://42.tut.by/480146> (date of access: 12.03.2017) (in Russ.).
6. [Study: most city dwellers like social advertising in Belarus]. URL: <http://marketing.by/analitika/issledovanie-bolshinstvu-gorozhan-nravitsya-sotsialnaya-reklama-v-belarusi/> (date of access: 18.03.2017) (in Russ.).
7. [The study showed that advertising on the «move» is a matter of respect to the brands]. URL: <http://marketing.by/analitika/issledovanie-pokazalo-chto-reklama-na-move-vyzyvaet-uvazhenie-k-brendam/> (date of access: 18.03.2017) (in Russ.).
8. [Communication strategy for the patrol police]. URL: <http://www.adme.ua/creativity/kommunikatsionnaya-strategiya-dlya-patrulnoj-policii-bart-fink-128760/> (date of access: 18.03.2017) (in Russ.).
9. [Assessment of the level of interaction between press services of state authorities with the media]. URL: <http://bsj.by/2016/01/ocenka-urovnya-vzaimodejstviya-press-sluzhb-organov-gosudarstvennoj-vlasti-so-smi/> (date of access: 18.03.2017) (in Russ.).

УДК 2–63(476)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМА СМЕНЫ КАРТИНЫ МИРА

В. А. ОДИНОЧЕНКО¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Рассматривается проблема смены картины мира в современном белорусском религиоведении. Изменения в подходах к изучению религии анализируются в контексте общей ситуации трансформации белорусского общества. Констатируется, что основной причиной изменений в трактовке религии явилась смена самой социальной реальности. Приводится сравнительный анализ картин мира в научном атеизме и религиоведении. Используется трактовка научной картины мира, разработанная в рамках минской методологической школы. Анализируется проблема соотношения научной и религиозной картин мира. Рассматривается возможность решения данной проблемы на основе принципа методологического агностицизма. Выделены следующие процессы, влияющие на смену картины мира в современном белорусском религиоведении: изменение отношения к религии со стороны государства и общества, усиление внимания к пространственной и временной локализации Беларуси в связи с образованием независимого белорусского государства, усложнение картины мира в современном естествознании и социальных науках. Утверждается, что в условиях трансформации современного белорусского общества картина мира в религиоведении также будет меняться.

Ключевые слова: картина мира; трансформация; религиоведение; религиозная сфера; научный атеизм; поликонфессиональность; белорусская культурная традиция.

Образец цитирования:

Одиноченко В. А. Религиоведение в современной Беларуси: проблема смены картины мира // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 63–67.

For citation:

Adzinohanka V. A. Religion in the modern Belarus: the problem of the change of the picture of the world. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 63–67 (in Russ.).

Автор:

Виктор Александрович Одиноченко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии исторического факультета.

Author:

Viktar A. Adzinohanka, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy, faculty of history.
adzin28@gmail.com

RELIGION IN THE MODERN BELARUS: THE PROBLEM OF THE CHANGE OF THE PICTURE OF THE WORLD

V. A. ADZINCHANKA^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University,
Savieckaja Street, 104, 246019, Gomel, Belarus

The problem of changing the picture of the world in modern Belarusian religious studies is considered. Changes in approaches to the study of religion are analyzed in the context of the overall situation of the transformation of Belarusian society. The author proceeds from the fact that the very social reality has changed, which was the main reason for the changes in the treatment of religion. A comparative analysis of the world's pictures in scientific atheism and religious studies is given. The interpretation of the scientific picture of the world, developed within the framework of the Minsk Methodological School, is used. The problem of correlation between the scientific and religious picture of the world is analyzed. The possibility of solving this problem on the basis of the principle of methodological agnosticism is considered. The following processes that influence the change of the world picture in modern Belarusian religious studies are highlighted in the article: the change of attitudes towards religion on the part of the state and society, increased attention to the spatial and temporal localization of Belarus in connection with the formation of an independent Belarusian state, the complexity of the world picture in modern natural science and social sciences. It is alleged that in the situation of transformation of modern Belarusian society, the picture of the world in religious studies will also change.

Key words: picture of the world; transformation; religious studies; religious sphere; scientific atheism; polyconfessionality; Belarusian cultural tradition.

Необходимость изменения подходов в изучении религии обусловлена процессами трансформации, которые происходят в современной Беларуси. В терминах политологии они в большинстве случаев описываются как переход от Советского Союза к новому государству – независимой Беларуси. Тем не менее для рассмотрения процессов трансформации актуально применить и философский подход, посредством которого выявляется глубокий характер происходящих изменений и их онтологические последствия. Политические процессы конца XX в. привели к возникновению качественно новой социально-культурной реальности.

Религия – одна из тех сфер общественной жизни современной Беларуси, в которой изменения имеют наиболее наглядный характер. Очевидным является принципиальное изменение отношения к религии со стороны государства и общества. Растет количество религиозных организаций, за неполные 20 лет их число увеличилось более чем в четыре раза: с 765 организаций в 1988 г. до 3337 на начало 2017 г. Изменились и общие подходы к изучению религии. Ранее она рассматривалась как социальный феномен, анализировались механизмы ее возникновения, причины сохранения и функции. Сейчас же религия воспринимается преимущественно как элемент культуры, в связи с этим внимание концентрируется на выявлении смысла ее положений и влиянии на поведение людей.

Изменения в подходах к изучению религии являются частью общей ситуации радикальной трансформации общественных наук. Речь идет не только об изменении основ теории, которую можно определить как научную революцию или смену парадигм (по терминологии Куна), но и об изменении

самой изучающей религию науки: на смену научному атеизму пришло религиоведение.

Говоря о различии между этими двумя науками, прежде всего необходимо отметить тот факт, что они обладают разной структурой. Исследователи научного атеизма называют следующие его компоненты: марксистское религиоведение, учение о мировоззренческих основах атеизма, учение о преодолении религии и теория атеистического воспитания [1, с. 13–14]. Предлагались и иные структуры, но изучение религии в марксистском религиоведении было частью атеистического подхода, который одновременно квалифицировался и как научный. Обуславливалось это тем, что атеистический подход опирается на научные постулаты [2, с. 100]. Сейчас религиоведение является самостоятельной многогранной наукой, которая включает в себя философию, историю, социологию, антропологию, психологию религии, а также феноменологию религии.

В свете произошедших изменений был ожидаем радикальный разрыв в трактовках религии, а также возникновение полемики между исследователями, тем не менее этого не произошло. Отмечается, что «в системе белорусской науки в постперестроечный период значительных парадигмальных и тематических изменений, связанных с исследованиями религии, не происходило. Здесь религиоведческие исследования, если проследить их от 1991 г., в большей степени были продолжением прежних работ, особенно в сфере социологии и этнографии» [3, с. 34].

Наличие преемственности в развитии белорусского религиоведения позволило использовать накопленный опыт в современных условиях, а также

обусловило возможность применения разных мировоззренческих подходов к анализу религии и ее изучению.

Однако, на наш взгляд, новая ситуация в религиозной сфере требует дальнейшего осмысления. В Беларуси принципиально изменились социальная и культурная реальности, а также место в ней религии, соответственно, необходимы новые подходы к ее комплексному анализу.

В настоящей статье рассматриваются возможные пути изменений в религиоведении через анализ проблемы смены научной картины мира, поскольку таким образом они могут быть показаны наиболее наглядно.

Для наших рассуждений используем трактовку научной картины мира, которая была разработана В. С. Степиным и Л. Ф. Кузнецовой в рамках Минской методологической школы: научная картина мира – «форма теоретического знания, репрезентирующая предмет исследования соответственно определенному историческому этапу развития науки; форма, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска» [4, с. 25].

Выделяются следующие картины мира в зависимости от характера общности: общенаучная, естественно-научная, социально-научная и специальная.

Картина мира в религиоведении является одной из специальных и может рассматриваться как «горизонт систематизации знаний в отдельной науке» [5, с. 10] (для ее обозначения также используют понятия «картина исследуемой реальности» и «дисциплинарная онтология»), кроме того, она является частью современной социально научной картины мира, для которой в Беларуси на данный момент характерны резкие изменения. Это связано с трансформацией самой социальной реальности и с возможностью использования новых подходов к ее изучению.

В данном контексте важно проанализировать разницу между естественно-научной и социально-научной картинами мира. Сама наука определяется как «особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире» [6, с. 23]. В настоящем исследовании будем исходить из того, что естествознание и социальные науки отличаются по характеру объективности, это проявляется в предлагаемой ими картине мира. В естествознании она представляет собой образ объективной реальности, которая существует независимо от человека, может изучаться и преобразовываться, в социологии же она создается через деятельность людей, являясь при этом объективной в своем непосредственном наличии.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что в подходах к изучению религии в современном белорусском религиоведении и их отличии от научного атеизма, речь идет об изменении не только картины мира, но и самой реальности.

Научный атеизм был частью советской социальной и культурной реальности, он имел практический характер, его положения осуществлялись в деятельности государственных и партийных органов, он был направлен на преодоление религиозной реальности и замену ее мировоззрением, которое будет основано на науке. В мировоззренческом плане научный атеизм определялся как «последовательная и цельная система материалистических взглядов, которая научно обоснованно отвергает всякую религию и тем самым утверждает бытие человека, его подлинную сущность и назначение» [2, с. 101]. Научный атеизм базировался на четко определенной картине мира, основанной на утверждении о первичности материального по отношению к идеальному, природы по отношению к духу. Этим объясняется его внимание к принципам естествознания, поскольку данная наука занимается изучением природы. Научный атеизм опирался на определенную трактовку общества, в его структуре выделялось общественное бытие (материальные условия жизни людей, производство и производственные отношения, а также общественное сознание) и совокупность форм духовной жизни общества. К последнему относились философия, политика, право, мораль, искусство и религия. Утверждалось, что специфика религии заключалась в том, что она, в отличие от других форм общественного сознания, являлась иллюзорным способом отражения действительности, т. е. давала искаженную картину мира.

В советской культурной реальности считалось, что религия выполняет в первую очередь иллюзорно-компенсаторную функцию, она порождена бессилием человека перед внешними силами (первоначально природными, затем социальными) и дает ему ложное утешение, обещая за страдания воздаяние в потустороннем мире. Соответственно, утверждалось, что с течением времени, по мере развития общества, религия исчезнет, поскольку будет отсутствовать необходимость в иллюзорном утешении. Данное предположение не подтвердилось.

Процессы распространения религии в современном мире требуют осмысления ее природы и места в жизни человека и общества. Для этого прежде всего необходимо применение научного подхода, в соответствии с которым религия является объектом изучения, а не критики (как в научном атеизме) или апологетики (как в теологии).

В связи с вышесказанным возникает проблема определения религии. В настоящем исследовании

мы используем следующее: религия – это мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия, основанные на вере в сверхъестественное. Таким образом, религия задает картину мира, в основе которой находится сверхъестественное. Воздействием потустороннего объясняется все то, что происходит вокруг человека. В религиоведении существует проблема отношения к этому положению, поскольку оно включает сверхъестественное в свою картину мира и исходит из него. В теологии и атеизме такой проблемы нет: они исключают сверхъестественное и на этой основе дают критику положений религии. Для разрешения данной проблемы в современном религиоведении используется принцип методологического агностицизма, который сводится к воздержанию от утверждения либо отрицания существования сверхъестественного.

Характерной чертой современной религиозной ситуации в Беларуси является поликонфессиональность. В стране на начало 2017 г. было зарегистрировано 25 религиозных конфессий, в связи с этим встает вопрос о месте этих конфессий в белорусской истории, а также об их роли в развитии культуры.

Официальная трактовка картины религиозной реальности в Беларуси задается на законодательном уровне. В преамбуле редакции Закона Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. № 137-3 «О свободе совести и религиозных организациях», названы пять религий, которые связаны с белорусской культурной традицией: православие, католичество, ислам, иудаизм и лютеранство. Акцент здесь делается на правовом аспекте проблемы. Это не исключает возможности исследований роли в белорусской культуре каждой из конфессий, в том числе и не включенных в преамбулу.

На наш взгляд, определение «традиционная религия» в Беларуси в наибольшей степени можно применить к язычеству, поскольку оно вытекает из характера повседневной деятельности людей и существует в виде традиционных представлений и обрядов. Языческие верования сохраняются и оказывают влияние на религиозность белорусов и в настоящее время. Значительная часть населения верит в порчу, сглаз, приметы.

Помимо прочего встает вопрос и о религиях, которые являются нетрадиционными для Беларуси. Их исследованию посвящено несколько работ, которые в целом имеют критическую направленность. В этих работах дается характеристика деятельности нетрадиционных религий (неокультизм) как «экспансионистской и агрессивной, деструктивной и чужеродной духовной национально-культурной традиции белорусского народа» [7, с. 5].

Введение термина *нетрадиционные религии*, по нашему мнению, указывает на то, что они ба-

зируются на положениях, которые отличаются от принятых в европейской культуре. Изучение этих религий косвенно способствует осмыслению специфики белорусской культуры и сформированной в ее рамках картины мира.

В настоящее время резко возрос интерес к культурным особенностям того или иного народа, признается множественность культурно обусловленных картин мира. При этом очень часто основание культурной специфики видится в религии. Исследователи говорят о христианской, мусульманской, конфуцианской и других культурах

Усиливается пространственный аспект картины мира, и, как результат, проявляется ее национальная специфика. За последние годы социальное и культурное пространство Беларуси претерпело существенные изменения. Раньше страна была частью огромного политического и культурного образования – Советского Союза. Сейчас в большинстве исследований акцентируется внимание, во-первых, на независимом статусе Беларуси как государства и, во-вторых, на ее нахождении между Россией и другими европейскими странами.

С этим связано и изменение во времени, оно также стало локальным. Акцент делается на рассмотрении истории Беларуси, и истории религий как части общей истории страны.

Наряду с пространственным и временным аспектами изменения картины мира актуальным является и изменение ее динамического аспекта. В марксистской философии он определялся через смену форм собственности. В настоящее время развитие экономики связывается с изменением в ценностных установках людей, в том числе и религиозных, подчеркивается системность факторов развития. Таким образом, картина мира в социальных науках усложняется, что соотносится с усложнением современной естественно-научной картины мира. Положения квантовой физики, которая сейчас занимает лидирующие позиции в науке, принципиально не наглядны.

Говоря о проблеме смены картины мира в современном белорусском религиоведении, мы исходим, во-первых, из смены установок по отношению к религии со стороны государства и общества, во-вторых, из того, что в связи с образованием независимой Беларуси происходит усиление внимания к ее пространственной и временной локализации, и, в-третьих, из усложнения картины мира в современном естествознании и социальных науках.

В целом в ситуации трансформации современного белорусского общества изменяется и картина мира в религиоведении. Это предполагает необходимость дальнейшего изучения религии и плодотворность научной полемики между исследователями.

Библиографические ссылки

1. Ленсу М. Я. Основы атеистического воспитания: методические проблемы. Минск, 1976.
2. Круглов А. А. Развитие атеизма в Белоруссии: 1917–1987 гг. Минск, 1989.
3. Карасева С. Г. Институционализация религиоведения в Беларуси // *Философия и соц. науки*. 2011. № 3/4. С. 29–36.
4. Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
5. Кузнецова Л. Ф. Картина мира и ее функции в научном познании. Минск, 1984.
6. Стёпин В. С. Наука // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 23–28.
7. Прокошина Е. С., Короткая Т. П., Рекуц И. Ф. и др. Неокульты: «Новые религии» века? 4-е изд., стереотип. Минск, 2002.

References

1. Lensu M. Ya. [Bases of atheistic education: methodological problems]. Minsk, 1976 (in Russ.).
2. Kruglov A. A. [The development of atheism in Belorussia: 1917–1987]. Minsk, 1989 (in Russ.).
3. Karaseva S. G. [The institutionalization of religious studies in Belarus]. *Filos. i sotsial'nye nauki*. 2011. No. 3/4. P. 29–35 (in Russ.).
4. Stepin V. S., Kuznetsova L. F. [Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilization]. Moscow, 1994 (in Russ.).
5. Kuznetsova L. F. [The picture of the world and its functions in scientific knowledge]. Minsk, 1984 (in Russ.).
6. Stepin V. S. [Science]. [*New philosophical encyclopedia*] : in 4 vol. Moscow, 2010. Vol. 3. P. 23–28 (in Russ.).
7. Prokoshina E. S., Korotkaya T. P., Rekuts I. F., et al. [Neokults: «new religions» of the century?]. 4th ed. Minsk, 2002 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 05.04.2017.
Received by editorial board 05.04.2017.*

УДК 159.9:316.74:2(476)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЩЕНИЯ И МОТИВЫ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ (по данным исследования «Типология религиозности в современной Беларуси»)

С. Г. КАРАСЁВА¹⁾, Е. В. ШКУРОВА¹⁾, Н. К. ПЛАВНИК²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Результаты интерпретации некоторых элементов междисциплинарного республиканского исследования «Типология религиозности в современной Беларуси» представлены с помощью концепций психологии. На примере группы респондентов, декларирующих принадлежность к православию, прослежены особенности взаимосвязи между обстоятельствами религиозного обращения и мотивами альтруистического поведения религиозной личности.

Ключевые слова: религиозность; религиозная личность; религиозное обращение; православие; альтруистическое поведение; междисциплинарный подход; психология религии; социология религии.

CIRCUMSTANCES OF RELIGIOUS CONVERSION AND MOTIVES FOR ALTRUISTIC BEHAVIOUR OF THE ADEPTS OF ORTHODOXY: FEATURES OF INTERRELATION (based on the study «Typology of religiosity in the modern Belarus»)

S. G. KARASSYOVA^a, E. V. SHKUROVA^a, N. K. PLAUNIK^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bNational Institute for Higher Education, Maskoŭskaja Street, 15, 220007, Minsk, Belarus

Corresponding author: S. G. Karassyova (karassyova@mail.ru)

The article contains results of interpretation with the help of concepts of psychology of separate elements of the all-republican interdisciplinary study «Typology of religiosity in the modern Belarus». Within a group of respondents declaring

Образец цитирования:

Карасёва С. Г., Шкурёва Е. В., Плавник Н. К. Обстоятельства религиозного обращения и мотивы альтруистического поведения последователей православия: особенности взаимосвязи (по данным исследования «Типология религиозности в современной Беларуси») // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 68–75.

For citation:

Karassyova S. G., Shkurova E. V., Plaunik N. K. Circumstances of religious conversion and motives for altruistic behaviour of the adepts of Orthodoxy: features of interrelation (based on the study «Typology of religiosity in the modern Belarus»). *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 68–75 (in Russ.).

Авторы:

Светлана Геннадьевна Карасёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Елена Валерьевна Шкурёва – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Наталья Константиновна Плавник – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Authors:

Svetlana G. Karassyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.

karassyova@mail.ru

Elena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

vogel_82@mail.ru

Natalia K. Plaunik, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology and pedagogical mastery, faculty of professional development and retraining.

n.plavnik@mail.ru

affiliation to Orthodoxy, we saw features of interrelation of the circumstances of religious conversion and motives for altruistic behaviour of a religious person.

Key words: religiosity; religious person; religious conversion; Orthodoxy; altruistic behaviour; interdisciplinary approach; psychology of religion; sociology of religion.

В 2012 г. на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета было начато исследование «Типология религиозности в современной Беларуси». В его основу положен *междисциплинарный* подход, сочетающий концепции и методы философии, феноменологии религии, социологии, психологии. Модель исследования базировалась на принципах: кросс-конфессиональной трактовки религии и многомерной структуры религиозной вовлеченности; гипостазирования универсальных – кросс-конфессиональных – типов религиозности в диапазоне интенсивности от номинальной через слабую и среднюю до сильной; применения комплексной качественно-количественной методологии [1]. Исследование фокусировалось на религиозной части населения Беларуси – на последователях разных исповеданий – и проводилось методом анкетного опроса (2013–2015 гг.) по всей стране. Количество участников опроса (выборочная совокупность) рассчитывалось с учетом сведений о численности религиозного населения Беларуси, полученных в рамках социологических исследований, пропорционально количеству зарегистрированных организаций каждой конфессии в каждой из областей страны. В результате было опрошено 2723 респондента, последователя 19 конфессий, при этом 2013 из них отнесли себя к традиционным доминирующим конфессиям, 710 – к другим [2–4].

Междисциплинарная модель исследования «Типология религиозности в современной Беларуси» предполагает возможность интерпретации данных средствами разных дисциплин. В данном случае предлагается трактовка на основе концепций психологии. Для этого из всего объема собранного эмпирического материала было извлечено два блока данных, позволяющих выявить психологические характеристики участников опроса:

- данные, отражающие *условия* (внешние обстоятельства) и *характер* (внутреннее переживание) *обращения к религии* – события, которое в психологии трактуется как трансформация личной идентичности под влиянием религиозного опыта;
- данные о формах канонически предписанного благочестия, а именно о совершении пожертвований, что с точки зрения психологии можно трактовать как проявления *альтруистического поведения*.

Предпосылкой для построения психологической трактовки этих блоков служит интерпретация понятий *религиозное обращение* и в связи с ним – *религия* и *религиозность*, а также *альтруизм*, *альтруистическое поведение*.

Под *религией* в самом широком смысле понимается сложный двухаспектный феномен, представляющий собой единство религиозного опыта (внутренний аспект) и выражающей его религиозной системы (внешний аспект), которая, в свою очередь, раскрывается в трех не сводимых друг к другу подсистемах-измерениях представлений, деятельности, институтов. Представления артикулируют идею религии, деятельность воплощает их в жизнь, институты организуют последователей идеи [1; 5].

Под *религиозностью* понимают причастность к религии, или вовлеченность в единство названных аспектов и измерений. Сложная структура религии обуславливает вариативность форм вовлеченности, которая может реализовываться в разных измерениях и в разной степени. В любом случае в основе религиозности лежит процесс *обращения к религии* (*религиозная конверсия*), который может оказаться для индивида переломным моментом жизни, а может стать началом сложного пути приближения к религиозным смыслам и ценностям (но он не всегда завершается мировоззренческой и поведенческой трансформацией). Религиозное обращение (конверсия) – это событие, которое превращает религию из безразличного для человека феномена в его личное смысловое поле вне зависимости от того, становится оно единственным или остается одним из многих.

Теории религиозного обращения (конверсии) [6–9], по-разному его определяющие, все же отмечают универсальные компоненты процесса:

- 1) потребность личности в предельном (религиозном) смысле, которая проявляется через экзистенциальный кризис;
- 2) активность человека в поисках выхода из кризиса;
- 3) чувствительность личности именно к религиозному смыслу и готовность принять этот смысл;
- 4) ключевое событие или фигура, выполняющие для индивида функцию проводника в сферу религии.

Первые три позиции обозначают внутреннюю обусловленность конверсии. В статье им ставится в соответствие такой показатель, как *характер* (внутреннее переживание интенсивности) конверсии. Четвертая позиция отражает внешние обстоятельства, подготовившие конверсию; ей ставится в соответствие такой показатель, как *условия* (событийные влияния) конверсии.

Тема религиозного обращения разрабатывалась преимущественно в социологии, трактовавшей этот

феномен достаточно узко – в основном как вхождение в религиозное сообщество [7; 8]. Психоаналитическая культурология и феноменология религии [10; 11] трактуют обращение шире – как самораскрытие личного потенциала через событие инициации, маркирующее преодоление прежнего «я» личности, как самотрансцендирование. Этот процесс может быть либо быстрым и интенсивным, радикально преобразующим личность, а значит, полным, по крайней мере глубоким, либо поступательным и спокойным, медленно изменяющим смысловой горизонт личности, а значит, частичным, поверхностным. В психологии подобные трансформации обозначаются понятием самоактуализации. В статье именно эти процессы определены как *характер* обращения к религии.

Характер обращения может влиять на религиозную мотивацию поступков человека. Интенсивно пережитое обращение с большей долей вероятности предшествует глубокой трансформации и может обусловить жизненное поведение личности преданностью религиозному идеалу и ревностным отношением к предписаниям основанной на нем традиции. Спокойное обращение скорее сохранит относительную автономию личности по отношению к предписаниям религии. Очевидно, это различие должно влиять на альтруистический характер поведения: глубоко обращенные будут проявлять альтруизм с большей вероятностью, поверхностно обращенные – с меньшей. В статье эта тема не развивается, лишь принимается к сведению многообразие форм обращения и выявляется их связь с канонически предписанными формами альтруистического поведения.

Под *альтруизмом* в социально-гуманитарном знании в самом общем смысле понимается принцип (система принципов) человеческого поведения, ориентированного на обеспечение блага других за счет собственного. Термин «альтруизм» (франц. *altruisme*, от лат. *alter* – другой) первым ввел О. Конт (1852) в рамках социальной философии для определения понятия, противоположного понятию «эгоизм» [12; 13]. Кратко О. Конт определял альтруизм как «жизнь ради других» [14]. Производный термин, «альтруистическое поведение», был впервые определен в рамках социобиологии Дж. Б. Холдейном (1955) и затем развит Р. Триверсом (1974) [15]. Современный диапазон значений понятия «альтруизм» определяется его использованием в целом ряде дисциплин, от социальной философии и психологии до социобиологии и этологии. Но основным признаком альтруистического поведения во всех дисциплинарных подходах и концепциях признается то, что оно «направлено на благополучие другого существа в ущерб собственному благополучию» [13; 16; 17, с. 28; 18]. В психологии альтруизм относят к одной из форм *просоциального* (поддерживающего солидарность)

поведения, а именно к *помогающему* поведению (либо отождествляют с ним). Помогающее поведение определяется как забота о благе других, не предусматривающая вознаграждения [8; 19].

Религия – та сфера, которая утверждает и реализует принцип альтруизма в качестве приоритетного в человеческих отношениях. Существуют экспериментальные психологические исследования, выявляющие связь религиозности и альтруизма [20, с. 591–593]. В данной статье прослеживается один из аспектов такой связи – зависимость между религиозным обращением и мотивами альтруистического поведения.

Поскольку в жизни общества есть сфера, а именно религия, в которой альтруизм утверждается как базовый принцип поведения, то естественно предположить, что в зависимости от степени вовлеченности в религию ее последователи могут быть более или менее мотивированы ее альтруистическими нормами. Степень вовлеченности в религию определяется в том числе *условиями и характером обращения к религии*. Следовательно, альтруистическое поведение религиозных людей (в частности, в форме совершения пожертвований) может быть связано с обстоятельствами их обращения.

Изучение этой связи осуществляется в данном случае на примере группы респондентов, причисливших себя к *православию*. Выбор конфессии обусловлен ее статусом в белорусском обществе, а также значимостью в ней идеи альтруизма, утверждаемой в качестве предельной нормы отношений между людьми.

Для выявления характера взаимосвязи между мотивацией альтруистического поведения и условиями и характером религиозного обращения из числа респондентов, декларировавших свою принадлежность к православию, были отобраны те, чьи представления о ключевых исповедных истинах православия соответствовали его религиозно-мировоззренческому типу – монотеизму [21]. В результате получился массив (947 респондентов (*N*)), из которого случайным образом с шагом 32 (*n*) отобрали 30 респондентов (*N/n*).

Из сложной системы показателей, составляющих исследовательскую модель, отобрали те переменные, которые подлежали психологической интерпретации:

1) условия религиозного обращения (У-РО); в инструментарии исследования (анкете) эта переменная обозначена вопросом: «Что привело Вас к религии?»;

2) характер религиозного обращения (Х-РО); в инструментарии исследования (анкете) эта переменная обозначена вопросом: «Приходилось ли Вам когда-нибудь переживать соприкосновение с божественным, с высшей силой, с абсолютной истиной?»;

3) мотивы альтруистического поведения (или альтруистических поступков в форме совершения пожертвований) (АП); в инструментарии исследования (анкете) эта переменная обозначена вопросом: «Почему Вы совершаете пожертвования?».

Связи между переменными определялись с помощью таблиц сопряженности.

На первом этапе анализ связи переменных У-РО (условия религиозного обращения) и Х-РО (характер религиозного обращения) позволил выявить следующую зависимость. Вероятность яркого, интенсивного протекания религиозного обращения (Х-РО) – в форме «переживания соприкосновения с божественным, с высшей силой, с абсолютной истиной» – может быть выше, если обращение является результатом следующих условий (У-РО) (табл. 1):

1) преодоление экзистенциального кризиса (выражается в выбранных респондентами вариантах ответа: «поиск смысла жизни» – 32,0 % респондентов; «поиск утраченного душевного равновесия» – 28,0 %);

2) романтически-экзальтированное отношение к религии (вариант ответа: «зов божественного, высших сил» – 28,0 %);

3) влияние традиции через социальное окружение, или социализация (вариант ответа: «семейное воспитание» – 24,0 %).

Другими словами, интенсивное переживание обращения (Х-РО) связано с определенными условиями обращения (У-РО), которые можно предварительно обозначить как: 1) экзистенциальные, 2) эмоциональные, 3) социальные (семейно-традиционные) соответственно [2].

Таблица 1

**Сопряженность переменных У-РО (условия религиозного обращения)
и Х-РО (характер религиозного обращения),
% от общего числа респондентов**

Table 1

**Cross tabulation for the variables C-RC (the conditions of religious conversion)
and N-RC (the nature of religious conversion),
in % of the total number of respondents**

У-РО Х-РО		Приходилось ли Вам когда-либо переживать соприкосновение с божественным, с высшей силой, с абсолютной истиной?			Всего
		Да, приходилось	Я считаю, что такой опыт невозможен	Я никогда не испытывал(а) ничего подобного	
Что привело Вас к религии?*	Поиск смысла жизни	32,0	4,0	8,0	44,0
	Семейное воспитание	24,0	0,0	12,0	36,0
	Поиск утраченного душевного равновесия	28,0	0,0	0,0	28,0
	Тяжелая болезнь близкого человека	4,0	0,0	4,0	8,0
	Регулярное чтение литературы (художественной, философской, религиозной)	8,0	0,0	0,0	8,0
	Особенная встреча с религиозным (верующим) человеком	8,0	0,0	0,0	8,0
	Наркомания, алкоголизм, другая зависимость	4,0	0,0	0,0	4,0
	Чудесное событие	8,0	0,0	0,0	8,0
	Зов божественного, высших сил	28,0	0,0	4,0	32,0
	Постоянное близкое общение с верующими (религиозными) людьми (с родственниками, друзьями, коллегами и т. д.)	12,0	0,0	4,0	16,0
Всего		76,0	4,0	20,0	100,0

*Вопрос с множественными вариантами ответа.

Особенности взаимосвязи между переменными, характеризующими условия обращения к религии (У-РО) и мотивы альтруистического поведения (АП), свидетельствуют, что между указанными причинами обращения к религии (экзистенциального, эмо-

ционального и социального свойства) и совершением пожертвований (АП) из «сострадания к нуждающимся» есть зависимость (табл. 2). Это именно тот мотив, который при моделировании исследования наделялся собственно альтруистическим смыслом.

Таблица 2

Сопряженность переменных У-РО (условия религиозного обращения)
и АП (мотивы альтруистического поведения),
% от общего числа респондентов

Table 2

Cross tabulation for the variables C-RC (the conditions of religious conversion)
and AB (motives of altruistic behaviour),
in % of the total number of respondents

У-РО \ АП		Почему Вы совершаете пожертвования?				Всего
		Из сострадания к нуждающимся	Из чувства долга, по велению совести	Ради воздаяния, которое обещает моя религия	Так требует моя религия	
Что привело Вас к религии?*	Поиск смысла жизни	37,0	3,7	3,7	3,7	48,1
	Семейное воспитание	18,5	0,0	7,4	3,7	29,6
	Поиск утраченного душевного равновесия	22,2	3,7	0,0	0,0	25,9
	Тяжелая болезнь близкого человека	3,7	0,0	0,0	0,0	3,7
	Регулярное чтение литературы (художественной, философской, религиозной)	3,7	0,0	3,7	0,0	7,4
	Особенная встреча с религиозным (верующим) человеком	7,4	0,0	0,0	0,0	7,4
	Наркомания, алкоголизм, другая зависимость	3,7	0,0	0,0	0,0	3,7
	Чудесное событие	7,4	3,7	0,0	0,0	11,1
	Потеря близкого человека	3,7	0,0	0,0	0,0	3,7
	Зов божественного, высших сил	11,1	7,4	3,7	3,7	25,9
	Одиночество	3,7	0,0	0,0	0,0	3,7
	Постоянное близкое общение с верующими (религиозными) людьми (родственниками, друзьями, коллегами и т. д.)	7,4	0,0	3,7	3,7	14,8
	Затрудняюсь ответить	3,7	0,0	0,0	0,0	3,7
Всего		66,7	18,5	7,4	7,4	100,0

*Вопрос с множественными вариантами ответа.

Характер связи между переменными позволяет судить о том, что к собственно альтруистическим мотивам при совершении пожертвований (АП) в большей степени склонны те, кто пришел к религии (У-РО) осознанно, преодолев экзистенциальный кризис (37,0 % и 22,2 % респондентов), и в меньшей степени – те, для кого обращение было результатом социализации (вариант ответа: «семейное воспитание» – 18,5 %) или романтично-экзальтированных ожиданий в отношении религии (вариант ответа: «зов божественного, высших сил» – 11,1 %).

В итоге определено, что именно указанные ранее причины обращения к религии (У-РО) – экзистенциального, социально-традиционного, романтично-экзальтированного плана (У-РО) – связаны

с интенсивным переживанием обращения (Х-РО) и при этом с альтруистической мотивацией совершения пожертвований (АП). Это ставит закономерный вопрос об особенностях связи между переменной, отражающей характер религиозного обращения (Х-РО), и переменной, определяющей мотивы альтруистического поведения (АП). Анализ этой связи показывает, что именно те, кто имел опыт «соприкосновения с божественным, с высшей силой, с абсолютной истиной» (43,5 % респондентов), склонны к собственно альтруистическому («из сострадания») совершению пожертвований (табл. 3). Причем связь между указанными переменными выражена в сильной степени (значение критерия χ^2 -квадрат по Пирсону стремится к 1 (равен 0,936)) (см. табл. 3).

Таблица 3

**Сопряженность переменных X-PO (характер религиозного обращения)
и АП (мотивы альтруистического поведения),
% от общего числа респондентов**

Table 3

**Cross tabulation for the variables N-RC (the nature of religious conversion)
and AB (motives of altruistic behaviour),
in % of the total number of respondents**

X-PO \ АП		Почему Вы совершаете пожертвования?				Всего
		Из сострадания к нуждающимся	Из чувства долга, по велению совести	Ради воздаяния, которое обещает моя религия	Так требует моя религия	
Приходилось ли Вам когда-либо переживать соприкосновение с божественным, с высшей силой, с абсолютной истиной?	Да, приходилось	43,5	17,4	8,7	8,7	78,3
	Я считаю, что такой опыт невозможен	4,3	0,0	0,0	0,0	4,3
	Я никогда не испытывал(а) ничего подобного	13,0	4,3	0,0	0,0	17,4
Всего		60,9	21,7	8,7	8,7	100,0

В итоге оценка наиболее высоких значений переменных и анализ связей между ними (табл. 4) позволяет установить, что характер религиозного обращения (X-PO) коррелирует преимущественно с переживанием респондентами кризиса внутреннего становления (60 %), воздействием экстраординарных обстоятельств (28,0 %) и влиянием социального окружения (24,0 %). Сходная зависимость прослеживается и во влиянии условий религиозного обращения (У-PO) на альтруистическое поведение. Среди респондентов, совершавших пожертвования из сострадания к нуждающимся, 59,2 % переживали кризис внутреннего становле-

ния, 18,5 % обратились к религии под влиянием социального окружения и 11,1 % – под влиянием экстраординарных обстоятельств. Для 43,5 % респондентов альтруистическая мотивация поведения (АП) связана с наличием опыта переживания «связи с божественным...». Таким образом, условия и характер религиозного обращения оказывают влияние на мотивацию альтруистического поведения: совершение пожертвований из сострадания коррелирует с наличием опыта интенсивного переживания конверсии и определенными (экзистенциального, эмоционального, социального свойства) условиями обращения к ней.

Таблица 4

**Зависимость между переменными У-PO – X-PO – АП
с наиболее значимыми показателями,
% от общего числа респондентов**

Table 4

**Dependence between variables C-RC – N-RC – AB
with the most significant indicators,
in % of the total number of respondents**

Переменные и их значения					
Условия религиозного обращения (У-РО)		Характер религиозного обращения (Х-РО)		Альтруистическое поведение (АП)	
1) кризис внут- реннего состо- яния:	<i>поиск смысла жизни</i>	32,0	60,0	37,0	59,2
	<i>поиск утраченного душевного равновесия</i>	28,0		22,2	
2) влияние социального окружения		24,0		18,5	
3) действие экстраординарных обстоятельств		28,0		11,1	

Другими словами, православным респондентам, которые пришли к религиозному обращению в результате личных исканий и пережили интенсивный опыт обращения, в большей степени свойственны альтруистические мотивы при совершении пожертвований.

Это позволяет сделать вывод о том, что глубоко пережитое религиозное обращение обуславливает заметную мотивацию личности религиозным идеалом, в том числе основанными на нем предписаниями альтруистического поведения (способность совершать пожертвования из сострадания).

Библиографические ссылки

1. Карасёва С. Г., Шкурова Е. В. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности: актуальность и концептуализация // Социология. 2012. № 3. С. 123–132.
2. Карасёва С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. и др. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015) // Философия и соц. науки. 2016. № 1. С. 82–91.
3. Карасёва С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. и др. Значимость религии в оценках религиозного населения Беларуси (по данным исследования 2012–2016 гг.) // Философия и соц. науки. 2016. № 3. С. 82–88.
4. Карасёва С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. Характеристики вовлеченности населения Беларуси в религию: мировоззренческий аспект // Вестн. ПСТГУ. Сер. 1, Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 70. С. 85–109.
5. Hill P. C., Hood R. W. (Jr.) Measures of Religiosity. Birmingham ; Alabama, 1999.
6. Любимова А. И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России // Вестн. РХГА. 2009. Т. 10, № 1. С. 70–74.
7. Lofland J., Stark R. Becoming a World-saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective // Am. Sociol. Rev. 1965. Vol. 30, № 6. P. 862–875.
8. Rambo L. R. Understanding Religious Conversion. New Haven (CT), 1993.
9. Batson C. D., Schoenrade P., Ventis W. L. Religion and the Individual: a Social-Psychological Perspective. New York, 1993.
10. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. А. П. Хомик. М. ; Киев, 1997.
11. Геннеп А. Обряды перехода. М., 1999.
12. Альтруизм // Философ. энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1960. Т. 1. С. 46–47.
13. Ильин Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб., 2013.
14. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. Е. В. Головиной. М., 2012.
15. Бар-Тал Д. Помогающее поведение [Электронный ресурс] // Психол. энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/770/помогающее (дата обращения: 20.06.2017).
16. Альтруистическое поведение [Электронный ресурс] // Биол. энцикл. словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/162/альтруистическое (дата обращения: 20.06.2017).
17. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Современный психологический словарь. СПб., 2007.
18. Татаренко О. В. Мотивационные компоненты благотворительной активности субъекта : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2006.
19. Ребер А. Большой толковый психологический словарь : в 2 т. / пер. с англ. Е. Ю. Чеботаревой. М., 2000. Т. 2.
20. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2010.
21. Карасёва С. Г., Шкурова Е. В. Особенности религиозности населения Беларуси: мировоззренческий аспект (по данным исследования 2012–2015 гг.) // Социология. 2016. № 4. С. 81–94.

References

1. Karassyova S. G., Shkurova E. V. Multi-dimensional cross-confessional study of religiosity in Belarus: urgency and conceptualization. *Sotsiologiya*. 2012. No. 3. P. 123–132 (in Russ.).
2. Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I., et al. Some features of religious population of Belarus (based materials of research «Typology of religiosity in modern Belarus», 2012–2015). *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016. No. 1. P. 82–91 (in Russ.).
3. Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I., et al. Value of religion in assessment of the religious population of Belarus (based on the research data 2012–2016). *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016. No. 3. P. 82–88 (in Russ.).
4. Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I. [Characteristics of involvement of the people of Belarus in to religion: the worldview dimension]. *Vestnik PSTGU. Ser. 1, Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2017. No. 70. P. 85–109. DOI:10.15382/sturI201770.85-109 (in Russ.).
5. Hill P. C., Hood R. W. (Jr.) Measures of Religiosity. Birmingham ; Alabama, 1999.
6. Lyubimova A. I. Theories of religious conversion and new religious movements in Russia. *Vestnik RHGA*. 2009. Vol. 10, No. 1. P. 70–74 (in Russ.).
7. Lofland J., Stark R. Becoming a World-saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *Am. Sociol. Rev.* 1965. Vol. 30, No. 6. P. 862–875.
8. Rambo L. R. Understanding Religious Conversion. New Haven (CT), 1993.
9. Batson C. D., Schoenrade P., Ventis W. L. Religion and the Individual: a Social-Psychological Perspective. New York, 1993.

10. Campbell J. [The hero with a thousand faces]. Moscow ; Kiev, 1997 (in Russ.).
11. Hennep A. [Rites of passage]. Moscow, 1999 (in Russ.).
12. Altruism. In: F. V. Konstantinov (ed.). *Filosofskaya enciklopediya* : in 5 vol. Moscow, 1960. Vol. 1. P. 46–47 (in Russ.).
13. Ilyin E. P. [Psychology of assistance. Altruism, egoism, empathy]. Saint Petersburg, 2013 (in Russ.).
14. Kont-Sponville A. [Philosophic dictionary]. Moscow, 2012 (in Russ.).
15. Bar-Tal D. [Halping behaviour]. [*Psychological encyclopedia*]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/770/помогающее (date of access: 20.06.2017) (in Russ.).
16. [Altruistic behaviour]. [*Biological encyclopedic dictionary*]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/162/альтруистическое (date of access: 20.06.2017) (in Russ.).
17. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. [Modern psychological dictionary]. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
18. Tatarenko O. V. [Motivational components of charitable activity of a subject] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.01. Moscow, 2006 (in Russ.).
19. Reber A. [Unabridged definition psychologic dictionary] : in 2 vol. Moscow, 2000 (in Russ.).
20. Maers D. [Social psychology]. 7th ed. Saint Petersburg, 2010 (in Russ.).
21. Karassyova S. G., Shkurova E. V. Religiosity features of the population in Belarus: world-vier dimension (according to the study of 2012–2015). *Sotsiologiya*. 2016. No. 4. P. 81–94 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.06.2017.
Received by editorial board 27.06.2017.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

GENERAL PSYCHOLOGY

УДК 316.627

ВРЕМЯ В ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОГО КАК ПРОЦЕССА С. Л. РУБИНШТЕЙНА

В. А. ПОЛИКАРПОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена теория психического как процесса, разработанная С. Л. Рубинштейном и являющаяся методологической базой современной психологии, а также ее развитие российским психологом А. В. Брушлинским. Выделена специфика теории, определяемая центральной категорией «процесс» и своеобразным решением проблемы детерминизма. Предложен оригинальный подход к решению проблемы природы времени. Обнаруживается зримый образ времени в динамике взаимодействия процесса и его результата. Формулируется, что все вновь возникающие детерминанты, которые влияют на процесс, делают его необратимым, непредсказуемым, однонаправленным, есть время, выступающее как некий общий принцип самодетерминации всех мировых процессов. Делается вывод о том, что преобразование времени в фундаментальные механизмы причинности, взаимовлияния процесса и порождаемые им результаты, часто переводящие его в другое качество, обуславливает динамическую, реляционную концепцию времени.

Ключевые слова: время; процесс; детерминизм; недизъюнктивность; интериоризация; психология развития; теория психического как процесса; афферентация.

TIME IN THE THEORY OF THE PSYCHIC AS A PROCESS S. L. RUBINSTEIN

V. A. POLIKARPOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The theory of the psychic as a process is considered. Rubinstein, as a methodological basis of modern psychology, its development by the Russian psychologist A. V. Brushlinsky. The specificity of the theory, defined by the central category «process» and a unique solution to the problem of determinism, is singled out. An original approach to solving the problem

Образец цитирования:

Поликарпов В. А. Время в теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 76–78.

For citation:

Polikarpov V. A. Time in the theory of the psychic as a process S. L. Rubinstein. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 76–78 (in Russ.).

Автор:

Владимир Алексеевич Поликарпов – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Vladimir A. Polikarpov, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
polikarpoff2@yandex.ru

of the nature of time is proposed. The visible image of time is in the dynamics of interaction of the process and its result. All the newly emerging determinants that influence the process, making it irreversible, unpredictable, unidirectional, is time acting as a general principle of self-determination of all world processes. Reduction of time to the fundamental mechanisms of causality, to the mechanisms of interaction between the process and the results generated by it, often translating it into another quality, we get a dynamic, relational concept of time.

Key words: time; process; determinism; nondisjunctivity; interiorization; developmental psychology; theory of the psyche as a process; afferentation.

В отечественной науке существуют оригинальные, но до сих пор почти не востребованные подходы к решению проблемы времени. К ним относится теория психического как процесса, разработанная российским психологом и философом, основателем одной из самых плодотворных научных психологических школ Сергеем Леонидовичем Рубинштейном. Интересующий нас подход имплицитно содержится в теории детерминизма применительно к психическим феноменам, из чего следует, что целесообразно изложить ее на материале психологии. В статье во многом используются разработки и инновации одного из учеников и последователей С. Л. Рубинштейна А. В. Брушлинского [1; 2].

Проблему детерминизма А. В. Брушлинский рассматривает в аспекте психологии развития. Исследователь полагает, что философско-психологическая концепция психического как процесса создает необходимые методологические предпосылки прежде всего для изучения преемственности, непрерывности, недизъюнктивности (по авторской терминологии), которые характеризуют возникновение психического в ходе онтогенеза. Такая непрерывность отчетливо выступает при сопоставлении указанной концепции с наиболее распространенной в отечественной психологии теорией интериоризации.

Первый вариант психологической теории интериоризации был разработан Пьером Жанэ, который рассматривал мыслительный акт как интериоризованный (практическое, или внешнее действие, которое перешло во внутренний план сознания). В настоящее время одна из наиболее последовательных теорий такой интериоризации неизбежно приводит к выводу о том, что психическое порождается практической деятельностью по мере перехода внешних действий на внутренний план. Как отмечал А. Н. Леонтьев, основное ядро рассматриваемой теории можно кратко выразить следующими словами: «Само психическое отражение, сознание порождается предметной деятельностью субъекта» [3]. Иначе говоря, психическое возникает в результате интериоризации внешней деятельности, т. е. психические процессы – это преобразованные и перенесенные в идеальный план внешние материальные действия субъекта.

С точки зрения А. В. Брушлинского, в теории интериоризации появляется непреодолимая трудность, вызванная неизбежным нарушением преемственности. Если психическое действительно порождается предметной деятельностью, значит

изначально в действиях нет вообще никаких, даже простейших психических компонентов, которые бы участвовали в регуляции психики. Следовательно, «допсихическая» и «непсихическая» деятельность порождает психическое. Такое противоречие вызывает разрыв в преемственности психического и является неразрешимым, поскольку любая деятельность и любые, даже элементарные практические действия должны всегда иметь в своем составе хотя бы простейшие психические явления, которыми они будут регулироваться, афферентироваться и управляться.

Из вышесказанного следует, что интериоризация – не возникновение психики, а одна из ступеней ее поступательного развития. Так, на первой стадии интеллектуального развития ребенок решает арифметические задачи во внешнем плане (с помощью палочек, пальцев и т. д.) и только на следующей стадии переходит к счету в уме. Подобные факты, по мнению А. В. Брушлинского, подчеркивают очевидность аспекта преемственности, недизъюнктивности в возникновении психического.

Рассматриваемый аспект может быть восстановлен и раскрыт лишь на основе методологического принципа детерминизма, сформулированного С. Л. Рубинштейном, согласно которому внешние причины действуют только через внутренние условия. Кратко этот принцип иногда формулируют так: «внешнее через внутреннее». Данная формулировка противоречит постулату интериоризации: сначала имеется только внешнее и лишь потом появляется внутреннее. Иначе говоря, преемственность в возникновении психического обеспечивается не только специфическими исходными, первичными и внешними воздействиями на индивида, но и соответствующими им внутренними условиями.

По теории С. Л. Рубинштейна психическое объективно существует прежде всего как процесс, регулирующий деятельность индивида, именно в этом качестве оно составляет предмет психологической науки. Данный процесс не просто функционирует, он развивается, т. е. на определенных его стадиях возникают качественные новообразования, которые существенно и необратимо влияют на последующие стадии функционирования. Подчеркнем, что для любой фундаментальной науки ее предмет объективно выступает как процесс (физический, биологический, логический и т. д.).

Теория психического как процесса актуализирует органическую взаимосвязь самого процесса с его продуктами, т. е. с теми образованиями, которые

возникают на предыдущих стадиях и становятся необходимыми внутренними условиями для возникновения последующих. Безотносительно к тому образованию, которое формируется в психическом процессе, нельзя выделить его специфическое отличие от других психических процессов. Более того, психические образования и продукты не существуют сами по себе, вне соответствующего процесса. Положение о психическом как недизъюнктивном процессе означает, что только в процессе (а не до его начала) создаются необходимые детерминанты его протекания. Лишь некоторые из них (например, самые первые внешние воздействия и наследственные задатки) предшествуют возникновению процесса и затем изменяются в нем. Иначе говоря, сама детерминация выступает как процесс, т. е. то, что образуется и формируется постепенно, а не изначально готово и предопределено.

В ходе непрерывного и изменяющегося взаимодействия внешнего с внутренним возникают новые, ранее не существовавшие продукты, средства и способы осуществления процесса, а также другие детерминанты, которые сразу же включаются в дальнейшее протекание процесса как его новые внутренние условия. Только в ходе такого процесса создаются продукты, без которых дальнейшее протекание процесса уже невозможно. Эта неразрывная взаимосвязь процесса и продукта характеризует психическую регуляцию любого человеческого действия и поступка.

Познавая и преобразуя окружающую действительность, человек видоизменяет и себя самого. Природу человека С. Л. Рубинштейн квалифицирует как продукт истории. Этот постулат преодолевает дуализм биологического и социального и относится к взаимосвязи процесса и его продукта в ходе психического развития. Наиболее значительные результаты деятельности человека воплощаются не только в созданных им объектах, но и в самой личности. На такой основе происходит психическое развитие, т. е. развитие характера и способностей человека, которые выступают одновременно и как продукт предшествующей деятельности, и как внутреннее условие последующей, более сложной деятельности. В этом состоит преемственность, непрерывность и самодетерминация психического.

Сказанное выше создает зримый образ времени, который заключается в динамике взаимодействия процесса и его результата. Конечное состояние системы не задано, в процессе ее формирования, непрерывного самодвижения появляются новые детерминанты, которые отклоняют развитие системы от тенденций, казавшихся изначально неизменными. Помимо прочего, появление новых детерминант делает весь процесс необратимым. Будущее всегда остается неопределенным, это и есть смысловой стержень концепции. Когда завтра наступит, в ретроспективе индивиду начинает казаться, что событие соответствует чему-то замыслу. Это хорошо видно на материале психологии конфликта: никто не хочет слишком драматического исхода. Если же происходит эскалация конфликта, все в результате заканчивается катастрофой (семья распадается, сотрудники не могут вместе работать, рушатся союзнические отношения между народами). После события начинается поиск виновного, по плану которого произошел конфликт. Это вызвано стремлением придать смысл событию: ссора произошла не по желанию одного из ее участников, следовательно, это результат деятельности стороннего. Для человека оказывается сложным поверить в то, что «так оно само получилось». Из конфликтологии известно, что если не превращать конфликт в событие, а отнести к нему как к процессу, чему-то продолжающему меняться, то его проще преодолеть.

Все вновь возникающие детерминанты, которые влияют на процесс и делают его необратимым, непредсказуемым, однонаправленным и есть время, выступающее как некий общий принцип самодетерминации всех мировых процессов. Преобразовав время в фундаментальные механизмы причинности, взаимовлияния процесса и порождаемые им результаты, часто переводящие его в другое качество, мы получаем динамическую, реляционную концепцию времени. Особенностью такой концепции является то, что в ней нет линейной непрерывности времени: настоящее не возникает из прошлого, а будущее из настоящего. Если бы настоящее и будущее не разделяла граница, настоящее длилось бы вечно. При этом единство мира достигается недизъюнктивностью самого процесса.

Библиографические ссылки

1. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
2. Время как фактор изменений личности : сб. науч. тр. / под ред. А. В. Брушлинского, В. А. Поликарпова. Минск, 2003.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

References

1. Brushlinskii A. V. [Thinking and forecasting]. Moscow, 1979 (in Russ.).
2. Brushlinskii A. V., Polikarpov V. A. (eds). [Time as a factor in personality changes] : sb. nauch. tr. Minsk, 2003 (in Russ.).
3. Leont'ev A. N. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, 1975 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.04.2017.
Received by editorial board 17.04.2017.

УДК 659.13:159.9

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ

Л. А. ВАЙНШТЕЙН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Проведен анализ основных направлений рекламы. Выделены две наиболее существенные традиции в рекламе: первая (немецкая) основана на экспериментальных психологических работах по изучению закономерностей переработки информации, вторая (американская) базируется на идеях маркетинга и связана с потребностями людей. Показано развитие этих традиций в настоящее время, а также тенденции к их сближению. Установлена роль различных психологических факторов влияния визуальной информации на потребителя, которые основываются на внимании, восприятии, памяти, мышлении, убеждениях, потребностях, действиях, аттитюде, принятии решения. Дан анализ основных информационных моделей визуального воздействия информации на человека: *AIDA*, *AIMDA*, *ACCA*, *DIBABA*, *DAGMAR*, аттитюда, а также теорема базиса отсчета. Описаны психические процессы влияния рекламного воздействия на потребителя. Изложены данные сравнительного анализа эффективности различных информационных моделей, используемых в рекламе.

Ключевые слова: визуальная реклама; информационные факторы; психология влияния; потребитель.

INFORMATION PSYCHOLOGICAL FACTORS THE IMPACT OF VISUAL ADVERTISING ON CONSUMER

L. A. VAINSHTEIN^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
Broŭki Street, 6, 220013, Minsk, Belarus

The analysis of the main areas of advertising. Highlighted two main traditions in advertising. The first (German) based on the experimental psychological work of studying laws of information processing. The second (American) is based on the ideas of marketing and is based on the needs of the people. Shows the development of these traditions in the present and the trends towards convergence. The role of various psychological factors of the influence of visual information on consumers based on: attention, perception, memory, thinking, beliefs, needs, actions, attitude, and decision-making. The analysis of basic information models the visual impact of the information on the person: *AIDA*, *AIMDA*, *ACCA*, *DIBABA*, *DAGMAR*, attitude, basis of reference. Described the mental processes of the influence of advertising exposure on the consumer. Set out a comparative analysis of the effectiveness of various information models used in advertising.

Key words: visual advertising; information factors; psychology of influence; consumer.

В настоящее время реклама широко используется для влияния на поведение потребителей. Из всего многообразия видов рекламы доминирует тот, в ко-

тором предоставляется различная визуальная информация по разнообразной продукции. Все шире при этом используется интернет-реклама [1; 2].

Образец цитирования:

Вайнштейн Л. А. Информационные факторы психологического влияния визуальной рекламы на потребителя // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 79–85.

For citation:

Vainshtein L. A. Information psychological factors the impact of visual advertising on consumer. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 79–85 (in Russ.).

Автор:

Лев Абрамович Вайнштейн – кандидат психологических наук, доцент; старший научный сотрудник, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики факультета компьютерного проектирования.

Author:

Lev A. Vainshtein, PhD (psychology), docent; senior researcher, professor at the department of human engineering and ergonomics, faculty of computer-aided design. vainshteinl@mail.ru

Исторический анализ позволяет выделить две традиции в развитии рекламы [2–4]. Первая традиция возникла на основе экспериментальных работ в области психических процессов в рекламе и в качестве основного рассматривала фактор социального воздействия с учетом закономерностей переработки информации. Она возникла в США во второй половине XX в., в рамках статьи будем называть ее американской. Вторая традиция базируется на идеях маркетинга и основывается на потребностях людей в процессе их «опредмечивания» рекламой. Наибольшего расцвета она достигла в первой половине XX в. в Германии, условно назовем ее немецкой.

Наибольшего успеха достигли немецкие ученые, это объясняется их лидированием в области психологического эксперимента, который уже тогда стал основным методом изучения рекламы. Основоположником немецкой традиции считается Б. Витис, который в 1905 г. обосновывал возможность психического воздействия рекламы на человека. Ученый попытался объяснить, почему, несмотря на то, что публика теоретически прекрасно понимает корыстные интересы и цели рекламы и в силу уже имеющегося опыта относится ко всем обещаниям недоверчиво и скептически, реклама оказывает на адресатов определяющее влияние. Это явление получило название «интеллектуальная рецепция», которая, полагал Б. Витис, может влиять на человеческое поведение определяющим образом и даже противодействовать мышлению в тех случаях, когда услышанное слово, сообщение, воззрение действуют и оказывают часто бессознательное влияние на поведение [5]. Победит чужое или собственное представление в борьбе мотивов зависит только от живости этих представлений, т. к. воля подчиняется наиболее сильному импульсу, безразлично чужому или своему, а разум часто оказывается бессильным этому противодействовать.

Интеллектуальная рецепция подкрепляется средствами, воздействующими на человеческие органы чувств и вызывающими соответствующие представления о достоинствах фирмы или доброкачественности товаров, что, ассоциируясь с яркими ощущениями, закрепляется в памяти.

Дальнейшее развитие немецкой традиции пошло по линии экспериментальной психологии [6; 7]. Прежде всего исследовались психические процессы: ощущение, восприятие, внимание, память, мышление, эмоции и др. Тем не менее главная тенденция – изучение воздействия рекламы на волю и поведение потребителя – сохранилась.

Идеи, положенные в основу маркетинга и американской традиции, формировались в течение достаточно длительного времени. Профессор Т. Кениг, обсуждая вопросы национальной специфики деятельности рекламистов, пишет, что особенно хорошо американский рекламист умеет почувство-

вать точку зрения предполагаемого покупателя и, ориентируясь на нее, подчеркнуть те стороны товаров, которые для данного клиента особенно важны [5].

Соблюдение фирмами принципов маркетинга ослабляет идею воздействовать на волю покупателя с целью искусственного создания потребностей в товарах, которые объективно ему не нужны. Так, по мнению Ф. Котлера, маркетинг нельзя отождествлять только со стимулированием сбыта, поскольку это лишь одна из многих его функций. Маркетинг не делает ставку на рекламу и, соответственно, на психологию, управляющую волей человека [8]. Ученый утверждает, что если деятель рынка хорошо проработал такие разделы маркетинга, как выявление потребительских нужд, разработка подходящих товаров, установление на них соответствующей цены и налаживание системы их распределения и эффективного стимулирования, то такие товары наверняка будут легко реализовываться.

Другой известный специалист в области управления маркетингом П. Друкер целью маркетинга называет познание и понимание клиента таким образом, чтобы товар или услуга точно подходили потребителю и продавали себя сами [9]. В этом случае психология занимается изучением психологических факторов и соответствующих характеристик потенциального потребителя, которые используются в рекламной практике.

В условиях маркетинга реклама фирмы борется с конкурентами, пытаясь продвинуть товар и выделить его из числа аналогичных, а также привлечь внимание к себе и воздействовать на потребителя. Отличительной характеристикой перехода рекламы от одного этапа развития психологии (немецкая традиция) к другому – современному состоянию (американская традиция) является изменение ее задач: воздействие на волю клиента и искусственное создание потребности сменилось воздействием на мотивацию выбора.

Современная рекламная деятельность существенно отличается от рекламы прошлого ввиду того, что появились новые средства массовой информации и коммуникации, полиграфическое оборудование и т. д. Все это приводит к возникновению новых психологических проблем и, соответственно, требует совершенствования теории, описывающей закономерности восприятия рекламы человеком.

В начале века основной задачей психологов, занимающихся проблемами рекламы, явилось обеспечение средствами науки процесса реализации товаров и услуг, то есть наука становилась на сторону рекламодателей. Большинство исследователей считало, что, изучая психические процессы и используя методы психологического воздействия, можно влиять на волю покупателя и искусственно стимулировать возникновение потребностей

в рекламируемых товарах. В дальнейшем, преимущественно в странах с мощной рыночной экономикой (прежде всего в США), начался качественно новый этап развития рекламы, вызванный переходом экономики к новому типу рынка – «рынку покупателя», который характеризуется преобладанием предложения над спросом, что дает потребителю возможность выбора, при этом резко обостряется проблема сбыта. Этот этап характеризуется интенсивным внедрением в маркетинг установки производить то, что продается, а не продавать то, что производится [3; 9; 10].

Новые тенденции в экономике были подкреплены массовым социальным движением потребителей, получившим название «консюмеризм». Следствием этого движения стало появление многочисленных государственных законов и общественных организаций, которые регулируют рекламную деятельность, ограничивают тенденцию к психологическому манипулированию в рекламе и защищают потребителя от недобросовестной рекламы.

Сегодня, чтобы оценить роль рекламы в обществе, необходимо учитывать всю совокупность значимых факторов, которые влияют на жизнь, сознание и поведение человека, при этом важно не вырывать феномен рекламы из сложного социально-экономического контекста. В психологии рекламы появляются новые тенденции. Психологи отказываются от идеи искусственного создания потребностей и основное внимание начинают уделять процессам потребительского выбора и принятия решений.

Помимо традиционной рекламы в развивающемся на основе маркетинга бизнесе стали широко применяться новые направления, получившие название «маркетинговые коммуникации». В настоящее время заметна тенденция превращения психологии рекламы в новое направление – психологию маркетинговых коммуникаций.

Любой рекламодатель стремится к расширению круга клиентов. Психологические тесты и традиционная технология массового психологического тестирования еще не позволяют ответить на вопрос: сколько именно потенциальных потребителей с теми или иными характеристиками может оказаться на определенном рынке продукции? Становится очевидным, что психология рекламы должна изучать психологические особенности не только потребителя, но и рекламиста, который способен, в силу ряда причин (субъективизма, проекции и др.), допустить серьезные ошибки, приводящие к непониманию и отрицанию рекламного воздействия. Таким образом, рекламная деятель-

ность на сегодняшний день все чаще рассматривается как форма диалоговых отношений, отмечается и важность обратной связи, взаимопонимания.

С учетом сказанного можно определить новую основную психологическую задачу рекламы – изучение психических процессов в условиях взаимодействия рекламиста и потребителя с целью эффективного удовлетворения нужд и запросов последнего.

Таким образом, появление новых направлений в психологии рекламы обостряет необходимость изучения проблемы соотношения рекламных воздействий и механизмов активного поведения людей. Очевидно, что поведение человека вследствие воздействия может стать реактивным, но в то же время оно может быть вызвано и внутренними переменными (потребностями, мотивами, планами и т. д.).

Мнения различных специалистов по вопросу поведения потребителей неоднозначны. На существование прямой связи между рекламой и поведением указывают Т. Кениг, М. Баух, а затем К. Фридлендер, К. Марбе, М. А. Мануйлов¹ и др. Так, К. Марбе считал, что реклама – это «процессы и состояния физического мира», которые способны влиять на сознание. Следовательно, психология рекламы должна изучать отражение этих процессов в сознании людей [11]. Интересен тот факт, что исследователями в качестве одного из психологических механизмов воздействия рекламы называлось внушение. А в последние годы под воздействием идей маркетинга все большее количество ученых настаивает на том, что основным фактором экономического поведения потребителей и, следовательно, влияющим на восприятие рекламы, следует считать фактор потребностей человека [2; 3]. Главными механизмами, по их мнению, являются внушение, а опредмечивание потребностей, убеждение и сравнение, а также управление выбором. Такой фактор экономического поведения, как непосредственное внушающее воздействие, обладает лишь временным, неустойчивым эффектом. Одной из причин этого является недоучет или игнорирование мыслей тех людей, к которым обращается реклама, а также неиспользование данных науки, занимающейся познанием и определением законов мышления человека, то есть психологии.

В настоящее время многие психологи, изучая современную рекламу, выдвигают в качестве основы анализ психических процессов потребителя [1; 12; 13]. Они считают, что реклама выступает в качестве тех процессов и состояний физического мира, которые способны влиять на сознание человека. В связи с этим психология рекламы долж-

¹Кениг Т. Психология рекламы: ее современное состояние и практическое значение. 2-е изд. / пер. с нем. С. В. Кравкова. М., 1925; Фридлендер К. Т. Путь к покупателю (теория и практика рекламного дела). М. ; Л., 1925; Marbe K. Theorei der kinematographischen Projektionen. Leipzig, 1910; Мануйлов М. А. Психология рекламы. М., 2005.

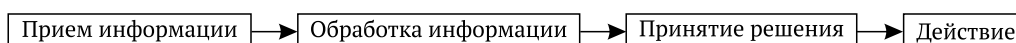
на изучать отражение этих процессов в сознании людей.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что все больше возрастает роль психологических знаний в рекламной деятельности, которая, несмотря на имеющиеся традиции и широкое применение различной рекламы, в настоящее время еще часто несовершенна из-за игнорирования или неучета психологических факторов. В результате у людей не всегда формируются правильные установки, что снижает эффективность применения рекламы. Человек видит, но не воспринимает представленную рекламную информацию, особенно отображенную в электронном формате на сайте. Причинами в этом случае могут быть, во-первых, неудачный дизайн сайта, не учитывающий требо-

вания эргономики, во-вторых, неудобство его использования, вызванное теми же причинами.

Проведем анализ различных направлений психологических исследований, которые были выполнены с целью изучения структуры психологического воздействия на человека визуальной информации. Это направление получило большое распространение, в том числе в психологии рекламы, и широко используется как в западной, так и в российской практике [1; 2; 14; 15].

Представление визуальной информации основано на базовых психологических законах информационной деятельности человека (см. рисунок), в связи с чем они широко могут применяться в рекламе для психологического визуального воздействия [16].

Структура информационной деятельности человека
Structure of human information activities

Рассмотрим основные информационные модели процессов визуального воздействия информации на человека [10; 14; 17]. Еще в конце XIX в. делались попытки разработать некую обобщенную теоретическую модель, описывающую наиболее эффективную структуру информационного воздействия.

Одной из первых появилась модель, основанная на формуле *AIDA*, которая была предложена Э. Левисом в 1896 г. Автор считал, что воздействие информации всегда начинается с привлечения внимания (англ. *attention*), затем она должна вызвать интерес (англ. *interest*), потом желание (англ. *desire*) и после этого, как правило, возникает активизация деятельности (англ. *activity*) [7].

Позже в формулу был внесен еще один элемент – мотив (англ. *motive*), в связи с чем формула приобрела окончательный вид и стала называться *AIMDA*, где *A* – внимание, *I* – интерес, *M* – мотив, *D* – желание, *A* – активизация деятельности [7].

Однако в этой теоретической модели до конца не было установлено то, каким образом взаимодействуют между собой ее элементы. Например, не ясно, как, начинаясь с привлечения внимания, информационное воздействие на человека заканчивается его исполнительской деятельностью. Очевидно, что возможность приобретения человеком какого-либо товара не является прямым следствием привлечения внимания, несмотря на то, что данная формула и некоторые специалисты ошибочно предполагают обратное. Между привлечением внимания и поступком существует сложная цепь причинно-следственных связей, определяемых немалым количеством факторов. Кроме того в данную формулу не попали такие важные (по практическому опыту) переменные, как потреб-

ности и мотивы человека, память, эмоции, ассоциативное мышление, социально-психологические установки и др., которые играют очень важную роль в процессе принятия решения под воздействием воспринимаемой информации.

В настоящее время накоплен большой опыт применения теоретической модели с использованием формулы *AIMDA*, хотя она и подвергается критике многих специалистов [2; 3].

Несколько позже была предложена формула *ACCA*, которая характеризуется тем, что сводит эффект информационного воздействия к определению аудитории, прошедшей через один из четырех этапов потребительского поведения: внимание (англ. *attention*), восприятие аргументов (англ. *comprehension*), убеждение (англ. *conviction*) и действие (англ. *action*) [10; 17].

Одним из основных элементов психологического воздействия в данной модели является убеждение. Известно, что убеждение – действенный механизм воздействия на стратегию и мышление человека. В то же время особенность данной модели заключается в недооценке роли потребностей человека в структуре информационного визуального воздействия: человека нельзя убедить или заставить захотеть, делать то, в чем у него изначально нет объективной нужды и потребности. Очевидное достоинство данной формулы заключается во внимательном отношении к процессу мышления. При разработке информационных средств на основе этой формулы делается акцент на мышление работника, его осознанном поведении в условиях производственных рисков.

На основе дальнейших исследований Г. Гольдманом была предложена формула *DIBABA* [10; 15; 17], которая представляет собой аббревиатуру

немецких названий этапов процесса принятия решения человеком: 1) определение потребностей и желаний потенциальных потребителей; 2) отождествление потребительских нужд с предложением рекламы; 3) направление потребителя на необходимые выводы о действиях, которые ассоциируются с его потребностями; 4) учет предполагаемой реакции потребителя; 5) вызов у потребителя желания действовать; 6) создание благоприятной для действия обстановки.

Преимуществом данной модели является: ориентация на потребности в информации человека; понимание роли процесса принятия решений, сравнения, осознанного выбора в той или иной ситуации; использование законов мышления; введение в модель механизма принятия решения и «обратной связи»; понимание роли эмоций и позитивного отношения человека к рекламе.

Новый этап в разработке психологической структуры информационного воздействия в виде краткой формулы был продолжен американским рекламистом Р. Колли, который предложил модель DAGMAR [10; 17]. Несмотря на то, что данная формула изначально применялась к рекламе продукции с целью повышения продаж, она, как показала практика, может применяться и в других случаях визуального информационного воздействия на человека [10]. Формула образуется из начальных букв английской фразы: *Defining advertising goals – measuring advertising results* (определение рекламных целей – измерение результатов рекламы). Согласно этой модели акт покупки проходит четыре фазы: 1) узнавание марки товара; 2) ассимиляция – осведомление адресата о качестве товара; 3) убеждение – психологическое предрасположение к покупке; 4) действие – совершение покупки адресатом рекламы.

Эффект рекламы определяется приростом числа покупателей на каждой из указанных фаз. Отличие модели DAGMAR от подходов, которые ориентированы на действия, заключается в исходной посылке: совершение действия определяется всеми основными элементами комплекса маркетинга.

В последнее время в качестве концепции психологического воздействия информации на человека все чаще используется модель социально-психологической установки, или аттитюда (англ. *attitude*) [1; 2]. Данная модель предполагает, что в процессе информационного воздействия у субъекта возникает готовность к действию, которая имеет сложную многокомпонентную структуру. Выделяют следующие компоненты: *познавательный* (когнитивный), *эмоциональный* (аффективный), *поведенческий* (конативный). При информационном воздействии у субъекта возникает готовность к действию, которая имеет сложную многокомпонентную структуру.

Предполагается, что социально-психологическая установка оказывается эффективной для поведения, если между ее отдельными компонентами нет существенных противоречий: когда один из них преобладает, происходит ослабление воздействия получаемой установки и снижение степени ее влияния на поведение человека. Достоинством данного подхода можно считать то, что, используя систему психологических понятий, можно подвергнуть научному анализу максимальное количество участвующих в этом подходе психических процессов. Предполагается анализ следующих процессов переработки информации:

1) когнитивный компонент – анализ восприятия, внимания, памяти, принятия решений, прогнозирования, планирования, мышления;

2) аффективный – анализ эмоциональных состояний, отношений и др.;

3) конативный – анализ поступков, неосознаваемых факторов, влияющих на эти поступки и т. д.

Однако в направлении, развиваемом только на основе аттитюды, не учитывается определяющая роль объективных потребностей человека как основного фактора поведения.

В последнее время в психологии личности в качестве объяснительного принципа стали чаще использовать модели, в основу которых положены ситуативные факторы поведения потребителей, одной из таких моделей является теория «базиса отсчета» М. Шерифа и К. В. Шериф [18, р. 287–296]. По нашему мнению, данная концепция хорошо учитывает поведение потребителей в зависимости от возникающих ситуаций.

Традиционные психологические теории, исследующие мотивацию и поведение людей, основываются на абстрактных понятиях. Так, существует мнение, что у человека есть некоторая потребность, и он действует в соответствии с ней. Специфика теории базиса отсчета состоит в том, что она рассматривает поведение человека в максимально конкретных условиях в данный момент времени. Такое поведение возникает из психологического настроя, который может быть схематизирован. Иначе говоря, оно представляет собой приказ индивиду на обработку конкретного комплекса раздражителей, определяющих его поведение. Однако в этом случае иногда сложно со стороны предсказать или объяснить причины конкретного поступка человека. Примером может послужить случай, в котором один человек в процессе покупки руководствуется преимущественно ценой, а другой – качеством изделия, особенно ярко это проявляется в приобретении технически сложных изделий длительного пользования.

Объяснить это можно следующими особенностями. Факторы, определяющие психологический настрой в любой момент времени, могут различаться

и делятся на внешние и внутренние. К *внешним* относятся люди, погодные условия, технологии и др., а к *внутренним* – то, что происходит в этот момент времени внутри человека, это могут быть потребности, мотивы, воспоминания, отношение к чему-либо, состояние здоровья и т. д. Каждый человек, в соответствии с теорией базиса отсчета, постоянно, сознательно или бессознательно, выбирает некоторые из каких-либо внутренних и внешних факторов и при этом игнорирует остальные. Способность к отсеиванию каких-либо факторов периодически может изменяться. С течением времени селективность человека начинает превращаться в определенную схему, он приобретает склонность отдавать предпочтение одним вещам в противовес другим, возникают так называемые «якоря» (как аналог психологической установки). Это происходит по той причине, что человек от природы способен схематизировать опыт, что объясняется его желанием избежать информационной перегрузки [16; 19].

Тем не менее в большинстве случаев стимулов оказывается настолько много и они так разнообразны, что схематизация и стабилизация может не наступить. Часто это наблюдается, когда человеку сложно прийти к какому-то однозначному решению, т. е. сделать выбор. Так, в ряде случаев человек думает, что сделать выбор должен не он, а продавец, реализующий товар. В результате покупатель забывает, что, приобретая не тот товар, в качестве пострадавшего оказывается он сам. Здесь информация, предлагая четкую рекомендацию, наводит порядок в нестабильном поле значимых и часто противоречивых факторов. Именно этим продавцу и удастся выгодно воздействовать на поведение человека, нередко вынуждая его принимать нужное решение.

Однако реакция человека зависит в основном от того, насколько схематизация, заданная разра-

ботчиком рекламы, соответствует представлениям человека как покупателя. Когда внешний раздражитель структурно оформлен достаточно четко, влияние внутренних факторов (например способность видеть только то, что хочется) ослабляется.

Теоретические разработки в области психологии информационного воздействия в настоящее время позволяют определить формальные границы, в пределах которых эта деятельность оказывается эффективной. Они помогают, что самое главное, ответить на вопрос: что происходит с человеком, когда под воздействием определенной информации он принимает решение о конкретном действии в той или иной ситуации? Эффективность такого подхода, например, была выявлена в работах по повышению безопасности труда [20].

Как показывает практика, при принятии решений человек обнаруживает огромное количество факторов, которые дают ему право действовать осознанно и не превращают его в пассивное существо, полностью зависимое от внешних, часто неопределенных условий. Знания различных моделей сложных психологических процессов позволяет объяснять поведение потребителя в конкретных условиях. В противном случае возникают проблемы во взаимопонимании между разработчиками рекламы и потребителями, появляются ситуации, препятствующие получению достижений механизмов информационного воздействия. В результате затраченные финансовые средства на разработку визуальной информации используются формально и неэффективно, принося вместо прибыли убытки.

Таким образом, знание механизмов психологического воздействия визуальной информации позволяет с научным обоснованием использовать различные подходы в разработке рекламы для повышения ее эффективности.

Библиографические ссылки

1. Журавлев А. Л., Шорохова Е. В. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М., 1998.
2. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. 2-е изд. СПб., 2007.
3. Батра Р., Майерс Дж. Дж., Аакер Д. М. Рекламный менеджмент. 5-е изд. / пер. с англ. М. ; СПб. ; Киев, 2004.
4. Уэллс У., Бернет Д., Мориарти С. Реклама. Принципы и практика / пер. с англ. М. Артюхова. СПб., 1999.
5. Кениг Т. Психология рекламы: ее современное состояние и практическое значение : пер. с нем. М., 1925.
6. Лебедев А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М., 1995.
7. Фридлендер К. Т. Путь к покупателю (теория и практика рекламного дела). М. ; Л., 1925.
8. Котлер Ф. Основы маркетинга / пер. с англ. В. В. Боброва. М., 1990.
9. Друкер П. Ф. Классические работы по менеджменту : пер. с англ. М., 2008.
10. Энджел Д. Ф., Блэкуэлл Р. Д., Миниард П. У. Поведение потребителей / пер. с англ. Т. Принцева. СПб., 1999.
11. Marbe K. Theorei der kinematographischen Projektionen. Leipzig, 1910.
12. Лебедев А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М., 1995.
13. Крылов И. В. Теория и практика рекламы в России. М., 2006.
14. Росситер Дж., Перси Л. Реклама и продвижение товара / пер. с англ. и общ. ред. Л. А. Волковой. СПб., 2000.
15. Музыкант В. Л. Реклама: международный опыт и российские традиции. М., 2006.
16. Вайнштейн Л. А. Психология восприятия. Минск, 2005.
17. Вайнштейн Л. А. Информационные модели психологического влияния рекламы на потребителя // BIG DATA and Advanced Analytics. BIG DATA и анализ высокого уровня : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3–4 мая 2017). Минск, 2017. С. 250–256.

18. Sherif M., Sherif C. W. Groups in Harmony and Tension. New York, 1953.
19. Вайнштейн Л. А. Эргономика. Минск, 2010.
20. Вайнштейн Л. А. Приемы влияния на поведение работников // Охрана труда и соц. защита. 2016. № 5. С. 70–75.

References

1. Zhuravlev A. L., Shorokhova E. V. [The socio-psychological dynamics in the face of economic changes]. Moscow, 1998 (in Russ.).
2. Lebedev-Lyubimov A. N. [The psychology of advertising]. 2nd ed. Saint Petersburg, 2007 (in Russ.).
3. Batra R., Myers J. J., Aaker D. M. [Advertising management]. 5th ed. Moscow ; Saint Petersburg ; Kiev, 2004 (in Russ.).
4. Wells W., Burnett J., Moriarty S. [Principles and practice]. Saint Petersburg, 1999 (in Russ.).
5. Kenig T. [The psychology of advertising: its current status and practical importance]. 2nd ed. Moscow, 1925 (in Russ.).
6. Lebedev A. N., Bokovikov A. K. [Experimental psychology in the Russian advertising]. Moscow, 1995 (in Russ.).
7. Friedlander K. T. [The path of the purchaser (the theory and practice of the advertising business)]. Moscow ; Leningrad, 1925 (in Russ.).
8. Kotler F. [Marketing basics]. Moscow, 1990 (in Russ.).
9. Drucker P. F. Classic works on management. Moscow, 2008 (in Russ.).
10. Engel D. F., Blackwell R. D., Miniard P. W. [Consumer behaviour]. Saint Petersburg, 1999 (in Russ.).
11. Marbe K. Theorei der kinematographischen Pojektionen. Leipzig, 1910 (in Ger.).
12. Lebedev A. N., Bokovikov A. K. [Experimental psychology in the Russian advertising]. Moscow, 1995 (in Russ.).
13. Krylov I. V. [Theory and practice of advertising in Russia]. Moscow, 2006 (in Russ.).
14. Rossiter J., Percy L. [Advertising and promotion]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
15. Muzykant V. L. [Advertising: international experience and Russian traditions]. Moscow, 2006 (in Russ.).
16. Vainshtein L. A. [The psychology of perception]. Minsk, 2005 (in Russ.).
17. Vainshtein L. A. [Information model of the psychological impact of advertising on consumer]. *BIG DATA and Advanced Analytics. BIG DATA analysis and high-level : papers of 3rd Int. Sci. Pract. Conf. (Minsk, 3–4 May 2017)*. Minsk, 2017. P. 250–256 (in Russ.).
18. Sherif M., Sherif C. W. Groups in Harmony and Tension. New York, 1953.
19. Vainshtein L. A. [Ergonomics]. Minsk, 2010 (in Russ.).
20. Vainshtein L. A. [Methods of influence on the behaviour of employees]. *Okhrana truda i sotsial'naya zashchita*. 2016. No. 5. P. 70–75 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.06.2017.
Received by editorial board 02.06.2017.

Психология личности

PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.922

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ, САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛОВ СОЗИДАНИЯ

Н. Д. ДЖИГА¹⁾

¹⁾БИП – Институт правоведения,
ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь

Сделано предположение о том, что в целях созидательной и самосозидательной деятельности преподавателя и студента важно создать условия для определения дальнейшего саморазвития обучающегося с использованием самореализации, собственных потенциальных возможностей и интеллектуальных ресурсов, повышающих не только эффективность деятельности, но и стремление преподавателя и студента к самореализации и конкурентоспособности при помощи средств образования. На основании проведенных ранее исследований утверждается, что созидание продуктивного субъекта образования зависит от самореализации и самосовершенствования, развития воображения, высокого творческого потенциала, умения решать нестандартные ситуации, взаимосвязи креативности и мотива приобретения знаний, направленности на общение и на дело, а также от управления – соуправления – самоуправления, ценностных ориентаций и синергии. Доказано, что для созидания важнейшими свойствами личности являются лидерские качества, а также конкурентоспособность, добродетельность, эмпатия, контактность и духовные способности.

Ключевые слова: созидательная и самосозидательная деятельность; преподаватель; студент; будущий специалист; самореализация; стремление и готовность студента к самореализации будущей созидательной деятельности; конкурентоспособность; созидательная продуктивность.

Образец цитирования:

Джиги Н. Д. Кластерный анализ конкурентоспособности, самосовершенствования и самореализации потенциалов созидания // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 86–91.

For citation:

Juha N. D. Cluster analysis of competitiveness, self-improvement and self-creation potential. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 86–91 (in Russ.).

Автор:

Надежда Дмитриевна Джига – доктор психологических наук; профессор кафедры психологии и педагогики экономико-правового факультета.

Author:

Nadzeja D. Juha, doctor of science (psychology); professor at the department of psychology and pedagogics, faculty of economics and law.
555osipova@mail.ru

CLUSTER ANALYSIS OF COMPETITIVENESS, SELF-IMPROVEMENT AND SELF-CREATION POTENTIAL

N. D. JUHA^a

^aBIP – Institute of Law, Karalia Street, 3, 220004, Minsk, Belarus

In this research, we make predictions that for creative and self-creative activity of the teacher and the student as a future specialist it is important to create conditions for the determination of further self-promotion and self-development of the student with the use of his own potential opportunities and intellectual resources, improving not only efficiency in the activity, but also the desire of the teacher and of the student to self-realization, competitiveness through education. Our main long-term studies, proven by factor analysis showed that the creation of a productive subject of education depends on the self-realization and self-improvement, development of imagination, high creativity, ability to solve non-standard situations, the correlation between creativity and the acquisition of the motive of knowledge management – co-management – self-management, focus on communication and work, values, synergy. It is proved that for the creation the most important qualities of the person's ability are to lead, to support, to empathize, to be sociable and intelligent.

Key words: creative and selfcreative activity; teacher; student; future specialist; self-realization; striving and readiness of the student for the self-realization in his future creative activity; competitiveness; creative activity.

Созидание в настоящей статье характеризуется как процесс становления продуктивного субъекта образования в преобразовательной деятельности разных уровней продуктивности. Данный процесс направлен на генерирование и воплощение нового или воспроизводство модифицированных социально значимых материальных и духовных продуктов в соответствии с социально-профессиональными нормами, направленностью творческой активности и конкурентоспособностью. Данные категории продуктивно актуализируют природные потенциалы в создаваемых деятельностных продуктах [1]. Помимо прочего, созидание – это взаимодействие субъект-субъектных отношений, отражающее полученный прогнозируемый результат [2]; одна из естественных форм реализации субъектом образования потребности в поиске самоутверждения и признания другими; направленность на достижение социально значимых целей [3]. Отличием этой категории является авторская преобразовательная деятельность направленность, сопряженная с актуализацией самореализации природных и творческих потенциалов. Созидание осознается субъектом образования и обеспечивается средствами самоорганизации, самообразования, личностно-профессионального самосовершенствования, конкурентоспособности, рефлексивной осознанной саморегуляции, самоконтроля и самоуправления в процессе образовательной созидательной деятельности, направленной на достижение результата, эффективности и продуктивности. Суть данной категории заключается в созидании социально значимых продуктов, свойств и духовной культуры у субъектов образования на уровне личности в инновационно-деятельностном преломлении с целью увидеть, услышать и предвидеть будущее самосозидание.

Деятельностный концепт созидания включает духовные продукты и духовные способности как акмеологические новообразования в свойствах

субъекта образования. Это такие результаты деятельности, как создание новых произведений, технологий, технических средств для прогресса на благо человечества во всех областях и только для социально значимых целей. Актуализация происходит при помощи учебных дисциплин в рамках конкретных специальностей и обеспечения продуктивного решения предстоящих задач в самостоятельной созидательной деятельности. Духовный продукт создается в результате акме-энергоинформационного взаимодействия субъектов образования и в процессе овладения учебными дисциплинами.

Основную функцию созидания как становления продуктивного субъекта образования в преобразовательной деятельности разных уровней выполняет триада *управление – соуправление – самоуправление*, которая порождает деятельность субъектов образования:

управление – это целенаправленное информационное взаимодействие между субъектом и объектом управления с целью их перевода из одного состояния в другое (из более низкого в более высокое) или компенсация различных возмущений, действующих на объект управления [1];

соуправление – это процесс организационно-управленческих отношений, обеспечивающих развитие созидательной деятельности путем соединения объекта и субъекта управления на основе добровольного делегирования полномочий, а также трансформация объекта в субъект созидательной деятельности. Соуправление развивает социальные навыки управления и создает оптимальные условия для творческой самоактуализации, роста профессионального и организаторского мастерства, реализации академических прав студента [4];

самоуправление – целенаправленная и систематическая работа над собой, обеспечивающая результат развития собственной личности, который отвечает общественным требованиям и личным

идеалам. Это сознательное стремление субъекта созидательной деятельности сохранять и развивать свою уникальность и индивидуальность [1; 4].

Проведенные нами ранее эмпирические и экспериментальные исследования, а также их факторный анализ подтверждает функцию созидания приведенной триады. В первом факторе – *зависимость созидания от самосовершенствования и самореализации*, который описывает 35,32 % дисперсии, выявляются способности к соуправлению (918) и самоуправлению (732). Четвертый фактор – *самоуправление созидательной деятельностью* описывает 5,62 % дисперсии и включает несколько переменных категорий: способность к самоуправлению (0,928), воплощение мотивационно-смыслового акме-ядра духовного продукта преподавателя в себе самом и созидание его в свойствах студентов (0,928), трудолюбие и ответственность (0,928), стремление к высокому признанию других, духовные способности [5] (0,920), созидание (0,873), способность вести за собой (0,432). Нами доказана корреляционная взаимосвязь созидания с управлением (0,59), соуправлением (0,61), самоуправлением (0,98). Способность к такому тройственному виду деятельности развивает конкурентоспособность субъекта образования, а следовательно его результативность и эффективность деятельности и общения [1].

Для исследования кластерного анализа конкурентоспособности, самосовершенствования и самореализации потенциалов созидания в настоящей статье была использована методика В. И. Андреева по определению уровня конкурентоспособности [6]. Она наиболее полно отражает все аспекты данного качества личности. Конкурентоспособность, по мнению исследователя, характеризуется посредством синтеза таких качеств, как четкость целей и ценностных ориентаций, трудолюбие, ответственность, творческое отношение к делу, стремление к непрерывному саморазвитию, способность принимать самостоятельные решения, независимость, стрессоустойчивость, способность к непрерывному профессиональному росту и др.

Для определения групп студентов со сходным уровнем выраженности социально-психологических детерминант развития созидательной деятельности использовался кластерный анализ (*K-Mean Cluster Analysis*). Выборка проводилась среди учащихся 2–3-х курсов «БИП-Институт правоведения». Было выявлено четыре кластера, в которых опрашивались респонденты со сходными психологическими особенностями конкурентоспособности, достигавшие высших результатов в учебе, на индивидуальных и групповых зачетах, а также занимающиеся в студенческой научно-практической лаборатории «Созидание продуктивного субъекта образования».

Кластерный анализ эмпирических данных выявил четыре кластера по взаимосвязи созидания и конкурентоспособности. Получен кластер средних (Метод К), к которому относятся все 14 компонентов конкурентоспособности, 15-й компонент – самосовершенствование, 16-й – самореализация, 17-й – саморазвитие и 18-й – самоуправление (см. рисунок).

В первый кластер вошли результаты опросов 17 респондентов (16,19 %), которые имеют средние показатели по 9 компонентам конкурентоспособности (четкость целей и ценностных ориентаций, трудолюбие, ответственность, креативность, способность идти на риск, умение самостоятельно принимать решения, вести за собой к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту, а также стремление к признанию другими). Более высокие показатели у студентов данной группы обнаружены по 15 (самосовершенствование) и 18 (самоуправление) компонентам (см. рисунок). Результаты опроса показали, что респонденты демонстрируют активное самосовершенствование и самоуправление своим развитием, признают его высокую значимость и важность самооценки.

Второй кластер включает результаты опроса 33 человек (31,43 %), имеющих умеренные показатели по всем компонентам конкурентоспособности (см. рисунок). Студенты данной группы признают значимость конкурентоспособности, разрешения социальных требований и индивидуальных потребностей для самореализации потенциальных возможностей и развития созидательной деятельности.

В третий кластер вошли результаты опросов 44 респондентов (41,9 %), с высоким уровнем конкурентоспособности, т. е. выше средней по переменным 1–8 (четкость целей и ценностных ориентаций, трудолюбие и ответственность, креативность, способность идти на риск, самостоятельно принимать решения, вести за собой, а также стремление к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту). По переменным 11–14 (способность к управлению – соуправлению – самоуправлению созидательной деятельностью, формированию мотивационно-смыслового акме-ядра духовных продуктов преподавателя, самостоятельное принятие решений, способность идти на риск), а также 16 и 17 (самосовершенствование, самореализация и саморазвитие) опрашиваемые имеют более высокий показатель. Студентам, относящимся к третьему кластеру, свойственно непрерывное саморазвитие, самостоятельное принятие решений, управление – соуправление – самоуправление созидательной деятельностью и формирование мотивационно-смыслового акме-ядра духовного продукта преподавателя в самом себе. Они также показывают высокий уровень оперативного интеллекта и нестандартного мышления. Более низкие

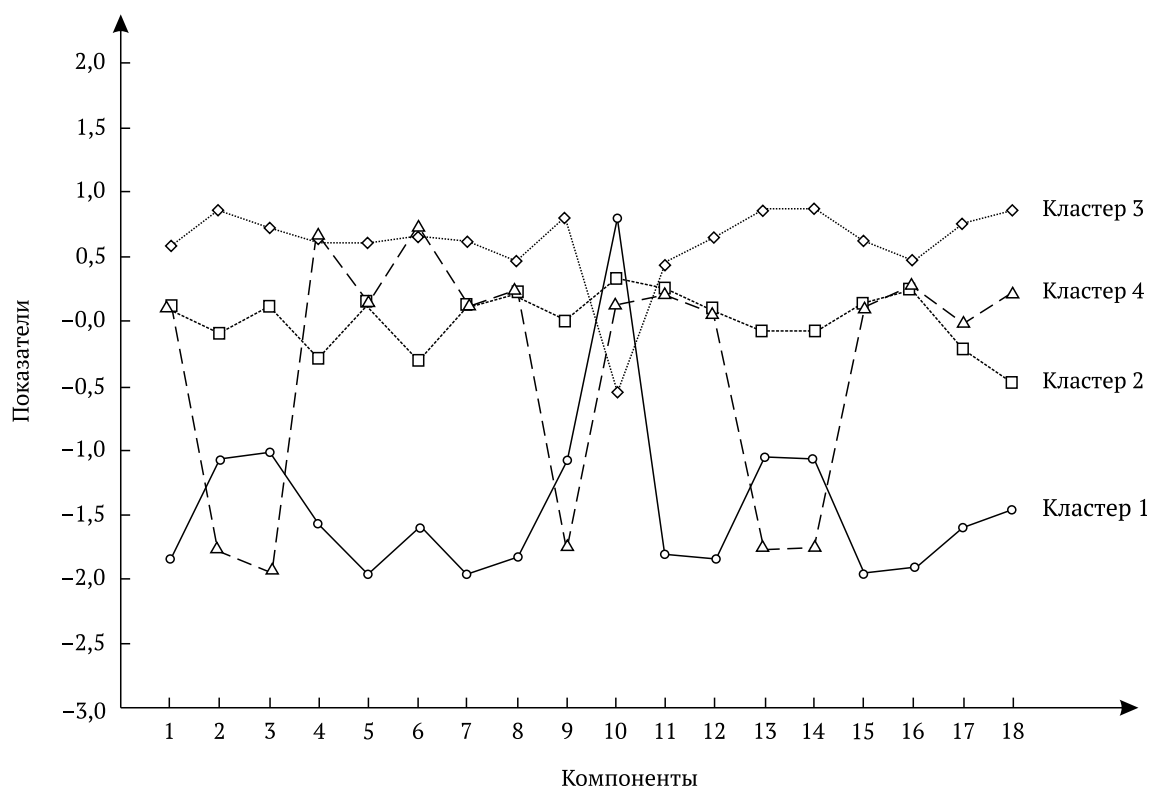
показатели касались 9 и 10 переменных (стремление к высокому признанию другими и самооценка). Данная группа респондентов обладает менее развитым нестандартным мышлением, а также нуждается в дополнительном развитии всех компонентов личности и постоянном решении нестандартных ситуаций (студенты не занимаются в студенческой научно-практической лаборатории) (см. рисунок).

К четвертому кластеру относятся 10 респондентов (9,52 %) с низкими показателями по 2, 3, 8, 9 и 14-й переменным (трудолюбие и ответственность, креативность, самооценка, способность к непрерывному профессиональному росту, стремление к высокому признанию другими) и высокими показателями по 4, 6, 11, 15, 16 и 18-й переменным конкурентоспособности (способность идти на риск, вести за собой и быть лидером; конкурентоспособность; самосовершенствование; самореализация; самоуправление) (см. рисунок).

На основании результатов кластерного анализа была составлена индивидуально для каждого студента дифференцированная программа психоконсультирования и психокоррекции, она также касалась развития свойств личности. Выявлена дифференциация развития определенных свойств личности в зависимости от участия в работе опре-

деленного органа студенческого самоуправления. Подтверждена целесообразность принципа многообразия форм студенческого самоуправления как фактора повышения конкурентоспособности выпускника. Студенческое самоуправление выступает как форма инициативной, самостоятельной, ответственной общественной деятельности студентов. Важное влияние на саморазвитие обучающихся 2–3-х курсов «БИП-Институт правоведения» оказало их участие в работе студенческой научно-практической лаборатории «Созидание продуктивного субъекта образования». Данной лабораторией на протяжении двух лет руководит и проводит занятия Н. Д. Джига. Условиями развития студенческого самоуправления являются психолого-акмеологическое сопровождение индивидуальной работы с каждым студентом, составление в начале учебного года индивидуальной программы осознанной саморегуляции созидания продуктивного субъекта образования и ее защита на зачете. При этом учитывается *Я – реальное* учащихся, которое является на основе изучения себя по акме-технологиям самопознания, разработанным Н. Д. Джига совместно с член-корреспондентом РАО, доктором психологических и педагогических наук, профессором Н. В. Кузьминой [3]. В конце учебного года с помощью психокоррекции и психоконсультирования

Схема устройства кластера

Кластерный анализ конкурентоспособности
Cluster analysis of competitiveness

студенты защищают индивидуальные программы с учетом своего развития и личностно-профессионального самосовершенствования (самообразования, самовоспитания, рефлексивной саморегуляции, управления–соуправления–самоуправления и созидания) *Я – идеального, Я – образа – результата.*

Деятельность по созиданию, становлению студентов как личности и субъекта деятельности, развитию их конкурентоспособности проводится путем использования на занятиях в студенческой научно-практической лаборатории инновационных методик, активных, интерактивных и рефлексивных форм обучения, тренингов, развития студенческой активности в процессе дискуссий.

Основное назначение индивидуальных программ осознанной саморегуляции созидательной деятельности субъекта образования – привитие осознанной потребности в творческой исследовательской работе; выработка умения учиться самоуправлять личностно-профессиональным самосовершенствованием созидания продуктивности субъекта образования; мотивирование к самоконтролю и формированию восприятия учебной созидательной деятельности не как внешнего фактора по отношению к студентам, а как результата своей собственной творческой созидательной деятельности. Индивидуальные программы представляют собой основной вид творческого задания для каждого студента как личности, субъекта активности, который на основании данных ему рекомендаций, реализует структурно полноценный процесс саморегуляции [1]. Индивидуальная программа защищается на экзамене как практическая часть экзаменационного вопроса, вносятся коррективы, самоконтроль, тестовый контроль, рефлексивная саморегуляция и психоконсультирование.

Таким образом, система студенческого самоуправления и занятия в студенческой научно-практической лаборатории позволяют студентам управлять – соуправлять – самоуправлять созидательной деятельностью, организовывать свою жизнедеятельность, а также подготавливаться к продуктивной созидательной и самосозидательной деятельности. В качестве стратегической цели студенческого самоуправления выступает подготовка гражданина, способного участвовать в управлении государством, формулировать, принимать и выполнять общественно значимые решения, реализовывать в полной мере свои способности.

Исследования свидетельствуют о значительно более высоком уровне конкурентоспособности участников студенческого самоуправления по сравнению со студентами, которые в нем не были задействованы. Помимо прочего, такие учащиеся ориентированы на реализацию студенческого самоуправления, обеспечение субъектности студента в жизнетворчестве, как на фактор развития конкурентоспособности высшего учебного заведения.

Студент реализует свой потенциал посредством созидательной и самосозидательной деятельности в качестве будущего специалиста, воплощения и создания духовного продукта преподавателя в себе самом.

Итог по измерениям корреляционного анализа исследований, приведенных в данном разделе, взаимосвязи созидания и конкурентоспособности, управлении–соуправлении–самоуправлении, самосовершенствования и самореализации при $p < 0,001$ показывает, что наличествует сильная положительная взаимосвязь созидания с оперативным интеллектом ($r_s = 0,86$), нестандартным мышлением ($r_s = 0,89$), саморазвитием ($r_s = 0,90$), самоуправлением ($r_s = 0,98$), самореализацией потенциальных возможностей ($r_s = 0,88$), самосовершенствованием ($r_s = 0,86$), конкурентоспособностью ($r_s = 0,77$), а также присутствует положительная умеренная взаимосвязь с соуправлением ($r_s = 0,61$) и управлением ($r_s = 0,59$).

Самоуправление – это итог внутренней работы самой личности, в процессе которой содержание внешних факторов интериоризуется и становится орудием деятельности индивида. Внутренние и внешние факторы выполняют не только преобразующую, но и созидующую, сотворческую функцию. Механизм самоуправления личности представляет собой целенаправленную созидательную деятельность, где формируется множество ситуаций для состоятельности, сопоставления, стимулирования созидательной деятельности под девизом «Чем я хуже? Я тоже могу это сделать» [1].

Авторская система самореализации и апробирования психолого-акмеологического созидания продуктивного субъекта образования, конкурентоспособности, самосовершенствования и самореализации актуальна для дальнейшего самопродвижения личности, достижения успеха путем использования собственных потенциальных возможностей и интеллектуальных ресурсов, повышающих продуктивность созидательной деятельности субъектов образования средствами духовно материализованного продукта учебных образовательных и индивидуальных программ, осознанной саморегуляции созидания продуктивного субъекта и становления профессионализма в разных направлениях.

Таким образом, основное назначение индивидуальных программ осознанной саморегуляции созидательной деятельности субъекта образования – привитие студентам осознанной потребности в творческой исследовательской работе, выработка у них умения учиться самоуправлять личностно-профессиональным самосовершенствованием созидания продуктивности субъекта образования, мотивирование учащихся к самоконтролю и формированию восприятия учебной созидательной деятельности не как внешней по отношению к ним,

а как результата своей собственной творческой созидательной деятельности. Индивидуальные программы представляют собой основной вид творческого задания для каждого студента как личности, субъекта активности, индивидуальности на основании полученных рекомендаций, реализующего структурно полноценный процесс саморегуляции.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) значимость кластерного анализа конкурентоспособности и самосовершенствования для самореализации природных потенциалов субъектов образования в создаваемых продуктах достаточно велика;

2) управление – соуправление – самоуправление созидательной деятельностью субъектов образования является внешней и внутренней активностью познавательной деятельности субъектов образования по овладению продуктивной компетентностью и средством полимотивирования самореализации, личностно-профессионального самосовершенствования (самоорганизация, самовоспитание, самоуправление, рефлексивная саморегуляция, созидание) и самовыражается в созидании и самосозидании;

3) продуктивность, эффективность, результативность предусматривают разработку, внедрение

и апробирование образовательных акме-технологий, активных, рефлексивных и интерактивных методов обучения, нестандартных психолого-акмеологических профессиональных и жизненных ситуаций, а также активную работу каждого над индивидуальными программами осознанной саморегуляции созидания продуктивного субъекта образования;

4) созиданию студентов как становлению их личности, индивидуальности и субъекта деятельности, развитию их конкурентоспособности в преобразовательной деятельности способствует использование на занятиях студенческой научно-практической лаборатории акме-технологий, инновационных методик, активных, интерактивных и рефлексивных форм обучения, тренингов, развития студенческой активности в процессе дискуссий;

5) социальная значимость результатов определяется повышением социальной защищенности субъектов образования вследствие проектирования стратегии созидания творческой готовности к решению продуктивных задач; достижением профессионализма; самосовершенствованием профессиональной продуктивной компетентности; обретением дополнительных компетенций в развитии способности к самоанализу и самоуправлению.

Библиографические ссылки

1. Джига Н. Д. Акме-психология продуктивного субъекта образования : монография. Гродно, 2015.
2. Деркач А. А., Сайко Э. В. Самореализация – основание акмеологического развития. М., 2010.
3. Кузьмина Н. В., Джига Н. Д., Жаринова Е. Н. Технология акме-оценки студентами влияния дидактического акме-ядра преподавателя на созидание акме-ядра духовных продуктов в их свойствах и развитие их будущей созидательной деятельности. М., 2011.
4. Кремень М. А. Практическая психология управления. Минск, 2010.
5. Шадриков В. Д. Психология способностей : хрестоматия. М. ; Воронеж, 2012.
6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Майнулов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Кострома, 2012.

References

1. Juha N. D. [Acme-psychology of productive subject of education]. Grodno, 2015 (in Russ.).
2. Derkach A. A., Saiko Je. V. [Self-realization – the basis of acmeological development]. Moscow, 2010 (in Russ.).
3. Kuz'mina N. V., Dzhiga N. D., Zharinova E. N. [Acme-technology of students' assessment of the impact of didactic acme-core of teacher for their activity and making spiritual products acme-core in their properties, ensuring their successful professional development of future creative activity]. Moscow, 2011 (in Russ.).
4. Kremen' M. A. [Practical psychology of management]. Minsk, 2010 (in Russ.).
5. Shadrikov V. D. [Psychology of skills]. Moscow ; Voronezh, 2012 (in Russ.).
6. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Mainulov G. M. [Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups]. Kostroma, 2012 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 18.12.2016.
Received by editorial board 18.12.2016.

УДК 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ВОДИТЕЛЕЙ И СТИЛЯ ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ

Н. С. АСТРЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В качестве психологических характеристик стиля вождения автомобиля рассматриваются невротизм, психотизм, агрессивность, депрессия, совестливость, эстетическая впечатлительность, женственность, расторможенность, общая активность, робость (стеснительность), общительность, психическая неуравновешенность, асоциальность, интроверсия и сензитивность. В ходе исследования использовались следующие методики: многофакторный опросник стиля вождения (О. Таубман-Бен-Ари в адаптации И. А. Фурманова и Н. С. Астрейко) и психодиагностический тест (В. Мельникова, Л. Ямпольского). В основу положена выборка из 260 респондентов в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст – 31,4 года). Устанавливается ряд положительных и отрицательных корреляций между психологическими характеристиками и стилем вождения автомобиля вне зависимости от пола водителя.

Ключевые слова: стиль вождения автомобиля; психологические характеристики; личностные и ситуационные факторы; невротизм; психотизм.

THE RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRIVERS AND DRIVING STYLE

N. S. ASTREIKA^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Under the psychological characteristics of driving style should be considered factors such as neuroticism, psychoticism, aggressiveness, depression, conscientiousness, aesthetic sensibility, femininity, disinhibition, total activity, timidity (shyness), sociability, mental instability, asocial, introversion and sensitivity. To conduct the study, the following methods: multidimensional driving style inventory (A. Taubman-Ben-Ari adaptation I. A. Furmanov and N. S. Astreyko), psychodiagnostic test (V. Melnikov, L. Yampolsky). The sample for this study consisted of respondents aged 18 to 76 years (mean age – 31.4 years) in the amount of 260 people. Regardless of the gender analysis has identified a number of positive and negative correlations between psychological characteristics and driving style.

Key words: driving style; psychological characteristics; personality and situational factors; neuroticism; psychoticism.

Согласно Правилам дорожного движения Республики Беларусь безопасность дорожного движения – это состояние дорожного движения, обеспечивающее минимальную вероятность возник-

новения опасности для движения и дорожно-транспортного происшествия. Агрессивное и неадекватное поведение водителя на дороге наносит существенный вред безопасности движения. Однако

Образец цитирования:

Астрейко Н. С. Взаимосвязь психологических характеристик водителей и стиля вождения автомобиля // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 92–95.

For citation:

Astreika N. S. The relationship of psychological characteristics of drivers and driving style. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 92–95 (in Russ.).

Автор:

Наталья Сергеевна Астрейко – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Natallia S. Astreika, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
Astra_tasha@mail.ru

исследования показывают, что поведение водителя во время движения зависит от индивидуального стиля вождения.

В научной литературе под индивидуальным стилем деятельности понимается устойчивая система приемов, способов, методов деятельности, обусловленная индивидуально-специфическими качествами человека и являющаяся средством эффективного приспособления к объективным обстоятельствам [1, с. 74–77]. Благодаря такому свойству люди с различными индивидуально-типологическими особенностями нервной системы, структурой способностей, личностными чертами добиваются равной эффективности при выполнении одной и той же деятельности разными способами. Исходя из этого, стиль вождения автомобиля определяется как техническими, так и психологическими факторами.

Психологическими характеристиками стиля вождения автомобиля являются: невротизм, психотизм, агрессивность, депрессия, совестливость, эстетическая впечатлительность, женственность, расторможенность, общая активность, робость (стеснительность), общительность, психическая неуравновешенность, асоциальность, интроверсия и сензитивность. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Невротизм – черта личности, характеризующаяся эмоциональной неустойчивостью, тревогой, низким самоуважением. Примерами невротического поведения водителей являются нарушения скоростного режима, чрезмерная озабоченность своими действиями, повышенное внимание к водителям противоположного пола, беспокойство за внешний вид транспортного средства. Умеренные разновидности большинства форм невротического поведения безвредны и социально приемлемы, тем не менее такое поведение можно классифицировать как невроз, поскольку оно приводит к причинению вреда окружающим и самому индивиду [2].

Психотизм – черта личности, измеряющая степень психической адекватности индивида. Психотизм описывает аутичность человека, характеризуется своеобразной отчужденностью от среды, замкнутостью, недоступностью для общения. Психотическая личность находится в непрерывном внутреннем конфликте с самим собой, постоянно напряжена и возбуждена вне зависимости от степени напряженности реальной ситуации. Хроническое напряжение может без внешнего повода выразиться в неожиданных аффективных реакциях: озлоблении, ярости, страхе и т. п.

Под депрессией ученые понимают угнетенное состояние, вызываемое тягостными событиями и переживаниями. Это глубина субъективных переживаний, возникающих при снижении доминирующего фона настроения [3, с. 75–91].

Общая активность – одна из сфер проявления темперамента, которая характеризует общий

уровень активности, энергичности и астеничности личности. Высокая активность водителя, как правило, проявляется в лидерских способностях, сопровождается умением сплотить других водителей, призвать их к взаимопомощи, правильно распределить обязанности. К мнению таких людей прислушиваются, им подчиняются, с их требованиями считаются.

Общительность – качество личности, обеспечивающее коммуникацию [4]. У водителей она проявляется во взаимодействии и построении отношений между участниками дорожного движения. Данное понятие связано с терминами «коммуникативность» и «контактность», но является более операциональным определением, которое применяется в различных сферах научной и практической деятельности. В рамках социальной психологии проблема общительности рассматривается как одна из центральных, так как в ней затрагиваются аспекты, связанные с актуализацией личности. Основополагающая роль общительности заключается в выполнении социально и личностно значимых функций, которые способствуют реализации человека в обществе и удовлетворению его потребностей при помощи коммуникации.

Под женственностью следует понимать совокупность специфических особенностей мышления и поведения. При изучении данного фактора измеряется степень идентификации испытуемого с женской ролью, предписываемой культурой и обществом, фиксируется склонность к волнениям, самооценке и самоанализу, скромность в поведении, погруженность в личные проблемы.

Фактор «психическая неуравновешенность» указывает на дезадаптацию, тревожность, потерю контроля над влечениями, оценивает уровень психической устойчивости и, как следствие, стабильности, последовательности и целенаправленности поведения. В данном исследовании психическая неуравновешенность предназначена для интегральной оценки устойчивости водителей.

Асоциальность описывает социопатическую личность, характеризующуюся трудностями социальной адаптации, негативным отношением к общественным требованиям, повторяющимися асоциальными реакциями. Данная характеристика оценивает социальную приспособленность водителей к постоянно изменяющейся дорожной ситуации.

Фактор интроверсии анализирует уровень активности личности в коллективе, степень включенности в общественные виды деятельности. Интроверсия показывает степень социальной контактности водителя.

Сензитивность – характерологическая особенность индивида, которая проявляется в чувствительности, ранимости, художественном восприятии окружающего мира, учтивости, вежливости, деликатности, эмоциональной зрелости. Сензитивным

водителям свойственно робкое и застенчивое поведение на дороге, склонность к продолжительному переживанию прошедших или предстоящих событий, у них также наблюдается тенденция к развитию повышенной моральной требовательности к себе.

В целях проверки предположения о том, что стиль вождения автомобиля зависит от личностных качеств (психологических характеристик) водителя, нами была изучена взаимосвязь указанных факторов. Выборка для данного исследования состояла из 260 респондентов в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст – 31,4 года), среди которых было 126 мужчин и 134 женщины.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

1) многофакторный опросник стиля вождения О. Таубмана-Бен-Ари в адаптации И. А. Фурманова и Н. С. Астрейко, состоящий из восьми шкал поведения водителей: диссоциативное, терпеливое, опасное, агрессивное, высокоскоростное, безаварийное, тревожное, осторожное [5; 6];

2) психодиагностический тест В. Мельникова и Л. Ямпольского, который состоит из 174 пунктов, сгруппированных в 14 шкал, 10 из них – шкалы нижнего уровня (описывают невротизм, психотизм, депрессию, совестливость, эстетическую впечатлительность, женственность, расторможенность, общую активность, робость, общительность), а 4 – верхнего уровня (характеризуют психическую неуравновешенность, асоциальность, интроверсию и сензитивность) [3, с. 75–91].

Корреляционный анализ выявил ряд взаимосвязей между психологическими характеристиками и стилями вождения автомобилей вне зависимости от их половой принадлежности:

– положительная взаимосвязь невротизма с диссоциативным ($r = 0,12$; $p \leq 0,05$) и высокоскоростным ($r = 0,17$; $p \leq 0,01$) стилями вождения, а также отрицательная взаимосвязь с терпеливым стилем вождения ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$);

– положительная взаимосвязь психотизма с диссоциативным стилем вождения ($r = 0,21$; $p \leq 0,01$), а также опасным ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$) и высокоскоростным ($r = 0,29$; $p \leq 0,01$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь депрессии с диссоциативным ($r = 0,22$; $p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,17$;

$p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,13$; $p \leq 0,05$) и высокоскоростным ($r = 0,24$; $p \leq 0,01$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь совестливости с безаварийным стилем вождения ($r = 0,14$; $p \leq 0,05$);

– положительная взаимосвязь расторможенности с опасным ($r = 0,22$; $p \leq 0,01$) и агрессивным ($r = 0,18$; $p \leq 0,01$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь общей активности с опасным стилем вождения ($r = 0,24$; $p \leq 0,01$), а также высокоскоростным ($r = 0,15$; $p \leq 0,05$) и осторожным ($r = 0,13$; $p \leq 0,05$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь робости с диссоциативным ($r = 0,17$; $p \leq 0,01$) и высокоскоростным ($r = 0,13$; $p \leq 0,05$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь общительности с осторожным стилем вождения ($r = 0,16$; $p \leq 0,05$);

– отрицательная взаимосвязь эстетической впечатлительности с опасным стилем вождения ($r = -0,16$; $p \leq 0,01$);

– отрицательная взаимосвязь женственности с опасным ($r = -0,23$; $p \leq 0,01$) и агрессивным ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь психологической неуравновешенности с высокоскоростным стилем вождения ($r = 0,20$; $p \leq 0,01$);

– положительная взаимосвязь асоциальности с диссоциативным ($r = 0,20$; $p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,29$; $p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,19$; $p \leq 0,01$) и высокоскоростным ($r = 0,18$; $p \leq 0,01$) стилями вождения, а также отрицательная взаимосвязь асоциальности с безаварийным ($r = -0,14$; $p \leq 0,05$) и терпеливым ($r = -0,18$; $p \leq 0,01$) стилями вождения;

– положительная взаимосвязь интроверсии с диссоциативным стилем вождения ($r = 0,13$; $p \leq 0,05$);

– отрицательная взаимосвязь сензитивности с опасным ($r = -0,20$; $p \leq 0,01$) и агрессивным ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$) стилями вождения.

Таким образом, стиль вождения автомобиля обусловлен рядом психологических характеристик (личностных и ситуационных детерминант). Для создания условий безопасного движения всех участников дорожного движения необходимо изучить и проанализировать совокупность взаимосвязанных личностных и ситуационных факторов, обеспечивающих безопасное управление автомобилем.

Библиографические ссылки

1. Психология индивидуальных различий. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 1982.
2. Общая характеристика невротической личности по К. Хорни [Электронный ресурс] // Личностный рост. Психология личности. URL: <http://mirrosta.ru/psichologiya-lichnosti/obschaya-charakteristika-nevroticheskoy-lichnosti-ro-k.-chorni.html> (дата обращения: 10.01.2017).
3. Практикум по психодиагностике личности / отв. ред. Н. К. Ракович. Минск, 2002.
4. Психология общения : энциклопед. слов. / под общ. ред. А. А. Бодалева. М., 2011.

5. Фурманов И. А., Астрейко Н. С. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения // *Философия и соц. науки*. 2016. № 2. С. 88–93.
6. Taubman-Ben-Ari O., Mikulincer M., Gillath O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation // *Accid. Anal. Prev.* 2004. Vol. 36, issue 3. P. 323–332.

References

1. Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. (eds). [Psychology of individual differences. Texts]. Moscow, 1982 (in Russ.).
2. [General characteristic of the neurotic personality according to K. Horney]. URL: <http://mirrosta.ru/psichologiya-lichnosti/obschaya-charakteristika-nevroticheskoy-lichnosti-po-k.-chorni.html> (date of access: 10.01.2017) (in Russ.).
3. Rakovich N. K. (ed.). [Practice on psychodiagnostics of personality]. Minsk, 2002 (in Russ.).
4. Bodaleva A. A. (ed.). [Psychology of communication]. Moscow, 2011 (in Russ.).
5. Furmanov I. A., Astreyko N. S. The adaptation of the multidimensional driving style inventory. *Filos. i sotsial'nye nauki. [J. Philos. Soc. Sci.]*. 2016. No. 2. P. 88–93 (in Russ.).
6. Taubman-Ben-Ari O., Mikulincer M., Gillath O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation. *Accid. Anal. Prev.* 2004. Vol. 36, issue 3. P. 323–332.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2017.
Received by editorial board 21.04.2017.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И СТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРИОД ЮНОСТИ

С. И. ХОНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются результаты эмпирического исследования половых различий эмоционального интеллекта индивидов юношеского возраста. Эмоциональный интеллект оценивается как совокупность личностных характеристик и способностей. Выявлены ведущие компоненты и структуры эмоционального интеллекта юношей и девушек, проведен их сравнительный анализ. Отдельно для юношей и девушек описывается взаимосвязь способностей и личностных черт, характеризующих эмоциональный интеллект. Сделаны выводы о причинах установленных различий.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; содержательные характеристики эмоционального интеллекта; структурные характеристики эмоционального интеллекта; половые различия.

SEX DIFFERENCES IN CONTENT AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN THE PERIOD OF ADOLESCENCE

S. I. KHONSKI^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper presents results of empirical research of sex differences in emotional intelligence among individuals in the period of adolescence. The author combines trait and ability measures of emotional intelligence. The essential components and structures of male and female adolescents' emotional intelligence were established and compared. The correlation between trait and ability emotional intelligence are described separately for male and female adolescents. The author gives different arguments explaining causes of results.

Key words: emotional intelligence; content characteristics of emotional intelligence; structural characteristics of emotional intelligence; sex differences.

Современная психологическая наука располагает множеством точек зрения относительно половых различий эмоционального интеллекта (ЭИ). Так, Дж. Чиароччи, А. Чан и П. Капути установили, что у девочек в возрасте 13–15 лет интегральный показатель ЭИ, а также отдельные параметры (понимание эмоций, регуляция эмоциональных состояний и использование эмоций для активизации

мышления) значительно выше, чем у мальчиков того же возраста [1]. По мнению Э. Шарф, с момента, когда девочки начинают обгонять мальчиков в вербальных способностях, они демонстрируют более высокие показатели по отдельным составляющим ЭИ, поскольку им становится легче выразить свои эмоции или подобрать слова для обозначения эмоций других людей [2, с. 171].

Образец цитирования:

Хонский С. И. Половые различия содержательных и структурных характеристик эмоционального интеллекта в период юности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 96–102.

For citation:

Khonski S. I. Sex differences in content and structural characteristics of emotional intelligence in the period of adolescence. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 96–102 (in Russ.).

Автор:

Сергей Игоревич Хонский – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Sergei I. Khonski, senior lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
s.khonskiy@gmail.com

Как отмечает Д. Гоулман, мужчины лучше различают конвенциональные чувства, тогда как женщины лучше распознают чувства, связанные с ситуацией непосредственного личностного взаимодействия [3, р. 23–49]. Более высокий уровень ЭИ у женщин, отраженный в исследованиях, М. Аргайл объясняет тем, что они восприимчивее, эмпатичнее и адаптивнее, т. е. у них лучше, чем у мужчин, развиты навыки межличностного взаимодействия, которые, в свою очередь, тесно связаны с эмоциональным интеллектом [4].

Исследователи С. Мавровели, К. В. Петридес, К. Риффе и Ф. Бейкер не выявили различий в ЭИ подростков мужского и женского пола, однако отметили следующие особенности: мальчиков с высоким уровнем ЭИ одноклассники оценивали как более отзывчивых, а девочек с таким же уровнем ЭИ признавали лидерами [5]. Возрастной диапазон испытуемых в исследованиях К. В. Петридес и А. Фурнхам был значительно шире, но они также не нашли существенных половых различий в ЭИ детей [6].

Проведенное в Канаде компанией *Buckholdt Associates* исследование, в котором приняло участие свыше 4 тыс. испытуемых, показало, что в период с 16 до 19 лет ЭИ демонстрирует рост [7]. Как отмечает В. Юркевич, второй сензитивный период развития ЭИ наступает в возрасте 20 лет [8]. Специалисты О. Я. Чебикин и И. Г. Павлова указывают на то, что с 16 до 17 лет у юношей и девушек проявляется тенденция к повышению эмпатии, при этом в организации адекватного эмоционального реагирования снижается значение эмоциональной саморегуляции [9]. Таким образом, юношеский возраст достаточно показателен для изучения ЭИ. В то же время развитие эмоционального интеллекта у юношей и девушек может пойти по пути как дальнейшего усиления или ослабления тех различий, которые, по мнению исследователей, наблюдаются уже в подростковом возрасте, так и по пути появления относительно новых различий в содержательных характеристиках ЭИ.

В последнее время в психологии сформировались два основных подхода к определению ЭИ: согласно первому это способность (совокупность способностей), согласно второму – личностная черта (совокупность личностных черт). При этом Дж. Чиароччи полагает, что различные концепции данного конструкта не противоречат, а скорее дополняют друг друга [1]. Иными словами, эмоциональный интеллект представляет собой конструкт, имеющий двойственную природу и связанный, с одной стороны, с когнитивными способностями, а с другой – с личностными особенностями, между которыми, в свою очередь, также могут устанавливаться взаимосвязи, отражающие структурные характеристики ЭИ.

В целях выявления половой специфики содержательных и структурных характеристик ЭИ юношей и девушек нами было проведено исследование, в котором приняли участие 480 испытуемых, являющихся студентами различных факультетов Белорусского государственного университета и учениками 10–11-х классов средних образовательных школ г. Минска. Среди них 240 девушек в возрасте 16–20 лет и 240 юношей в возрасте 17–21 года. Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики: 1) тест эмоционального интеллекта Д. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо *MSCEIT v. 2.0* (русскаяязычная адаптация Е. А. Сергиенко и И. И. Ветровой) [10]; 2) опросник эмоционального интеллекта (ОЭИ) К. Барчард (русскаяязычная адаптация Г. Г. Князева и др.) [11]. Данные были обработаны с помощью программы *SPSS Statistics v. 17*.

Содержательные характеристики ЭИ. В результате сравнительного анализа выраженности отдельных компонентов ЭИ, представленных в модели Д. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо, у юношей и девушек удалось обнаружить статистически значимые различия ($p = 0,01$) по параметрам «понимание эмоций» и «управление эмоциями».

Девушки продемонстрировали более развитую способность к пониманию эмоций (рис. 1). Как показали исследования Дж. Холла, женщины обладают более развитой способностью к прочтению изменяющейся социальной информации по невербальным признакам, в том числе по лицевой экспрессии [12]. К такому же выводу пришла и В. В. Овсянникова, изучавшая роль когнитивных факторов в распознавании эмоциональных состояний [13]. Более высокий уровень понимания эмоций у женщин также зафиксировала Т. В. Манянина [14]. Различия могут объясняться большей склонностью женщин к интуитивному пониманию эмоций [15].

По результатам настоящего исследования юноши показали более высокую способность к управлению эмоциями, нежели девушки. Подобная тенденция была отмечена в работах Т. В. Маняниной, А. А. Александровой и Т. В. Гудковой [14; 16].

Выраженные половые различия обнаруживаются уже в подростковом возрасте. Так, ухудшение способности девочек к управлению своими эмоциями и более низкие значения данного параметра по сравнению с мальчиками Ю. В. Давыдова объясняет подростковым кризисом, который сопровождается эмоциональной нестабильностью, ярко проявленной на фоне мощной гормональной перестройки организма в период полового созревания [17]. Как было установлено ранее, у девочек период полового созревания и симптомы подросткового кризиса начинаются раньше. По этой причине кризисную ситуацию девочки переживают острее, нежели мальчики, у которых к началу полового созревания формируется более широкий запас адаптивных

реакций [17]. Таким образом, вероятность успешного преодоления подросткового кризиса выше у мальчиков, благодаря чему они по достижении юношеского возраста сохраняют более высокую, по сравнению с девочками, способность к управлению эмоциями.

Исследователь Р. Бар-Он отмечает, что мужчины лучше регулируют свое эмоциональное состояние

и управляют собственными эмоциями, в том числе в стрессовых ситуациях [2].

Интегральный показатель ЭИ был выше у девушек ($p = 0,05$). Как отмечает Ю. В. Давыдова, именно благодаря хорошо развитой способности к пониманию эмоций девочки с подросткового возраста демонстрируют более высокий общий уровень эмоционального интеллекта [17].

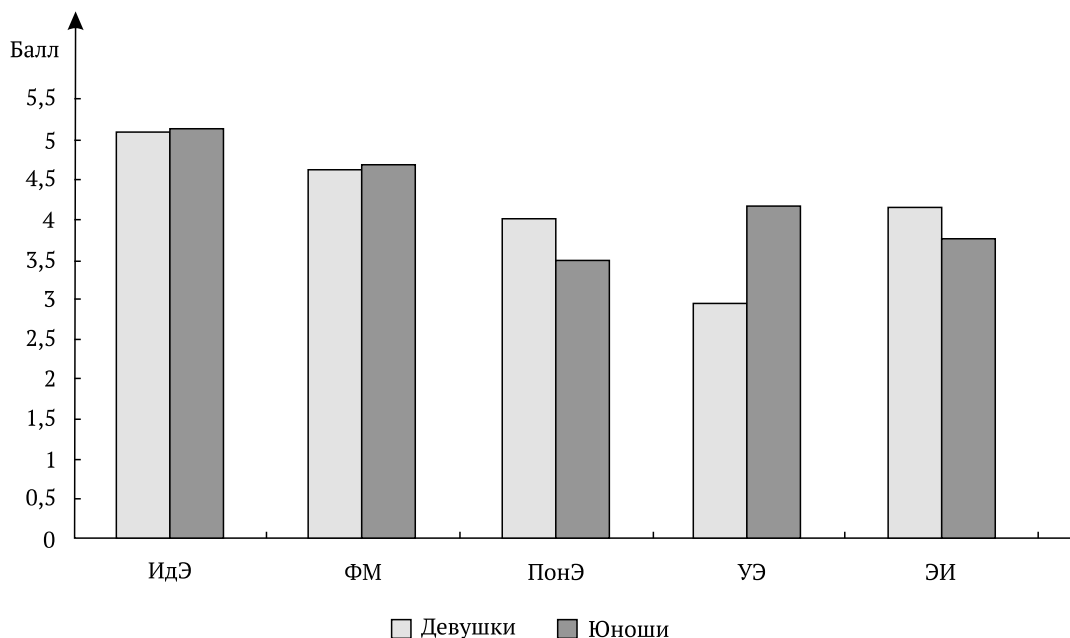

Рис. 1. Половые различия эмоционального интеллекта по шкалам теста MSCEIT:
ИдЭ – идентификация эмоций; ФМ – фасилитация мышления; ПонЭ – понимание эмоций;
УЭ – управление эмоциями; ЭИ – эмоциональный интеллект

Fig. 1. Sex differences in the MSCEIT scales in adolescents:
ИдЭ – perceiving emotions; ФМ – facilitating thought; ПонЭ – understanding emotions;
УЭ – managing emotions; ЭИ – emotional intelligence

Что касается характеристик ЭИ, относящихся к личностным свойствам и диагностируемых с помощью ОЭИ, то также были найдены различия, которые имеют половую специфику (рис. 2).

Девушки значительно превосходят юношей по параметру эмпатии ($p = 0,01$), что согласуется с данными А. Феингольда [18]. Это объясняется гендерными ролями (заботливость женщин и властность, независимость, соперничество мужчин), а также соответствующим воспитанием [19; 20]. Например, игры девочек с куклами способствуют развитию эмпатийной экспрессии, между тем игрушки мальчиков не благоприятствуют этому. По мнению Д. Блока, по этой причине мужчины обладают менее богатым опытом в сфере эмпатийной отзывчивости [19].

Кроме того, девушки продемонстрировали более высокие результаты по показателю «сопереживание радости» ($p = 0,01$). К аналогичному выводу в ходе исследований пришла Дж. Бененсон, объяснив данный результат более высоким уровнем эмпатии у девушек, а также их желанием чувствовать

сопричастность, в основе которого лежит мотив аффилиации [21].

Юноши показали более высокие результаты по компоненту позитивной экспрессивности ($p = 0,01$). Это согласуется с выводами Дж. Стоппарда, который предположил, что юноши легче справляются с кризисом в 20 лет, благодаря чему ощущают себя спокойнее и выражают позитивные эмоции чаще, чем девушки [22].

Структурные характеристики ЭИ. В структуре ЭИ девушек способность к фасилитации мышления посредством эмоций положительно связана с позитивной экспрессивностью ($r = 0,23$; $p = 0,02$) и принятием решений на основе эмоций ($r = 0,20$; $p = 0,04$) (рис. 3).

Аналогичные связи были обнаружены и в структуре ЭИ юношей: способность к фасилитации мышления посредством эмоций положительно связана с позитивной экспрессивностью ($r = 0,28$; $p = 0,01$) и принятием решений на основе эмоций ($r = 0,25$; $p = 0,02$) (рис. 4). Однако у юношей также была выявлена статистически значимая отрицательная

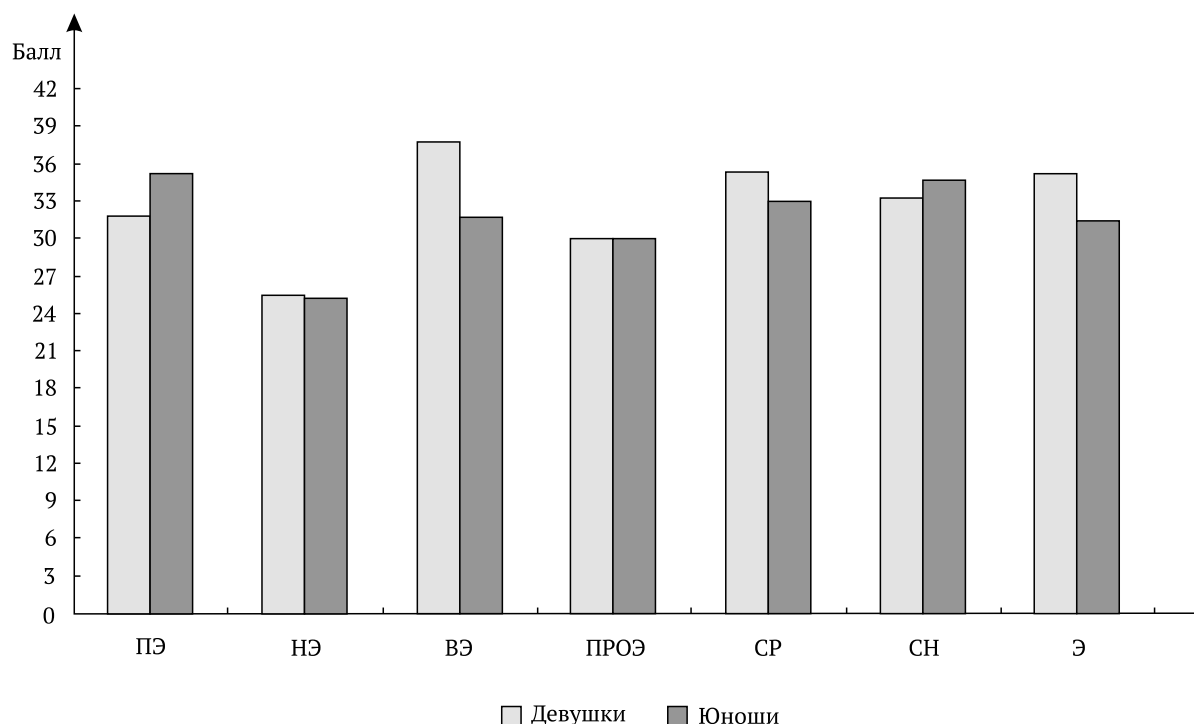

Рис. 2. Половые различия эмоционального интеллекта по шкалам опросника К. Барчард: ПЭ – позитивная экспрессивность; НЭ – негативная экспрессивность; ВЭ – внимание к эмоциям; ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций; СР – сопереживание радости; СН – сопереживание несчастью; Э – эмпатия

Fig. 2. Sex differences in the Barchard's EI-IPIP scales in adolescents with aggressive humor style: ПЭ – positive expressivity; НЭ – negative expressivity; ВЭ – attending to emotions; ПРОЭ – emotion-based decision-making; СР – responsive joy; СН – responsive distress; Э – empathic concern

взаимосвязь между фасилитацией мышления посредством эмоций и сопереживанием несчастью ($r = -0,28$; $p = 0,01$). Данная особенность может быть связана с тем, что у юношей интенсивные негативные эмоции препятствуют выбору правильного решения [23].

Параметр «понимание эмоций» у юношей не образует взаимосвязи с характеризующими ЭИ личностными свойствами, в то время как у девушек способность к пониманию эмоций положительно коррелирует с позитивной экспрессивностью ($r = 0,32$; $p = 0,001$), вниманием к эмоциям ($r = 0,25$; $p = 0,01$), принятием решений на основе эмоций ($r = 0,34$; $p = 0,001$), сопереживанием радости ($r = 0,28$; $p = 0,003$) и эмпатией ($r = 0,31$; $p = 0,001$). Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что понимание эмоций занимает ведущее место в структуре ЭИ девушек.

Кроме того, половые различия установлены в отношении способности к идентификации эмоций, которая у девушек имеет положительную взаимосвязь с негативной экспрессивностью ($r = 0,27$; $p = 0,004$), а у юношей – отрицательную ($r = -0,56$; $p = 0,001$). Таким образом, с увеличением интенсивности и частоты негативных эмоциональных переживаний способность адекватно оценивать эмоциональное состояние окружающих и свое собственное у юношей снижается, а у девушек возрастает. В последнем случае это можно объяснить тем,

что отрицательные эмоции усиливают установку на восприятие деталей, которые важны для девушек [24].

Помимо параметра фасилитации мышления, связи между негативной экспрессивностью и другими характеристиками ЭИ у юношей не обнаружены. У девушек показатель негативной экспрессивности демонстрирует положительную связь в отношении управления эмоциями ($r = 0,29$; $p = 0,002$).

Параметр «управление эмоциями» у девушек положительно связан с сопереживанием несчастью ($r = 0,22$; $p = 0,02$) и отрицательно – с позитивной экспрессивностью ($r = -0,39$; $p = 0,001$).

Тот же показатель у юношей образует отрицательные связи с сопереживанием несчастью ($r = -0,29$; $p = 0,01$) и эмпатией ($r = -0,32$; $p = 0,003$). Это можно объяснить тем, что при снижении уровня управления эмоциями увеличивается уровень эмпатических способностей и выражения эмоций, в том числе благодаря системному пониманию испытываемыми внешними эмоциональными проявлениями окружающих [23].

Изучая гендерные различия в структуре ЭИ, И. Н. Андреева пришла к выводу о том, что у девушек «уровень эмоционального интеллекта связан с когнитивными процессами понимания и осмысления эмоций, у юношей – в большей мере с качеством межличностных отношений, особенно

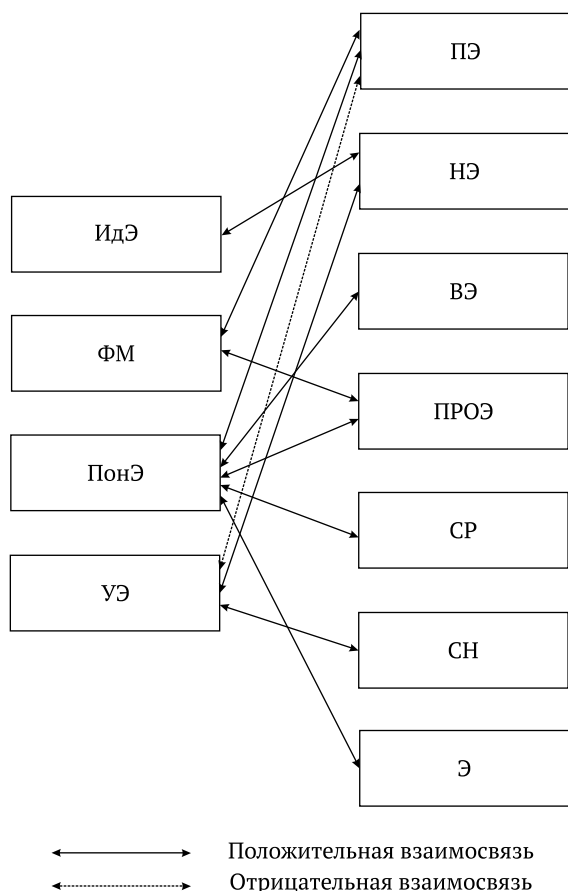

Рис. 3. Взаимосвязь способностей и личностных черт, характеризующих эмоциональный интеллект девушек: ИдЭ – идентификация эмоций; ФМ – фасилитация мышления; ПонЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; ПЭ – позитивная экспрессивность; НЭ – негативная экспрессивность; ВЭ – внимание к эмоциям; ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций; СР – сопереживание радости; СН – сопереживание несчастью; Э – эмпатия

Fig. 3. Correlation between EI-abilities and EI-traits of adolescent girls: ИдЭ – perceiving emotions; ФМ – facilitating thought; ПонЭ – understanding emotions; УЭ – managing emotions; ПЭ – positive expressivity; НЭ – negative expressivity; ВЭ – attending to emotions; ПРОЭ – emotion-based decision-making; СР – responsive joy; СН – responsive distress; Э – empathic concern

в период раннего онтогенеза» [25]. Различия также могут объясняться приобретенными в ходе социализации гендерными моделями поведения.

В результате сравнительного анализа ЭИ юношей и девушек выявлены следующие половые различия в структурных и содержательных характеристиках:

1) девушки обладают значительно более развитой способностью к пониманию эмоций, в то время как юноши лучше управляют эмоциями. Помимо этого, девушкам свойствен более высокий уровень эмпатии, они склонны сопереживать радости другого человека и выражать положительные эмоции в большей степени, нежели юноши, благодаря чему,

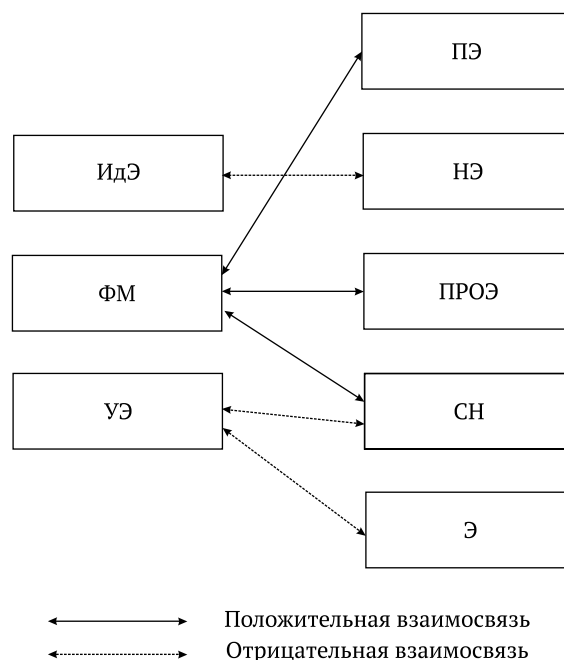

Рис. 4. Взаимосвязь способностей и личностных черт, характеризующих эмоциональный интеллект юношей: ИдЭ – идентификация эмоций; ФМ – фасилитация мышления; УЭ – управление эмоциями; ПЭ – позитивная экспрессивность; НЭ – негативная экспрессивность; ПРОЭ – принятие решений на основе эмоций; СН – сопереживание несчастью; Э – эмпатия

Fig. 4. Correlation between EI-abilities and EI-traits of adolescent boys: ИдЭ – perceiving emotions; ФМ – facilitating thought; УЭ – managing emotions; ПЭ – positive expressivity; НЭ – negative expressivity; ПРОЭ – emotion-based decision-making; СН – responsive distress; Э – empathic concern

вероятно, и превосходят последних по общему показателю ЭИ;

2) только в структуре ЭИ юношей была выявлена отрицательная взаимосвязь между фасилитацией мышления посредством эмоций и сопереживанием несчастью;

3) в структуре ЭИ юношей показатель «понимание эмоций» не образует взаимосвязи с личностными чертами, в то время как у девушек способность к пониманию эмоций положительно коррелирует с позитивной экспрессивностью, вниманием к эмоциям, принятием решений на основе эмоций, сопереживанием радости и эмпатией. Это позволяет предположить, что данная способность является системообразующей для ЭИ девушек;

4) в отношении компонента негативной экспрессивности у юношей была выявлена отрицательная взаимосвязь с идентификацией эмоций, у девушек – положительная. Установленная закономерность может свидетельствовать о том, что в ситуации возрастания частоты и/или интенсивности негативных переживаний более корректно оценить свое или чужое эмоциональное состояние смогут девушки, нежели юноши.

Библиографические ссылки

1. Ciarrochi J. V., Chan A. Y., Caputi P. A critical evaluation of the emotional intelligence construct // *Pers. Individ. Differ.* 2000. Vol. 28, issue 3. P. 539–561.
2. Bar-On R., Parker J. D. The handbook of emotional intelligence: theory, development, assessment, and application at home, school and in the workplace. San-Francisco, 2000.
3. Goleman D. Emotional intelligence. New York, 2005.
4. Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. London, 1994.
5. Mavroveli S., Petrides K. V., Rieffe C., et al. Trait emotional intelligence, psychological well-being, and peer-rated social competence in adolescence // *Br. J. Dev. Psychol.* 2007. Vol. 25, № 2. P. 263–275.
6. Petrides K. V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established traits taxonomies // *Eur. J. Pers.* 2001. Vol. 15, issue 6. P. 425–448.
7. Pokorski M., Faron-Lasyk A., Borecki L. Altruistic aptitude: age-dependent influence of temperament and emotional intelligence // *Adv. Exp. Med. Biol.* 2013. Vol. 788, issue 4. P. 375–383.
8. Юркевич В. Проблема эмоционального интеллекта // *Вестн. практ. психол. образования.* 2005. № 3. С. 4–10.
9. Чебыкин О. Я., Павлова И. Г. Становлення емоційної зрілості в підлітковому та юнацькому віці // *Наука і освіта.* 2005. № 5–6. С. 180–186.
10. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0). Руководство. М., 2010.
11. Князев Г. Г., Митрофанова Л. Г., Разумникова О. Н. и др. Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта К. Барчард // *Психол. журн.* 2012. Т. 33, № 4. С. 112–120.
12. Hall J. A. Nonverbal sex differences: Communication accuracy and expressive style. Baltimore, 1984.
13. Овсянникова В. В. Роль когнитивных факторов в распознавании эмоциональных состояний : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2007.
14. Манянина Т. В. Эмоциональный интеллект в структуре психологической культуры личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Барнаул, 2010.
15. Люсин Д. В. Введение // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2009. С. 38–56.
16. Александрова А. А., Гудкова Т. В. Гендерный аспект в изучении эмоционального интеллекта у подростков // *Молод. ученый.* 2013. № 5. С. 617–622.
17. Давыдова Ю. В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2011.
18. Feingold A. Cognitive gender differences are disappearing // *Am. Psychol.* 1988. Vol. 43. P. 95–103.
19. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2005.
20. Eisenberg N. The development of prosocial values // *Social and moral values: Individual and social perspectives* / N. Eisenberg, J. Reykowski, E. Staub (eds). Hillsdale, 1989. P. 175–197.
21. Benenson J. F., Benarroch O. Gender differences in social networks // *J. Early Adolesc.* 1990. Vol. 10. P. 472–495.
22. Stoppard J. M., Gunn Grushy C. D. Gender, context and expression of positive emotion // *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1993. Vol. 19, № 2. P. 143–150.
23. Баданина Л. П. Соотношение психологических и нейропсихологических коррелятов эмоциональной неустойчивости у младших школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. СПб., 1996.
24. Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1974.
25. Андреева И. Н. Гендерные различия в структуре эмоционального интеллекта у студентов // *Женщина. Образование. Демократия : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 10–11 дек. 2004 г.).* Минск, 2004. С. 282–285.

References

1. Ciarrochi J. V., Chan A. Y., Caputi P. A critical evaluation of the emotional intelligence construct. *Pers. Individ. Differ.* 2000. Vol. 28, issue 3. P. 539–561. DOI: 10.1016/S0191-8869(90)00119-1.
2. Bar-On R., Parker J. D. The handbook of emotional intelligence: theory, development, assessment, and application at home, school and in the workplace. San-Francisco, 2000.
3. Goleman D. Emotional intelligence. New York, 2005.
4. Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. London, 1994.
5. Mavroveli S., Petrides K. V., Rieffe C., et al. Trait emotional intelligence, psychological well-being, and peer-rated social competence in adolescence. *Br. J. Dev. Psychol.* 2007. Vol. 25, No. 2. P. 263–275. DOI: 10.1348/026151006x118577.
6. Petrides K. V., Furnham A. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established traits taxonomies. *Eur. J. Pers.* 2001. Vol. 15, issue 6. P. 425–448. DOI: 10.1002/per.416.
7. Pokorski M., Faron-Lasyk A., Borecki L. Altruistic aptitude: age-dependent influence of temperament and emotional intelligence. *Adv. Exp. Med. Biol.* 2013. Vol. 788, issue 4. P. 375–383. DOI: 10.1007/978-94-007-6627-351.
8. Yurkevich V. [The problem of emotional intelligence]. *Vestnik prakt. psikhologii i obraz.* 2005. No. 3. P. 4–10 (in Russ.).
9. Chebykyn O. I., Pavlova I. G. [Becoming emotional intelligence in the age of adolescence and youth]. *Nauka i osvita.* 2005. No. 5–6. P. 180–186 (in Ukrainian).
10. Sergienko E. A., Vetrova I. I. [Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT v. 2.0). Guidance]. Moscow, 2010 (in Russ.).
11. Knyazev G. G., Mitrofanova I. G., Razumnikova O. N., et al. [Adaptation of the Russian version of the Barchard's Emotional Intelligence (EI) Scale]. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2012. Vol. 33, No. 4. P. 112–120 (in Russ.).
12. Hall J. A. Nonverbal sex differences: Communication accuracy and expressive style. Baltimore, 1984.

13. Ovsiannikova V. V. [The role of cognitive factors in identification of emotional states] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.01. Moscow, 2007 (in Russ.).
14. Manyanina T. V. [Emotional intelligence in the structure of psychological culture of personality] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.01. Barnaul, 2010 (in Russ.).
15. Liusin D. V. [Introduction]. In: D. V. Lysin, D. V. Ushakov (eds). *Social'nyi i emotsional'nyi intellect. Ot protsessov k izmeneniyam*. Moscow, 2007. P. 38–56 (in Russ.).
16. Alexandrova A. A., Gudkova T. V. [Gender aspect in investigation of adolescents' emotional intelligence]. *Molodoi uchenyi [Yong Sci.]*. 2013. No. 5. P. 617–622 (in Russ.).
17. Davydova Y. V. [Emotional intelligence: essential features, structure and particularities of manifestation in the adolescence] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.01. Moscow, 2011 (in Russ.).
18. Feingold A. Cognitive gender differences are disappearing. *Am. Psychol.* 1988. Vol. 43. P. 95–103. DOI: 10.1037/0003-066.43.2.95.
19. Il'in E. P. [Differential psychophysiology of man and woman]. Saint Petersburg, 2003 (in Russ.).
20. Eisenberg N. The development of prosocial values. In: N. Eisenberg, J. Reykowski, E. Staub (eds). *Social and moral values: Individual and social perspectives*. Hillsdale, 1989. P. 175–197.
21. Benenson J. F., Benarroch D. Gender differences in social networks. *J. Early Adolesc.* 1990. Vol. 10. P. 472–495.
22. Stoppard J. M., Gunn Grushy C. D. Gender, context and expression of positive emotion. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1993. Vol. 19, No. 2. P. 143–150.
23. Badanina L. P. [Psychological and neuropsychological correlation ratio of emotional instability among junior school child] : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.01. Saint Petersburg, 1996 (in Russ.).
24. Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1974.
25. Andreeva I. N. [Gender differences in the students' structure of emotional intelligence]. *Zhenshchina. Obrazovaniye. Demokratiya* : materialy VII mezhdunarodnoii nauchno-prakticheskoi konf. (Minsk, 10–11 Dec. 2004). Minsk, 2004. P. 282–285 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.08.2017.
Received by editorial board 09.08.2017.

УДК 159.923

РЕВНОСТЬ В ТРИАДИЧЕСКИХ ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Л. А. ШОСТАК¹⁾, И. А. ФУРМАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются понятия дружеской ревности, ревности в триадических дружеских отношениях – в однополой и разнополой дружбе, подразумевающей участие трех субъектов: ревнующего индивида, ревнуемого индивида и конкурента. Описывается социальный треугольник ревности: первичные (основные), вторичные и третичные (конкурирующие, неблагоприятные) отношения. Установлена и представлена классификация ситуаций ревности в триадических дружеских отношениях: партнеры и конкурент, принадлежащие к одному полу; партнеры одного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола; партнеры разного пола и конкурент одного с ревнующим индивидом пола; партнеры разного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола.

Ключевые слова: дружеская ревность; ревность в триадических дружеских отношениях; социальный треугольник ревности; типы ситуаций ревности в дружеских треугольниках.

THE JEALOUSY IN THE TRIADIC RELATIONS OF FRIENDSHIP

L. A. SHOSTAK^a, I. A. FOURMANOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: L. A. Shostak (mila_shostak@mail.ru)

This article reveals the notion of friendly jealousy, jealousy in triadic friendships (the same-sex and different-sex friendship), including three subjects of relations: a jealous individual, a relationship partner and a competitor. A social triangle of jealousy is described: primary (basic), secondary and tertiary (competing, unfavorable) relationships. Classification

Образец цитирования:

Шостак Л. А., Фурманов И. А. Ревность в триадических дружеских отношениях // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 103–109.

For citation:

Shostak L. A., Fourmanov I. A. The jealousy in the triadic relations of friendship. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 103–109 (in Russ.).

Авторы:

Людмила Александровна Шостак – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Liudmila A. Shostak, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

mila_shostak@mail.ru

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

fourmigor@gmail.com

of situations of jealousy in triadic friendly relations is presented: partners and a competitor of the same sex; partners of the same sex and a competitor of different sex with a jealous individual; partners of different sexes and a competitor of one sex with a jealous individual; partners of different sexes and a competitor of the opposite sex with a jealous individual.

Key words: friendly jealousy; jealousy in triadic friendly relations; social triangle of jealousy; types of situations of jealousy in friendly triangles.

В близких отношениях ревность проявляется как одно из наиболее интенсивных, разрушительных и болезненных чувств. Феномен ревности присутствует в любых взаимоотношениях (например, между романтическими, дружескими партнерами), которые характеризуются большой силой, частотой, взаимозависимостью и устойчивостью во времени. Однако ревнивое поведение, широко исследуемое в романтической связи, остается малоизученным в сфере дружеских отношений.

Ревность (англ. *jealousy*) – особое эмоциональное состояние, специфическая форма тревоги, возникающая из-за недостатка уверенности в привязанности того, кого любит индивид [1]. В зарубежной литературе ряд авторов раскрывают понятие ревности через сигнал угрозы близким отношениям, определяя ревность как реакцию на фактический или ожидаемый интерес партнера к другому индивиду и/или реальные отношения с ним, основанные на восприятии потенциального конкурента (мишени для агрессии) [2]. Как отмечают А. М. Пайнс и К. Ф. Боус [3], ревность является реакцией на реальную или воображаемую угрозу ценным отношениям. По мнению Г. Л. Хансена [4], ревность – это защитная реакция индивида на реальную или предполагаемую угрозу ценным отношениям, являющаяся результатом ситуаций, в которых активность партнера связана с другим индивидом, что противоречит «правилам» близких взаимоотношений.

Чувство ревности предполагает существование двух основных типов угрозы, которую может чувствовать или подразумевает индивид: 1) угроза самости через неблагоприятное социальное сравнение с третьим лицом или непринятие высокозначимым партнером [5]; 2) повышенное беспокойство из-за того, что близкие отношения с партнером подвергаются опасности и могут завершиться или стать менее благополучными [6].

Отличительная особенность ревности состоит в том, что она возникает в результате межличностной триангуляции (от англ. *triangle* – треугольник). Социальный треугольник ревности включает трех субъектов межличностных отношений: 1) *ревнующего индивида*, который испытывает тревогу и беспокойство по поводу отношений между партнером и третьим лицом (конкурентом); 2) *ревнуемого индивида* (партнера по отношениям); 3) *конкурента* (рис. 1).

В социальном треугольнике выделяют три двух-элементных (диадических) взаимодействия, составляющих межличностную триаду:

1) первичные (основные) отношения, которые существуют между партнерами;

2) вторичные отношения, которые возникают между одним из партнеров и третьим лицом (конкурентом);

3) третичные (конкурирующие, неблагоприятные) отношения, которые формируются между ревнующим индивидом и конкурентом.

Рис. 1. Социальный треугольник ревности в межличностных отношениях

Fig. 1. The social triangle of jealousy in interpersonal relationships

Согласно Р. Г. Бринглу и Б. Буунку, ревность – это любая неблагоприятная реакция, вызываемая вне-диадическими отношениями близкого партнера с другим индивидом, которые являются реальными, предполагаемыми или принимаемыми во внимание либо с большой вероятностью могут возникнуть в будущем [7, с. 135].

Первичные, вторичные и третичные отношения составляют коммуникативную систему ревности в социальном треугольнике, где каждый индивид имеет собственные когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции, возникшие в результате воспринятой потери исключительности диадического взаимодействия. Структура ревности состоит из трех взаимосвязанных компонентов: когний, эмоций и поведения. Как отмечают Г. Л. Уайт и П. Э. Муллен [8], обычно это мысли о мести в результате сравнения себя с конкурентом, чувства гнева и ярости, а также действия с намерением разрушить конкурентные отношения. При этом, по мнению С. В. Дака [9], ревнивое поведение является межличностной диадной активностью, которая предполагает как интерактивную вовлеченность, так и коммуникационные последствия. Например,

если индивид в дружеских отношениях переживает фактическое предательство, обман со стороны партнера (близкого друга или подруги) с третьим лицом (конкурентом), то ревнующий индивид на когнитивном уровне может испытывать ревностные мысли, на эмоциональном уровне – чувствовать гнев из-за утраты близких, значимых отношений, на поведенческом уровне – выражать партнеру беспокойство по поводу угрозы разрушения дружеской связи и/или проявлять агрессию, направленную на конкурента.

Ревность в дружеских отношениях – это негативная когнитивная, эмоциональная или поведенческая реакция, вызванная фактическим или ожидаемым интересом партнера (близкого друга или подруги) к другому индивиду и (или) реальными отношениями с ним [2]. Чувство ревности возникает по причине фактического или предполагаемого неприятия партнером. При этом тип неприятия, вызывающий ревность, можно рассматривать как уникальный, поскольку он заключается в межличностной потере значимого индивида или приводит к ослаблению близких отношений с ним.

Дружеская ревность – это психический феномен (интеграция эмоций, мыслей и действий), возникающий в ситуациях, когда активность партнера (близкого друга или подруги) связана с вовлеченностью в отношения за пределами диадической дружбы с другим индивидом, который восприни-

мается как угрожающий конкурент. Под диадической дружбой понимается вид устойчивых, индивидуально-избирательных значимых отношений субъекта с его партнером (близким другом или подругой), характеризующихся взаимной привязанностью, взаимными ожиданиями ответных чувств и предпочтительностью. Такой дружбе свойственны добровольность и индивидуальная избирательность (в отличие от родства, обусловленного принадлежностью к одной группе), личностный характер (в противоположность, например, деловым отношениям), внутренняя близость и интимность (в отличие от простого приятельства), устойчивость.

Ревность в дружеских отношениях возникает и проявляется в следующих ситуациях:

- 1) партнеры и конкурент, принадлежащие к одному полу;
- 2) партнеры одного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола;
- 3) партнеры разного пола и конкурент одного с ревнующим индивидом пола;
- 4) партнеры разного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола.

В соответствии с этой классификацией можно выделить четыре типа ситуаций ревности в дружеских треугольниках. Первый подразумевает однополые отношения между женщинами или мужчинами и конкурент соответствующего пола (рис. 2).

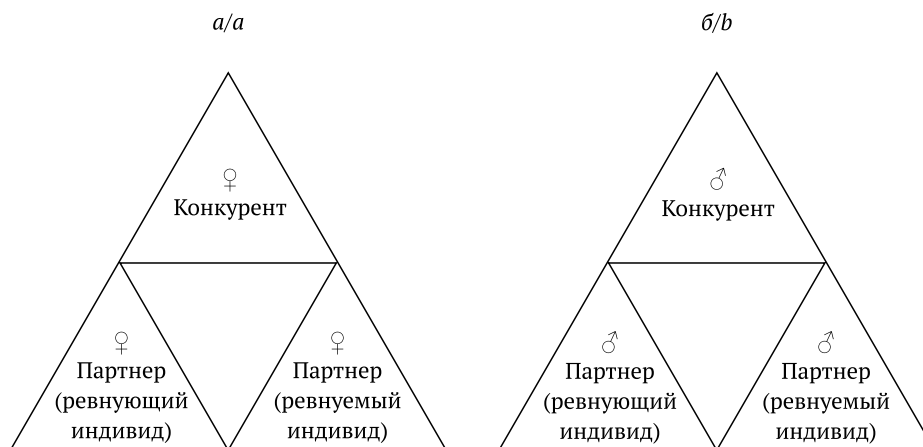

Рис. 2. Первый тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках: однополые отношения между женщинами (а) или мужчинами (б) и конкурент соответствующего пола

Fig. 2. The first type of situations of jealousy in friendly triangles: same-sex relationships between women (a) or men (b) and competitive sex

Однополая дружба – это диадические относительно устойчивые и продолжающиеся определенное время отношения между женщинами или мужчинами, которым свойственна взаимная привязанность, основанная на положительных эмоциях. Исследователи выявили, что женщины придают большее значение дружеским отношениям, чем мужчины, в частности в удовлетворении межличностных по-

требностей, поэтому в однополой дружбе мужчины сообщают о меньшем числе случаев встреч, уединения, самораскрытия и тесной взаимосвязи, чем женщины [2; 10; 11]. Следовательно, можно предположить, что женщины в однополой дружбе ревнивей мужчин и сильнее огорчаются из-за обстоятельств, связанных с началом дружеских отношений близкой подруги с третьим лицом [12; 13].

Второй тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках также подразумевает однополую дружбу между женщинами или мужчинами (рис. 3). Однако в отличие от первого типа здесь конкурент является лицом противоположного ревнующему индивиду пола. Исследований данного типа дружеских треугольников в литературе не обнаружено.

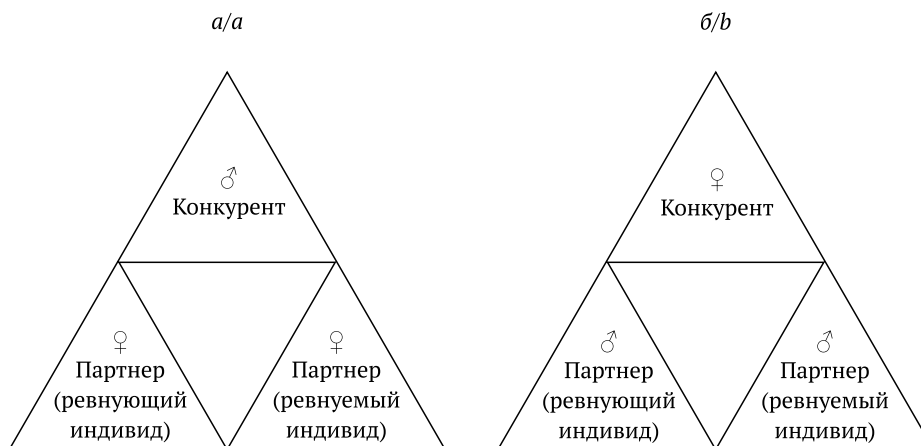

Рис. 3. Второй тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках: однополые отношения между женщинами (а) или мужчинами (б) и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола

Fig. 3. The second type of situations of jealousy in friendly triangles: same-sex relationships between women (a) or men (b) and the competitor of the opposite sex to a jealous individual

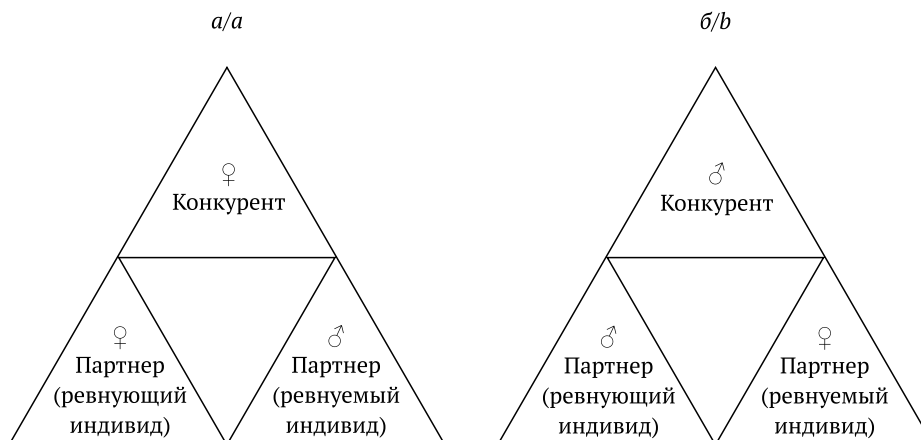

Рис. 4. Третий тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках: разнополые отношения (а, б) и конкурент одного с ревнующим индивиду пола

Fig. 4. The third type of situations of jealousy in friendly triangles: heterosexual relations (a, b) and the competitor of the same gender with a jealous individual

Романтические отношения – это диадические отношения между мужчиной и женщиной, характеризующиеся высокой избирательностью, относительной устойчивостью и основанные на сильных положительных или амбивалентных эмоциях, физиологически обусловленных сексуальными потребностями и выражающихся в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств [14]. В романтических отно-

Третий тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках описывает разнополую дружбу между партнерами и появление конкурента одного с ревнующим индивиду пола (рис. 4). Эти дружеские отношения имеют сходство с романтическими, где ревность возникает между партнерами, один из которых вступил в связь с третьим лицом.

шениях выделяют два вида ревности – сексуальную и эмоциональную. Первая возникает в ответ на сексуальную неверность партнера, вторая является реакцией на эмоциональную неверность. Было установлено, что мужчины испытывают более сильную ревность в случае сексуальной измены, тогда как женщины острее переживают ситуации эмоциональной неверности партнера [15–17].

Разнополая дружба – это диадические относительно устойчивые и продолжающиеся определенное время неромантические отношения, предполагающие взаимодействие между мужчиной и женщиной, которые испытывают взаимную привязанность, основанную на положительных эмоциях. Неромантические отношения не исключают страсти или сексуального влечения между разнополыми друзьями, однако не предусматривают романтических обрядов ухаживания. По сравнению с романтическими отношениями разнополая дружба подразумевает менее обязательные требования к преданности и менее исключительную принадлежность к близким отношениям. Согласно исследованиям Дж. Л. Биван и мужчины, и женщины,

мотивированные романтическим интересом к своим друзьям противоположного пола, будут ревнивее немотивированных индивидов [18; 19]. Ученые К. С. Аун и Дж. Комсток отмечают, что индивиды в разнополой дружбе переживают ревность в гораздо меньшей степени, чем партнеры в романтических отношениях [20; 21].

Четвертый тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках подразумевает разнополую дружбу между партнерами (рис. 5). Однако в отличие от третьего типа дружеских треугольников здесь конкурент является лицом противоположного ревнующему индивиду пола. Подобные дружеские треугольники также не были исследованы учеными.

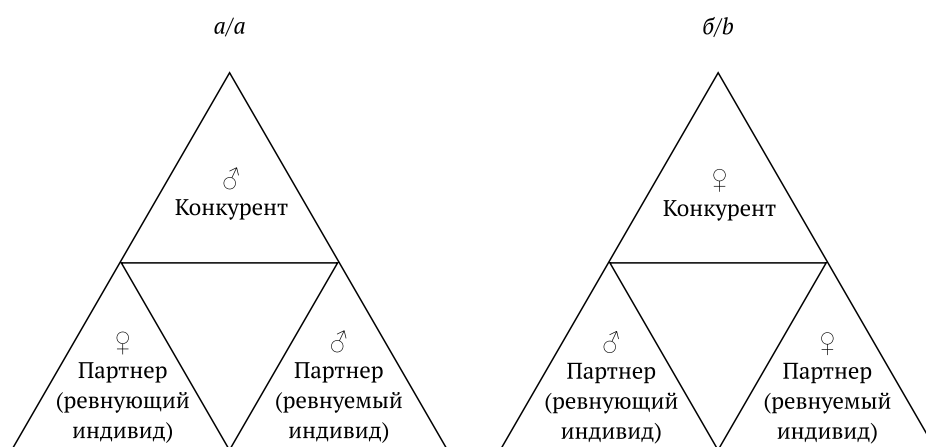

Рис. 5. Четвертый тип ситуаций ревности в дружеских треугольниках: разнополые отношения (а, б) и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола

Fig. 5. The fourth type of situations of jealousy in friendly triangles: heterosexual relationships (a, b) and the competitor of the opposite sex to a jealous individual

Таким образом, дружеская ревность возникает в триадических отношениях между партнерами в однополой или разнополой дружбе и подразумевает участие трех субъектов отношений: ревнующего индивида, ревнуемого индивида (партнера по отношению – близкого друга или подругу) и конкурента. Исходя из этого, нами разработана классификация типов ситуаций в триадических дружеских отношениях, в которых может проявляться ревность: партнеры и конкурент одного пола; партнеры одного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола; партнеры разного пола и конкурент одного с ревнующим индивидом пола; партнеры разного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола.

Анализ исследования ревности в дружеских отношениях выявил недостаточную практическую разработанность этой темы в различных ситуациях дружеских треугольников. В связи с этим в рамках научного исследования, направленного на изучение ревности в ситуациях дружеской три-

ангуляции, нами была разработана и валидизирована методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях» (КРРДО) [22], которая позволила выявить 10 коммуникативных реакций на ревность (с позиции как ревнующего, так и ревнуемого партнера) в однополой и разнополой дружбе. Их можно разделить на две группы: 1) интерактивные реакции на ревность, предполагающие взаимодействие партнеров друг с другом или избегание непосредственного взаимодействия (интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия, активное дистанцирование, насильственное взаимодействие, угрозы, избегание/отрицание, дистрибутивная коммуникация); 2) поведенческие (некоммуникативные) реакции на ревность, не всегда предполагающие взаимодействие с партнером (контроль/ограничение, компенсация/замещение, манипуляция, контакт с соперником). В зависимости от пола респондента разработаны два варианта опросника КРРДО – для мужчин и женщин.

Библиографические ссылки

1. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М., 2003.
2. Parker J. G., Lowe C. M., Walker A. R., et al. Friendship jealousy in young adolescents: Assessment of individual differences and links to sex, self-esteem, aggression, and social adjustment // *Dev. Psychol.* 2005. Vol. 41, № 1. P. 235–250.
3. Pines A. M., Bowes C. F. Romantic Jealousy: How to recognize where jealousy comes from and how to cope with it // *Psychol. Today*. 1992. № 3. P. 8–16.
4. Hansen G. L. Jealousy: Its conceptualization, measurement, and integration with family stress theory // *The psychology of jealousy and envy* / ed. by P. Salovey. New York, 1991. P. 211–230.
5. Sharpsteen D. J. The effects of relationship and self-esteem threats on the likelihood of romantic jealousy // *J. Soc. Pers. Relat.* 1995. Vol. 12, № 1. P. 89–101.
6. Bringle R. G., Buunk B. Jealousy in love relationships // *Intimate relationships: Development, dynamics, and deterioration* / ed. by D. Perlman, S. Duck. Newbury Park, 1987. P. 209–237.
7. Bringle R. G., Buunk B. Extradyadic relationships and sexual jealousy // *Sexuality in close relationships* / ed. by K. McKinney, S. Sprecher. Hillsdale, 1991. P. 135–153.
8. White G. L., Mullen P. E. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies. New York, 1989.
9. Duck S. W. Human relationships. 2nd ed. Newbury Park, 1992.
10. Maccoby E. E. Gender as a social category // *Dev. Psychol.* 1988. Vol. 24. P. 755–765.
11. Rose A. J., Rudolph K. D. A review of sex differences in peer relationship processes: Potential trade-offs for the emotional and behavioral development of girls and boys // *Psychol. Bull.* 2006. Vol. 132. P. 98–131.
12. Brown L. M., Way N., Duff J. L. The others in my life: Adolescent girls' friendships and peer relations // *Beyond appearance: A new look at adolescent girls* / ed. by N. G. Johnson, M. C. Roberts, J. Worell [et. al.]. Washington, 1999. P. 205–226.
13. Crick N. R., Grotpeter J. K. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment // *Child Dev.* 1995. Vol. 66, № 3. P. 710–722.
14. Смирнова Н. С. Аналитический обзор исследований неверности и измены в романтических отношениях // Вестн. Костром. гос. ун-та. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2003. Т. 19, № 11. С. 117–121.
15. Edlund J. E. Sex differences in jealousy in response to actual infidelity // *Evolutionary Psychol.* 2006. № 4. P. 462–470.
16. Sagarin B. J., Martin A. L., Coutinho S. A., et al. Sex differences in jealousy: A meta-analytic examination // *Evolution Hum. Behav.* 2012. Vol. 33, issue 6. P. 595–614.
17. Shackelford T. K., Voracek M., Schmitt D. P., et al. Romantic jealousy in early adulthood and in later life // *Hum. Nat.* 2004. Vol. 15, № 3. P. 283–300.
18. Bevan J. L., Samter W. Toward a broader conceptualization of jealousy in close relationships // *Commun. Stud.* 2004. Vol. 55, issue 1. P. 14–28.
19. Bevan J. L. Expectancy violation theory and sexual resistance in close, cross-sex relationships // *Commun. Monogr.* 2003. Vol. 70 (1). P. 68–82.
20. Aune K. S., Comstock J. Experience and expression of jealousy: Comparison between friends and romantics // *Psychol. Rep.* 1991. № 69. P. 315–319.
21. Aune K. S., Comstock J. The effect of level of relationship development on the experience, expression, and perceived appropriateness of jealousy // *J. Soc. Psychol.* 1997. № 137. P. 23–32.
22. Фурманов И. А., Шостак Л. А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях» // 36. нав. прац Акад. паслядыпл. адукацыі / пад рэд. А. П. Манастырнага. Вып. 14. Мінск, 2016. P. 464–477.

References

1. Reber A. (ed.). [Oxford dictionary of psychology]. Moscow, 2003 (in Russ.).
2. Parker J. G., Lowe C. M., Walker A. R., et al. Friendship jealousy in young adolescents: Assessment of individual differences and links to sex, self-esteem, aggression, and social adjustment. *Dev. Psychol.* 2005. Vol. 41, No. 1. P. 235–250.
3. Pines A. M., Bowes C. F. Romantic Jealousy: How to recognize where jealousy comes from and how to cope with it. *Psychol. Today*. 1992. No. 3. P. 8–16.
4. Hansen G. L. Jealousy: Its conceptualization, measurement, and integration with family stress theory. In: P. Salovey (ed.). *The psychology of jealousy and envy*. New York, 1991. P. 211–230.
5. Sharpsteen D. J. The effects of relationship and self-esteem threats on the likelihood of romantic jealousy. *J. Soc. Pers. Relat.* 1995. Vol. 12, issue 1. P. 89–101.
6. Bringle R. G., Buunk B. Jealousy in love relationships. In: D. Perlman, S. Duck (eds). *Intimate relationships: Development, dynamics, and deterioration*. Newbury Park, 1987. P. 209–237.
7. Bringle R. G., Buunk B. Extradyadic relationships and sexual jealousy. In: K. McKinney, S. Sprecher (eds). *Sexuality in close relationships*. Hillsdale, 1991. P. 135–153.
8. White G. L., Mullen P. E. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies. New York, 1989.
9. Duck S. W. Human relationships. 2nd ed. Newbury Park, 1992.
10. Maccoby E. E. Gender as a social category. *Dev. Psychol.* 1988. Vol. 24. P. 755–765.
11. Rose A. J., Rudolph K. D. A review of sex differences in peer relationship processes: Potential trade-offs for the emotional and behavioral development of girls and boys. *Psychol. Bull.* 2006. Vol. 132. P. 98–131.
12. Brown L. M., Way N., Duff J. L. The others in my life: Adolescent girls' friendships and peer relations. In: N. G. Johnson, M. C. Roberts, J. Worell (eds). *Beyond appearance: A new look at adolescent girls*. Washington, 1999. P. 205–226.
13. Crick N. R., Grotpeter J. K. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment. *Child Dev.* 1995. Vol. 66, No. 3. P. 710–722.
14. Smirnova N. S. [Analytical review of the studies of infidelity and betrayal in romantic relations]. *Vestnik Kostromskogo gos. univ. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2003. Vol. 19, No. 11. P. 117–121 (in Russ.).

15. Edlund J. E. Sex differences in jealousy in response to actual infidelity experiences. *Evolutionary Psychol.* 2006. No. 4. P. 462–470.
16. Sagarin B. J., Martin A. L., Countinho S. A., et al. Sex differences in jealousy: A meta-analytic examination. *Evolution and Hum. Behav.* 2012. Vol. 33, issue 6. P. 595–614.
17. Shackelford T. K., Voracek M., Schmitt D. P., et al. Romantic jealousy in early adulthood and in later life. *Hum. Nat.* 2004. Vol. 15, No. 3. P. 283–300.
18. Bevan J. L., Samter W. Toward a broader conceptualization of jealousy in close relationships. *Commun. Stud.* 2004. Vol. 55, issue 1. P. 14–28.
19. Bevan J. L. Expectancy violation theory and sexual resistance in close, cross-sex relationships. *Commun. Monogr.* 2003. Vol. 70 (1). P. 68–82.
20. Aune K. S., Comstock J. Experience and expression of jealousy: Comparison between friends and romantics. *Psychol. Rep.* 1991. No. 69. P. 315–319.
21. Aune K. S., Comstock J. The effect of level of relationship development on the experience, expression, and perceived appropriateness of jealousy. *J. Soc. Psychol.* 1997. No. 137. P. 23–32.
22. Fourmanov I. A., Shostak L. A. [Tactics of behaviour in the situation of experiencing jealousy: the technique «Communicative reactions to jealousy in friendly relations»]. In: A. P. Manastyryny. *Zbornik navukovyh prac Akadjiemy pasljdyplovnaj adukacyi*. Vol. 14. Minsk, 2016. P. 464–477 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.04.2017.
Received by editorial board 17.04.2017.

ПРОБЛЕМА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ПСИХОЛОГОВ

А. С. СОЛОДУХО¹⁾, Г. А. ФОФАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема конкурентоспособности молодых специалистов-психологов. Демонстрируется специфика применения понятия «конкурентоспособность» по отношению к оценке компетенций выпускников-психологов. Особое внимание уделено требованиям рынка труда Беларуси применительно к специалистам-психологам. Приводятся критерии оценки конкурентоспособности с точки зрения компетентностного подхода. Раскрывается понятие ключевых компетенций. Анализируется роль когнитивных искажений в оценке специалистов-психологов потенциальными работодателями.

Ключевые слова: конкурентоспособность; компетенции; когнитивные искажения; психология.

THE PROBLEM OF COMPETITIVENESS OF YOUNG PROFESSIONAL PSYCHOLOGISTS

A. S. SALADUKHA^a, G. A. FOFANOVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: A. S. Saladukha (asoloduho@gmail.com)

The article is dealt with the problem of competitiveness of graduate psychologists. Differences in the application of the concept of competitiveness in relation to assessing the competencies of graduates of the department of psychology are demonstrated. The requirements of the labor market of Belarus in relation to professional psychologists are considered. Criteria of evaluation of the competitiveness from the point of view of the competence approach are demonstrated. The concept of «key competencies» is considered. The role of cognitive biases in the evaluation of professional psychologists by potential employers is analyzed.

Key words: competitiveness; competence; cognitive biases; psychology.

Конкурентоспособность – одна из значимых проблем не только для молодого специалиста, но и для учреждения образования, которое его выпускает. Ситуация на рынке труда Республики Беларусь, мировые тренды в системе высшего образования и постепенная интеграция нашей стра-

ны в европейское образовательное пространство ставят перед студентами и преподавателями круг задач, решение которых требует включения в поле анализа реалий не только высшей, но и средней школы, а также системы и правил поступления в учреждения высшего образования (УВО).

Образец цитирования:

Солодухо А. С., Фофанова Г. А. Проблема конкурентоспособности молодых специалистов-психологов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 110–115.

For citation:

Saladukha A. S., Fofanova G. A. The problem of competitiveness of young professional psychologists. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 110–115 (in Russ.).

Авторы:

Александр Сергеевич Солодухо – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Галина Александровна Фофанова – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Aliaksander S. Saladukha, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

asoloduho@gmail.com

Galina A. Fofanova, senior lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

gfofanova@gmail.com

Однако к настоящему времени можно констатировать значительное снижение уровня профессиональной ориентированности абитуриентов. К этому приводит отсутствие целенаправленного грамотного информирования о специальностях профориентационными центрами и массмедиа, а также сама система поступления, когда основой выбора факультета и специальности нередко становится не интерес или способности к будущей профессии, а прагматичный подсчет баллов централизованного тестирования и, следовательно, предпочтение учреждения высшего образования в зависимости от проходного балла. Кроме того, будущие специалисты вынуждены ориентироваться на образы профессий, транслируемые СМИ и ближайшим окружением, как правило искаженные и далекие от реальности. По этой причине возрастает актуальность профессионализации и формирования у студентов соответствующего действительности образа будущей профессии, осознания выпускниками своих сильных и слабых сторон как специалистов, что потенциально повысит их конкурентоспособность на рынке труда после получения диплома о высшем образовании.

Традиционно проблема конкурентоспособности выпускника УВО рассматривается с точки зрения наличия у него определенных знаний, навыков и умений, которые, как правило, прилагаются к конкретной области профессиональной деятельности. Эта позиция, в частности, представлена в работе А. В. Козлова, где констатируется, что выпускники, обладающие отличными знаниями, прекрасными умениями и практическими навыками в своей сфере подготовки, далеко не всегда конкурентоспособны на рынке труда [1]. Выход из этой ситуации автор видит в развитии у студентов уверенности в собственной квалификации, а также в формировании у них профессиональных целей. При этом в качестве основных направлений понятия профессиональной уверенности рассматриваются профессиональное мастерство, достойное поведение и благоприятный имидж специалиста.

Болонский процесс, ставящий своей целью создание единого европейского пространства высшего образования, ориентируясь на компетентностный подход, актуализирует внимание к новому типу человеческой жизнедеятельности и способствует более адекватному отношению к профессиям с «плавающими» границами, к которым, безусловно, относится и профессия психолога. С одной стороны, это приводит к разрушению профессиональной замкнутости и возможности более разноплановой реализации личности в трудовом пространстве, с другой – к возрастанию рисков, связанных с повышением конкуренции в сегменте «человек – человек», к которому относится большое количество специальностей и профессий.

Компетентностный подход в высшем образовании перекликается с сутью психологической профессии, поскольку в его основе лежат принципы, предполагающие целостный опыт решения жизненных проблем, выполнения множества функций и социальных ролей. Компетентность в данном случае не вытекает напрямую из собственно обучения, а является следствием саморазвития человека, его личностного роста, самоорганизации и обобщения деятельностного и персонального опыта [2]. В этой трактовке сущности компетентностного подхода содержатся признаки социализации личности, одного из ключевых понятий социальной психологии. Поддержка и развитие институтов социализации, психологическая помощь в преодолении барьеров на пути социального развития человека – одна из целей современной психологической практики. Сложно представить, каким образом выпускники отделения психологии способны справиться с данной задачей. Именно поэтому столь актуальной является оценка ситуации, связанной с конкурентоспособностью выпускников отделения психологии.

Если рассматривать конкурентоспособность применительно к любому товару, то смысл этого понятия заключается в относительной и обобщенной характеристике, выражающей его выгодные отличия от товара-конкурента в области удовлетворения потребности и затрат. Комплекс конкурентоспособности любого товара может включать в себя три группы параметров: 1) технические; 2) экономические; 3) социально-организационные [3]. Такая оценка несколько диссонирует с присутствующим в психологической этике отношением к человеку как высшей ценности, которую практически невозможно подвергнуть квантификации. Тем не менее попытаемся применить данный подход к оценке конкурентоспособности выпускника университета.

В группу технических параметров входят специальность и специализация, объем освоенной программы в часах, дисциплинах, уровнях подготовки, соответствие стандарту, образовательному ориентиру и стратегии, цели и содержанию профессионального обучения, а также получаемый квалификационный документ. Конкурентоспособность белорусского выпускника во многом зависит от конкурентоспособности УВО и даже является функцией последнего. Если часы, объем усвоенной информации и диплом задаются государственным стандартом (унифицированы), а программы и планы являются не столь гибкими, чтобы отвечать запросам производственной сферы, то специальность и специализация играют немаловажную роль при трудоустройстве, поскольку неодинаково востребованы на рынке профессий и имеют разный статус. Следовательно, предъявляемые

работодателями требования к носителям непрестижных и невостребованных специальностей будут жестче. Особенность белорусского рынка труда – внимание к форме собственности УВО. Отечественный работодатель демонстрирует определенный уровень доверия государственному высшему образованию. В качестве основных аргументов называются следующие: 1) государственные УВО предлагают более широкий перечень профессий всех направлений; 2) наблюдения преподавателей показывают, что контингент студентов государственных и частных УВО разнится как по уровню подготовки (в том числе довузовской), так и по мотивации [3]. Помимо этого, сложно оценить конкурентные свойства выпускников с позиции ученой степени (бакалавр, специалист, магистр), поскольку эта категория имеет вес лишь в академической научной среде. Исходя из несовершенства инструментария оценки данных параметров, можно сделать вывод о том, что нередко работодатель выбирает специалиста на основании субъективных (иногда предвзятых) критериев.

Вторая составляющая оценки конкурентоспособности – экономические параметры, которые включают в себя затраты на подготовку специалиста (квалификация преподавательских и научных кадров, материально-техническое, нормативное оснащение, методическое сопровождение учебного процесса и т. д.). Специфичным для нашей страны является то, что нередко затраты на выпускника и прибыль от его деятельности принадлежат разным субъектам. Студент бюджетной формы обучения в будущем может приносить прибыль частному предприятию или другой стране, а студент, оплативший обучение по избыточной с точки зрения рынка труда специальности, обесценится как специалист, работая в иной сфере, либо потратится на дополнительное образование. Отсюда вытекает трудность в объективной оценке прибыльности/убыточности полученного образования для УВО и Министерства образования Республики Беларусь. Подобная проблема неоднократно возникала в ситуации целевой подготовки психологов.

Социально-организационные параметры конкурентоспособности характеризуются содержательной размытостью и еще большими трудностями в квантификации по сравнению с указанными выше. К ним относятся следующие позиции: учет социальной структуры потребителей (в данном случае самих выпускников и работодателей), национальных и региональных особенностей организации производства, социальный заказ на специалиста, спрос на рынке образовательных услуг, ситуация на рынке труда, конкурентность модели специалиста с учетом мировых стандартов.

Для Беларуси характерно сочетание советского и западного способов взаимодействия образова-

тельной и трудовой сфер. В основе первого лежит ставшая традиционной процедура распределения по критерию успеваемости, второй базируется на активности субъектов рынка в особенности студентов. Ситуация на рынке труда свидетельствует о более высоких требованиях к уровню образования выпускников университета со стороны негосударственного сектора интеллектуального труда и производства. Кроме того, некоторые выпускники являются целью для зарубежных работодателей (правда, специалистов-психологов это касается в меньшей степени, чем представителей естественных и технических направлений высшего образования). С одной стороны, государство и УВО теряют значительные средства, затраченные на подготовку уехавшего или ушедшего в частную сферу молодого специалиста, с другой – косвенно подтверждается конкурентоспособность его профессиональных, личных и деловых качеств.

Таким образом, в настоящее время наблюдается разрыв между рынком высшего образования, который ориентируется на запросы абитуриентов, и отечественным рынком труда, нацеленным на требования работодателя. Специфика выпускника как товара – конкурентоспособность и «длительность пользования». Именно поэтому для получения статуса конкурентоспособного специалиста требуется время. Между тем однажды завоеванная конкурентоспособность предъявляет повышенные требования к организации учебного процесса в УВО. Наем на работу молодого специалиста подтверждает его успех среди конкурентов, но не гарантирует пожизненного места. На передний план выходят вопросы, связанные с личностными особенностями выпускника. Казалось бы, в данной ситуации выпускники отделения психологии обладают несомненным конкурентным преимуществом, тем не менее когнитивные искажения, которые присутствуют в восприятии мира у каждой личности, часто его нивелируют [4].

В 1996 г. Совет Европы ввел в широкий обиход понятие ключевых компетенций, которые определяются как «необходимые каждому образованному человеку вне зависимости от его профессиональной подготовки». В число таких компетенций вошли политические и социальные, поликультурные, коммуникативные, технологические, когнитивные [5]. Это отражает социальную сущность жизни человека в современном обществе, особенности взаимодействия и общения, а также использования информационных технологий. Позднее список ключевых компетенций видоизменился и приобрел следующие очертания: 1) общение на родном языке; 2) общение на иностранных языках; 3) математическая грамотность и базовые компетенции в науке и технологиях; 4) компьютерная грамотность; 5) освоение навыков обучения;

6) социальные и гражданские компетенции; 7) чувство новаторства и предпринимательства; 8) осведомленность и способность выражать себя в культурной сфере [6]. В этом перечне компетенций соседствуют совершенно разные составляющие предметов различных социальных наук, однако они преимущественно относятся к сфере социальной психологии (позиции 6, 7 и 8), общей психологии (1 и 2) и педагогической психологии (5). Кроме того, встречаются простые навыки и умения, сложные мотивационные комплексы, социальные и этнические установки, социальные репрезентации и единицы анализа социальной информации. Эти важные составляющие предмета социальных наук (психологии и социологии) часто выступают в качестве психологических средств, которые формируют картину мира личности и задают устойчивые поведенческие паттерны.

Динамика спроса на специалистов определенного профиля и квалификации на белорусском рынке труда вступила в противоречие с традиционной системой их подготовки, номенклатурой специальностей и специализаций, периодом подготовки конкретного специалиста. Студенты хотят пройти факультативные курсы дисциплин, приобрести дополнительные умения и знания. Об этой тенденции свидетельствуют и итоги изучения потребностей студентов Центром социальных и политических исследований БГУ. Результаты опроса показывают, что выпускникам для будущей работы не хватает знания иностранных языков (60 %), основ управления и экономики, организаторских навыков (55 %), а также узкопрофессиональных знаний (33 %) [3]. Выпускник понимает, что при переходе от учебы к работе ему недостаточно того багажа знаний и умений, которые дает университет, поскольку работодатели предъявляют более широкие требования.

С точки зрения университета конкурентоспособность выпускника сводится к его соответствию требованиям государственных образовательных стандартов, предусмотренных для каждой конкретной специальности, которые, к сожалению, нередко идут вразрез с ожиданиями работодателей. Ориентация УВО на удовлетворение желаний молодых людей без учета состояния рынка труда представляется несоответствующей функциям института образования. В то же время некорректно ожидать от УВО исключительно удовлетворения актуальных потребностей экономики без учета устремлений молодежи. Институт образования – сложный, тонко организованный организм, занимающий особое положение в обществе. Именно по этой причине попытка представить развитие компетентностной модели линейно, игнорируя факторы социального, культурного и исторического влияния на образовательные традиции Беларуси,

не даст необходимого результата. Многие из указанных выше компетенций представляют собой сложный комплекс мотивационно-потребностных переменных, преломленных сквозь призму индивидуального и культурного опыта. По отношению к ним в Беларуси часто используется житейская психология, формирующая упрощенное и искаженное представление о детерминантах активности. Например, проявляются негативные установки в отношении специалистов психологического профиля, что может стать субъективным препятствием в конкурентном состязании на рынке труда.

Когнитивные искажения, на наш взгляд, являются существенным фактором снижения конкурентоспособности выпускников психологического профиля. Такие искажения могут приводить к неточности суждений, нелогичным интерпретациям или иррациональному поведению в широком смысле [7]. К числу наиболее часто встречающихся когнитивных искажений относят фундаментальную ошибку атрибуции [8], склонность к подтверждению [9], отклонение в сторону позитивного исхода [4], предвзятость подтверждения [7], эвристику наглядности [3], эвристику доступности [4]. Безусловно, список когнитивных искажений гораздо шире. Одна из наиболее частых закономерностей, касающихся этого феномена, напрямую связана с оценкой качеств личности в зависимости от определенного спектра социальных позиций (пол, возраст, место жительства и учебы, профессиональная и этническая принадлежность, особенности внешнего вида, а также наличие или отсутствие каких-либо качеств и особенностей, связанных с личностью, психикой, прогнозами будущего поведения и т. п.). Каждый субъект по мере социализации приобретает определенный опыт вынесения суждений по отношению к другим людям. Естественно, выпускники отделения психологии, у которых данные компетенции являются частью их профессиональной деятельности, могут вызывать смешанную и неоднозначную реакцию как у потенциальных работодателей, так и у прямых конкурентов на рынке труда. Кроме того, несмотря на научный и технический прогресс, в мире существует тенденция к упрощению бытовых представлений о психике, особенно если речь заходит о таких составляющих социальной жизни, как контроль и управление другими (социальный и трудовой менеджмент, управление впечатлением, формирование мотивации, психологический коучинг, психологическая помощь, манипуляция, воздействие и т. п.). Иллюзия простоты в реализации и отсутствие учета воздействия фасилитирующих социальных механизмов позволяют выносить необоснованные суждения о легкости и доступности психологических знаний и технологий для каждого, кто уделит достаточно времени выработке этих навыков. В результате на

передний план выходит не столько навык критически планировать деятельность с опорой на этические и профессиональные нормы деятельности психолога, сколько умение формировать первичное позитивное впечатление у работодателя.

На когнитивные искажения большое влияние оказывает существование в обыденном сознании устойчивых стереотипов, связанных как с профессией психолога, так и с личностными особенностями представителей данной профессиональной группы. Так, одно из известных заблуждений гласит о том, что в профессию психолога приходят с целью разрешить собственные психические (или психологические) проблемы. Это приводит к тому, что обладание определенным признаком (в данном случае – дипломом о высшем образовании по специальности «Психолог») актуализирует определенные ожидания в отношении кандидата на должность.

Другой стереотип, отрицательно влияющий на конкурентоспособность психолога, связан с популяризацией отдельных элементов психологического знания применительно к конкретным областям социальной жизни человека. Так, потенциальный работодатель может не понимать, для чего ему нужен специалист с психологическим образованием. Данный стереотип косвенно подкрепляется наличием в свободном доступе большого количества сокращенных обучающих программ, которые эксплуатируют такие узнаваемые категории как личностный рост, искусство убеждения, самопознание и т. п. При этом многие материалы не проходили проверки на соответствие критерию экологической валидности. Следствием этого является либо отказ от информации, не вписывающейся в картину мира заказчика, либо избирательное сужение информационного поля в обучающем курсе.

В обыденном сознании также присутствует иллюзорная корреляция¹ между возрастом и жизненным опытом по отношению к успешности в профессиональной деятельности, связанной с решением психологических задач в широком смысле. Вследствие этого молодой выпускник отделения психологии изначально оказывается в невыгодном положении при поиске работы по специальности и вынужден либо соглашаться на менее оплачи-

ваемую работу, либо ориентироваться на профессиональную реализацию в других сферах деятельности, где такого рода иллюзорные корреляции выражены не столь явно.

Студенты, обучающиеся по специальности «Психология», должны осознавать, что особый статус их будущей профессии может усложнять задачи дальнейшей деятельности в качестве психолога, и по возможности учитывать это при построении и планировании собственной карьеры.

Таким образом, можно утверждать, что традиционная экономическая модель оценки конкурентоспособности выпускников УВО и, в частности, отделения психологии имеет ряд особенностей, которые не позволяют осуществить объективную и всестороннюю оценку. Они отличаются сложностью получения количественных показателей, с помощью которых можно оценить кандидатов по значимым диагностическим критериям и, как следствие, высоким уровнем субъективизма (нередко переходящим в предвзятость) по отношению к представителям конкретных профессиональных групп. Ключевые компетенции, определенные Советом Европы, могут выступать источником повышения конкурентоспособности молодого специалиста на рынке труда. В то же время прямая оценка ряда обозначенных ключевых компетенций является затруднительной, поскольку они характеризуются различным содержательным объемом и затрагивают разные элементы личности и ее психики – начиная от системы технических навыков и заканчивая сложными мотивационно-потребностными комплексами, способными качественно изменяться под воздействием большого количества факторов.

Когнитивные искажения, которые опираются на присутствующие в повседневных представлениях заблуждения относительно профессии психолога, являются фактором, способным снизить конкурентоспособность выпускника отделения психологии в ситуации прямого сравнения с другими кандидатами на рынке труда. Данный факт становится более вероятным в случае, когда выпускник отделения психологии претендует на должность, компетенции которой выходят за рамки оказания исключительно психологических услуг и затрагивают смежные профессии.

Библиографические ссылки

1. Козлов А. В. Конкурентоспособность выпускника на рынке труда // Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления : сб. науч. ст. Вып. 7. СПб., 2009. С. 379–380.
2. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004.
3. Полоневич Т. Б. Адаптация выпускника ВУЗа к условиям рынка: проблема конкурентоспособности // Социология. 2011. № 2. С. 105–112.

¹ Феномен восприятия преувеличенной тесной связи между переменными, которой в реальности либо не существует, либо она гораздо меньше, чем предполагается.

4. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков, 2005.
5. Санникова С. В., Письменный Е. В. Ключевые компетентности личности в контексте Болонского процесса // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Образование и пед. науки. 2009. № 24. С. 57–62.
6. Ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни – европейские рамочные установки // Адукатар. 2008. № 1. С. 14–18.
7. Bless H., Fiedler K., Strack F. Social cognition: How individuals construct social reality. New York, 2004.
8. Jermias J. Cognitive dissonance and resistance to change: The influence of commitment confirmation and feedback on judgement usefulness of accounting systems // Account. Organ. Soc. 2001. № 26. P. 141–160.
9. Jones E., Harris V. The attribution of attitudes // J. Exp. Soc. Psychol. 1967. Vol. 3, issue 1. P. 1–24.

References

1. Kozlov A. V. [Competitiveness of the graduate in the labor market]. *Global'nyi ekonomicheskii krizis: realii i puti preodoleniya* : sb. nauchnykh statei. Issue 7. Saint Petersburg, 2000. P. 379–380 (in Russ.).
2. Zimnyaya I. A. [Key competences as a result-oriented basis of the competence approach in education]. Moscow, 2004 (in Russ.).
3. Polonevich T. B. [Adaptation of a university graduate to market conditions: the problem of competitiveness]. *Sotsiologiya*. 2011. No. 2. P. 105–112 (in Russ.).
4. Kahneman D., Slovik P., Tverski A. [Decision making in uncertainty: rules and prejudices]. Kharkiv, 2005 (in Russ.).
5. Sannikova S. V., Pismennyj E. V., Tverski A. Personal key competences in the context of Bologna process. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Obraz. i pedagog. nauki* [Bull. South. Ural. State Univ. Ser. Educ. Pedag.]. 2009. No. 24. P. 57–62 (in Russ.).
6. [Key competencies for lifelong learning – European frameworks]. *Adukatar*. 2008. No. 1. P. 14–18 (in Russ.).
7. Bless H. Social cognition: How individuals construct social reality. New York, 2004.
8. Jermias J. Cognitive dissonance and resistance to change: The influence of commitment confirmation and feedback on judgement usefulness of accounting systems. *Account. Organ. Soc.* 2001. No. 26. P. 141–160.
9. Jones E. The attribution of attitudes. *J. Exp. Soc. Psychol.* 1967. Vol. 3, issue 1. P. 1–24.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2017.
Received by editorial board 15.04.2017.

Методы психологических исследований

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

УДК 159.9.07:37.013.77:316.356.2

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПОМОЩИ ПРОЕКТИВНОЙ МЕТОДИКИ «ТРИ ДЕРЕВА»

Е. А. ЛУПЕКИНА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Рассматривается проблема диагностики детско-родительских отношений с помощью проективной методики «Три дерева». Подробно описана процедура проведения данной методики. Детально проработаны задачи исследования: установление объектной направленности идентификации ребенка и стадии развития объектных отношений. Приведены конкретные примеры, проанализированы признаки рисунков.

Ключевые слова: тест «Три дерева»; детско-родительские отношения; идентификация; триангуляция.

DIAGNOSTICS OF CHILD-PARENT RELATIONS USING PROJECTIVE THE METHOD «THREE TREES»

A. A. LUPEKINA^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University, Savieckaja Street, 104, 246019, Gomel, Belarus

The article is devoted to the problem of diagnostics of child-parent relationship using the projective method «Three trees». The detailed procedure of the method «Three trees». Detailed objectives of the study: establishing object orientation

Образец цитирования:

Лупекина Е. А. Возможности изучения детско-родительских отношений при помощи проективной методики «Три дерева» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. Психология. 2017. № 3. С. 116–123.

For citation:

Lupekina A. A. Diagnostics of child-parent relations using projective the method «Three trees». *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 116–123 (in Russ.).

Автор:

Елена Александровна Лупекина – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии факультета психологии и педагогики.

Author:

Alena A. Lupekina, PhD (psychology); associate professor at the department of psychology, faculty of psychology and pedagogics.
lupekina@mail.ru

identification of the child and stage of development of object relations. Specific examples and analyzes the characteristics of drawings.

Key words: test of «Three trees»; parent-child relations; identification; triangulation.

Проективная экспрессивная методика «Три дерева» в рисуночной форме впервые была предложена швейцарским психотерапевтом Р. Горбоцем [1]. Данный тест предназначен для диагностики отношений ребенка с окружающими, анализа их структуры и выражения. Речь в основном приеме метода идет не о том, что ребенок подписывает деревья, а о том, что он изначально по собственной инициативе одушевляет рисунок, базируясь на тесных взаимосвязях между человеком и деревом. Таким образом ребенок проецирует человеческие качества на дерево, неосознанно представляя себя и близких людей, например членов семьи или друзей, в виде трех уникальных деревьев. От обычного теста «Дерево» (по К. Коху), пишет К. Васер [2], тест «Три дерева» отличается меньшим количеством формальных признаков. Последние, по мнению К. Коха, необходимы для того, чтобы получить детальное представление об отражаемой в этом дереве личности художника. Тем не менее для К. Васера более информативным является положение деревьев по отношению друг к другу. Как считает исследователь, важно изучить отношения между деревьями. Внимание ученого направлено как на пространственное расположение всех деревьев, так и на месторасположение и размер одного дерева на альбомном листе. Также следует обратить внимание на сходства и различия трех деревьев касательно их вида, оформления и украшений. При этом не должен игнорироваться и общий вид рисунка, так как отдельные оценки не всегда тождественны последующему суммарному анализу данных [2, с. 16].

Таким образом, можно отметить, что методика «Три дерева» по своей структуре является модификацией проективного теста «Дерево», разработанного К. Кохом. Данная методика отвечает таким признакам, как проективность, символизм, объектность, и относится к числу психоаналитически ориентированных.

Методика возникла в результате не теоретических соображений, а случайного наблюдения Р. Горбоца за школьниками. Накануне Дня матери им предложили нарисовать деревья, большинство изобразили три дерева, которые ярко характеризовали их взаимоотношения с родителями. Таким образом дети интуитивно отражали особенности внутрисемейных взаимоотношений [2, с. 18–19].

Дерево, выступающее символом личности, соответствует древним представлениям о том, что люди произошли от растений. В глубинной психологии К. Г. Юнга дерево также трактуется как символ лич-

ности. Речь идет о дереве как об архетипическом символе. Среди рисунков пациентов, опубликованных К. Г. Юнгом, имеются изображения, которые позволяют узнавать наполовину скрытый человеческий образ в дереве [2, с. 21].

Немецкий психотерапевт Э. Клессманн разработала тест «Три дерева» в контексте Кататимно-имажинативной психотерапии (символдрамы) [3]. В последние годы российскими специалистами ведется работа по адаптации и развитию методики «Три дерева» в диагностической и психокоррекционной работе с детьми и подростками [4].

Под руководством К. Васера был проведен ряд психометрических процедур по выявлению критериев валидности и надежности методики. Выборка проводилась из трех групп детей: в возрасте 5, 8 и 11 лет. Было установлено, что коэффициент надежности равен 0,89 при стандартном отклонении 0,067 [2, с. 102].

В ходе проведения методики ребенку предлагается нарисовать цветными карандашами три любых дерева. Затем осуществляется опрос, который позволяет выявить особенности каждого из деревьев, т. е. то, какими их видит ребенок. Спустя время исследователь возвращается к рисунку и просит реципиента сравнить деревья с членами семьи [3].

В данной методике важно то, что изначально перед опрашиваемым не ставится задача сравнивать деревья с близкими людьми, как это практикуется в других аналогичных тестах (например, в задании сравнить каждого члена семьи с каким-либо животным). Э. Клессманн рекомендует сначала предложить ребенку нарисовать на одном горизонтальном расположенном листе бумаги три каких-либо дерева и лишь затем сравнить их с членами семьи. Таким образом удастся частично обойти «цензуру», препятствующую проникновению бессознательного материала в сознание. По наблюдениям Э. Клессманн, при просьбе изобразить родителей в виде какого-либо животного или дерева дети часто приукрашивают выбираемый образ из-за определенной лояльности. Иногда происходит даже блокировка появления соответствующей ассоциации [3].

В ходе проведения теста «Три дерева» ребенку предлагалось ответить на ряд вопросов. Приведем некоторые из них:

- 1) какое дерево самое большое/маленькое?
- 2) какое дерево больше всего нравится?
- 3) какое дерево самое молодое/старое (взрослое)?
- 4) какое дерево самое красивое?
- 5) у какого дерева самые крепкие/слабые корни?

6) у какого дерева самая пышная/бедная крона?

7) у какого дерева самая толстая/тонкая (чувствительная) кора?

Качественный анализ рисунка проводился по следующим признакам: размер деревьев, возраст, корни, крона и кора. Особое внимание уделялось тому, кого из членов семьи изобразил ребенок, как в пространстве располагаются деревья по отношению друг к другу, какое место занимает рисунок на альбомном листе.

При применении методики «Три дерева» К. Вассер дополнительно использовал формализованную анкету, позволяющую упорядочить признаки, по которым анализировались рисунки [2]. Перечень этих признаков во многом опирается на особенности, выделенные еще К. Кохом для теста «Дерево», и позволяет установить степень сходства между деревом ребенка и деревом матери или отца. Таким образом можно получить не только качественный анализ рисунка, но и количественное выражение признаков, свидетельствующих об идентификации ребенка с одним из родителей¹.

Для анализа рисунка были выделены наиболее часто встречающиеся признаки сходства между деревьями:

1) расположение деревьев по отношению друг к другу. Так, например, ребенок рисует свое дерево ближе к дереву одного из членов семьи или на одном уровне с ним;

2) пропорции дерева. Соотношение ствола и кроны детского дерева может соответствовать пропорциям дерева другого члена семьи;

3) крона дерева. Набор признаков детского дерева, которые соответствуют признакам дерева другого члена семьи: форма кроны, ее пропорции, оформление краев и «скелета», тип ветвей;

- 4) ствол дерева. Набор признаков характеризует форму ствола, его основание, контур, поверхность;
- 5) способ рисования линий.

Проективная методика «Три дерева» может быть использована для изучения идентификации ребенка с родителями. Она позволяет установить объектную направленность идентификации ребенка, т. е. с кем именно из родителей или других членов семьи идентифицирует себя реципиент.

Приведем несколько рисунков детей, наглядно изображающих результаты тестирования. Восемилетняя девочка на рис. 1 изобразила дерево матери (в центре) и свое дерево (справа) со схожими расположением и направленностью, а также цветом и контуром крон. В то же время дерево ребенка является автономным по отношению к деревьям родителей и имеет свой уникальный характер изображения. На наш взгляд, в данном случае можно сделать вывод об адекватной объектной идентификации девочки с матерью. На рис. 2 представлен благополучный вариант идентификации дерева мальчика в возрасте 11 лет (в центре) с деревом отца (справа).

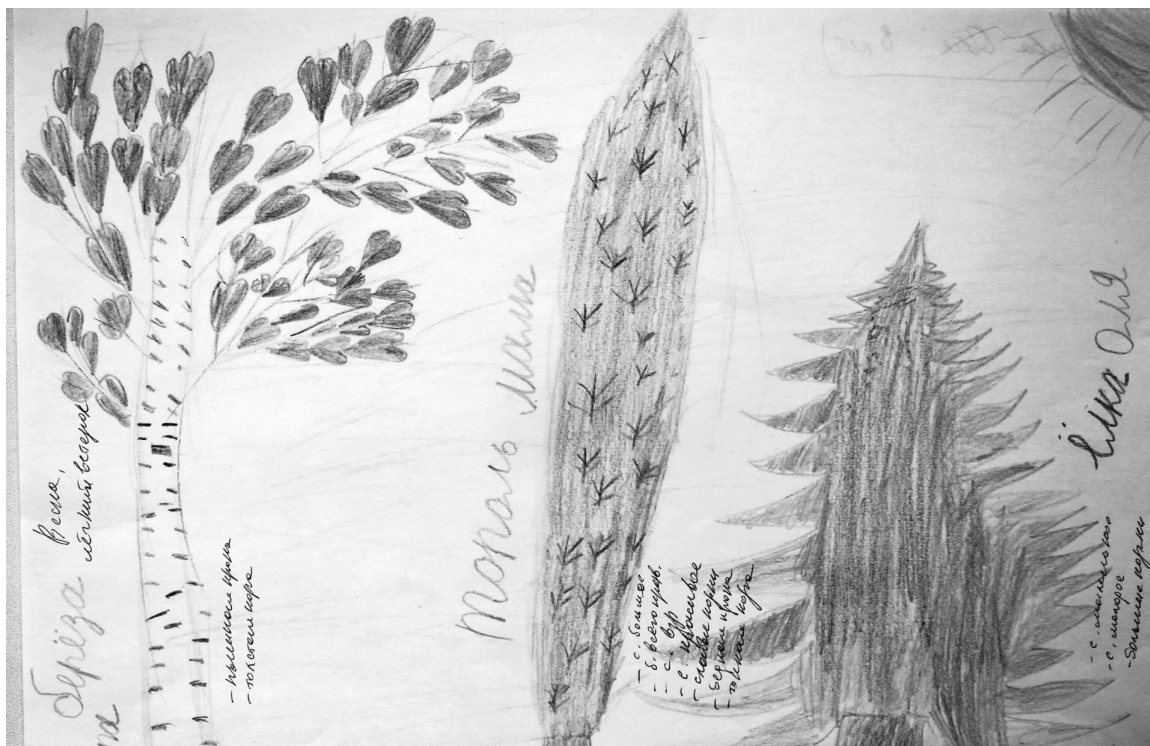

Рис. 1. Девочка: идентификация с мамой
Fig.1. Girl: identification with the mother

¹Перевод анкеты К. Васера и использованная в методике формализация элементов рисунка представлены в конце статьи.

Рис. 2. Мальчик: идентификация с отцом
Fig. 2. Boy: the identification with the father

С помощью методики «Три дерева» можно предположить, на какой стадии объектных отношений – диадной или триадной (в соответствии с теорией триангуляции¹) – находится ребенок [5]. Симбиотическое слияние дерева ребенка с деревом матери является признаком стадии диадных объектных отношений. Так, на рис. 3 девочка в возрасте 10 лет представляет деревья матери и ребенка единым целым (в центре). Девочка уже находится в латентной стадии развития, и такая ситуация может сигнализировать о торможении процесса эволюции объектных отношений и фиксации на более ранней стадии развития.

В исследовании О. В. Залесской отмечается, что симбиотическая связь матери и ребенка нарушает идентичность последнего. Ребенок независимо от половой принадлежности не отделяет себя от матери, их образы тела слиты в одно, желания ребенка не дифференцированы, у него отсутствует представление о себе как о самостоятельном человеке, выражена эмоциональная и физиологическая зависимость от родителя. Из этого вытекают трудности в установлении собственной идентичности ребенка и развитии таких личностных качеств, как самостоятельность, эмоциональная зрелость.

Кроме того, по рис. 3 можно сделать предположение о чрезмерном давлении на жизнь семьи со стороны отца: дерево отца (слева) занимает больше половины площади рисунка. Также наблюдается некоторое преобладание всего маскулинного над феминным в контексте внутрисемейных отношений: дерево брата и дерево отца находятся по обе стороны рисунка и перекрывают крону деревьев матери и девочки, лишая их свободного пространства.

Пример развития триадных объектных отношений – рис. 4. Изображено (в центре) автономное дерево ребенка – 10-летней девочки. При этом очевидны признаки сходства дерева ребенка с деревом отца (справа), что может свидетельствовать о конфликтной идентификации девочки с матерью.

Наиболее очевидные проблемы в отношениях ребенка и родителей прослеживаются на рис. 5. При общем схожем способе изображения дерева ребенка (справа) и деревьев родителей очевиден депрессивный фон окружения дерева ребенка. Степень самооценности собственного Я и значимости его для родителей подвергается сомнению. Подчеркнутое дистанцирование (вертикальная черта, отгораживающая дерево ребенка), свидетельствует об ограничении эмоционального контакта мальчика (9 лет) с родителями.

¹Концепция отношений трех личностей: мать – ребенок – отец.

Рис. 3. Симбиотическая связь ребенка и матери
Fig. 3. The symbiotic relationship between baby and mother

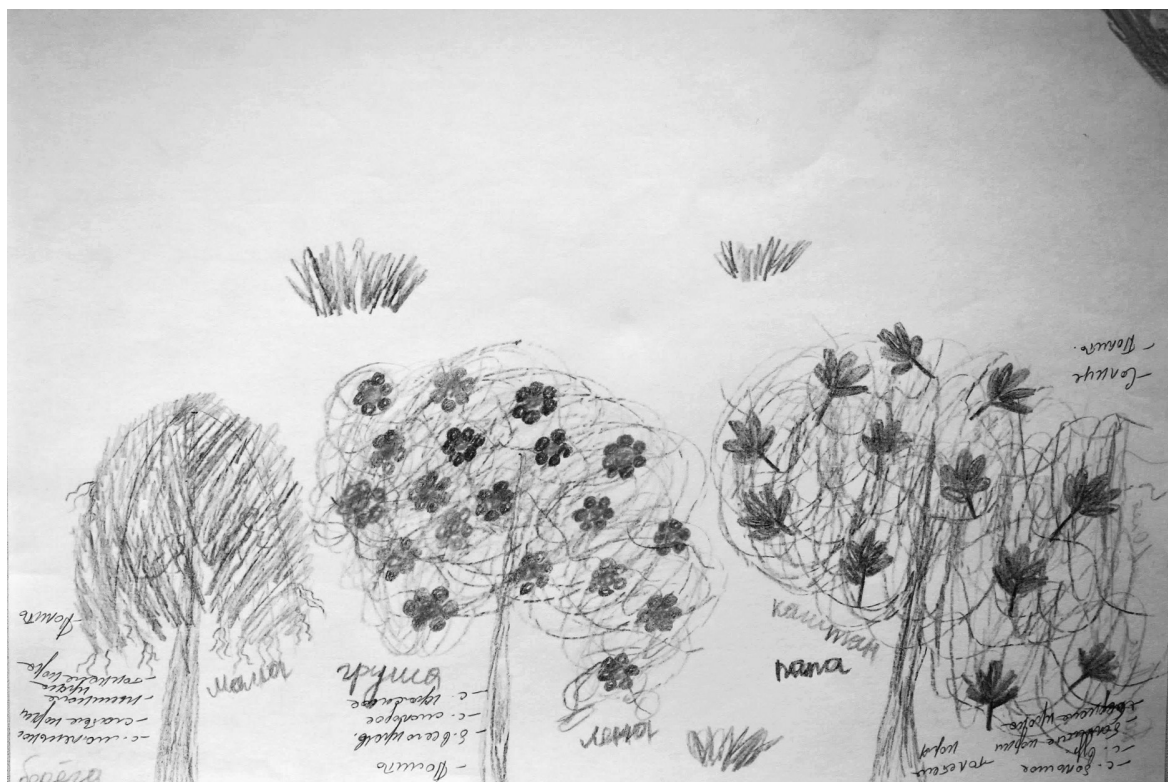

Рис. 4. Девочка: идентификация с отцом
Fig. 4. Girl: identification with the father

Рис. 5. Эмоциональное дистанцирование ребенка от родителей
Fig. 5. The emotional distancing of the child from the parents

В заключение отметим, что, учитывая множественность детерминации, многозначность, многоплановость и амбивалентность символа, мы не можем делать однозначных выводов на основании только одного конкретного рисунка. Интерпрета-

ция допускается на уровне гипотезы, степень вероятности которой в последующем будет повышаться либо понижаться в ходе интерпретации других рисунков и анализа истории жизни и актуальной личностной ситуации человека.

Анкета к тесту «Три дерева» (по К. Васеру)

А) Относительное расположение деревьев друг к другу

1. Отрадите относительное пространственное расположение деревьев на рисунке по отношению друг к другу на этой координатной сетке, обозначая дерево ребенка как Д-Ре, дерево матери – Д-М, дерево отца – Д-О и располагая эти обозначения в поле, соответствующем основанию настоящего дерева.

Б) Краткий перечень составных элементов

2. Подпирается колом или другими дополнениями¹:

- а) дерево ребенка;
- б) дерево матери;
- в) дерево отца.

3. Имеет украшения и дополнения крона²:

- а) дерева ребенка;
- б) дерева матери;
- в) дерева отца.

4. С листвой изображено:

- а) дерево ребенка;
- б) дерево матери;
- в) дерево отца.

5. С одной или несколькими ранами и одной или несколькими обрубленными ветками изображено:

- а) дерево ребенка;
- б) дерево матери;
- в) дерево отца.

6. Обозначены чертой корни:

- а) дерева ребенка;
- б) дерева матери;
- в) дерева отца.

¹ Качели, изгородь и т. д.

² Особенная листва, плоды, цветы, почки, птицы, скворечники и т. д.

7. В виде двух линий изображены корни:

- а) дерева ребенка;
- б) дерева матери;
- в) дерева отца.

8. Особенно спутанное изображение кроны¹:

- а) материнского дерева в противоположность дереву ребенка;
- б) отцовского дерева в противоположность дереву ребенка.

9. Без структуры изображена крона:

- а) дерева матери в противоположность дереву ребенка;
- б) дерева отца в противоположность дереву ребенка.

В) Сравнение отдельных деревьев

10. Чрезвычайно большего пространства требует:

- а) дерево ребенка, чем ...
- б) дерево матери, чем ...
- в) дерево отца, чем ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

11. Пропорции (соотношение ствола и кроны):

- а) дерева ребенка соответствуют ...
- б) дерева матери соответствуют ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

12. Тот же вид дерева выбран:

- а) для дерева ребенка, как и для ...
- б) для дерева матери, как и для ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

13. С помощью изобразительных средств или пространственного разделения деревьев²:

- а) дерево ребенка отделяется от ...
- б) дерево матери отделяется от ...
- в) дерево отца отделяется от ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

14. За счет диффузного оформления контура:

- а) дерево ребенка поднимается над ...
- б) дерево матери поднимается над ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

15. «Жизненное пространство»:

- а) дерева ребенка ограничивается ...
- б) дерева матери ограничивается ...
- в) дерева отца ограничивается ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

16. Форма кроны³:

- а) дерева ребенка соответствует ...
- б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

17. Пропорции кроны (ширина, высота):

- а) дерева ребенка соответствуют ...
- б) дерева матери соответствуют ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

18. Оформление краев кроны⁴:

- а) дерева ребенка соответствует ...
- б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

19. Оформление «скелета» ветвей⁵:

- а) дерева ребенка соответствует ...
- б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

20. Тип ветвей⁶:

- а) дерева ребенка соответствует ...
- б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

21. Форма ветвей⁷:

- а) дерева ребенка соответствует ...
- б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

22. Ветви стремятся:

- а) от дерева ребенка в направлении к ...
- б) от дерева матери в направлении к ...
- в) от дерева отца в направлении к ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

¹ Ветви в спутанном положении, например с пересечениями и встречными движениями.

² С помощью улицы, живой изгороди или ручья.

³ Крона в виде шара, арки, мешка, каракулей, кудрей, столба дыма, крона со сплющиванием, с пустыми местами, волнистая крона и т. д. (по К. Коху).

⁴ Открытая к окружающему миру крона, проницаемая или замкнутая крона и т. д.

⁵ Расположение ветвей (координация): прогрессирующее, ниспадающее, концентрическое, параллельное, гармоничное, дисгармоничное, со встречными движениями и т. д. (по К. Коху).

⁶ Линии, перпендикулярные трубы, углы и т. д. (по К. Коху).

⁷ Деформированные, отпиленные, сгущенные, затянутые, толстые, тонкие ветви, ветви, становящиеся более толстыми или тонкими, с остро выбегающими или тупыми концами (по К. Коху).

23. Ветви:
а) дерева ребенка стремятся прочь от ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

б) дерева матери стремятся прочь от ...

в) дерева отца стремятся прочь от ...

24. Ветви (крона):
а) дерева ребенка переплетаются¹ с ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

б) дерева матери переплетаются с ...

25. Зрительно центр тяжести кроны²:

Д-Ре	Д-М	Д-О

а) дерева ребенка смещен в направлении ...

б) дерева матери смещен в направлении ...

в) дерева отца в направлении ...

26. Зрительно центр тяжести кроны:

Д-Ре	Д-М	Д-О

а) дерева ребенка повернут от ...

б) дерева матери повернут от ...

в) дерева отца повернут от ...

27. Форма ствола³:

а) дерева ребенка соответствует ...

б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

28. Основание ствола⁴:

а) дерева ребенка соответствует по форме ...

б) дерева матери соответствует по форме ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

29. Контур ствола⁵:

а) дерева ребенка соответствует ...

б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

30. Поверхность ствола⁶:

а) дерева ребенка оформлена точно так же, как и ...

б) дерева матери оформлена точно так же, как и ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

31. Способ рисования линий⁷:

а) дерева ребенка соответствует ...

б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

32. Характер рисования линий⁸:

а) дерева ребенка соответствует ...

б) дерева матери соответствует ...

Д-Ре	Д-М	Д-О

Библиографические ссылки

1. Gorboz R. J., Gnos P. U. Der Dreibaumtest in der Volksschule // Acta Paedopsychiatrica. 1980. Vol. 46. S. 83–92.
2. Waser C. Der Dreibaumtest: ein projektiver Zeichentest zur Beziehungsdiagnostik: Handanweisung. Frankfurt am Main, 2000.
3. Klessmann E. Das Katathyme Bilderleben als Spiegel gestörter Familienbeziehungen bei Kindern und Jugendlichen // Leuner H. Katathymes Bilderleben. Ergebnisse in Theorie und Praxis. Bern, 1990. S. 217–346.
4. Обухов Я. Л. Символдрама: кататимно-имажинативная психотерапия детей и подростков. М., 1997.
5. Фридрих Е. Триангуляция / пер. Я. Л. Обухова // Психоаналит. вестн. 1998. № 6. С. 14–19.
6. Залеская О. В. Изучение особенностей образа тела у ребенка с психосоматическим заболеванием в контексте его внутрисемейных отношений при помощи проективного метода «Три дерева» // Психология и школа. 2003. № 4. С. 9–20.

References

1. Gorboz R. J., Gnos P. U. Der Dreibaumtest in der Volksschule [Test «Three trees» in primary school]. ACTA Paedopsychiatrica. 1980. Vol. 46. P. 83–92 (in Ger.).
2. Waser C. Der Dreibaumtest: ein projektiver Zeichentest zur Beziehungsdiagnostik: Handanweisung [Test «Three trees»: a projective drawing test for diagnosis: test instruction]. Frankfurt am Main, 2000 (in Ger.).
3. Klessmann E. Das Katathyme Bilderleben als Spiegel gestörter Familienbeziehungen bei Kindern und Jugendlichen [The catathymic life as mirrored family relationships with children and adolescents]. In: Leuner H. Katathymes Bilderleben. Ergebnisse in Theorie und Praxis. Bern, 1990. P. 217–346 (in Ger.).
4. Obukhov J. L. [Symbol drama: catathymic-imaginative psychotherapy of children and adolescents]. Moscow, 1997 (in Russ.).
5. Friedrich E. [Triangulation]. Psikhoanaliticheskiy vestnik. 1998. No. 6. P. 14–19 (in Russ.).
6. Zaleskaya O. V. [The study of features of body image in children with psychosomatic-balabanian in the context of his family relations with the help of a projective method «Three trees»]. Psikhologiya i shkola. 2003. No. 4. P. 9–20 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.07.2017.
Received by editorial board 27.07.2017.

¹ Сцеплены, усложняют друг друга, пересекаются.

² Находится в равновесии, если соотношение правой и левой частей кроны приблизительно 1:1. Если одна часть кроны шире, чем другая, нас интересует вопрос, в каком направлении она смещена (по К. Коху).

³ Одной линией, трубкой, параллельные линии, Т-образный, в виде кегли и т. д. (по К. Коху).

⁴ Расширяется вправо, влево, имеет двустороннее расширение, ограничение снизу и т. д. (по К. Коху).

⁵ Волнистый, диффузный, прерванный, одна сторона в виде сплошной линии (по К. Коху).

⁶ Закрашена в темный цвет, оттененная поверхность справа или слева, пятнистая кора, кривые или угловатые трещины и т. д. (по К. Коху).

⁷ Конечные, непрерывные, неуверенные, прерывистые линии.

⁸ С нажимом или без нажима, тонкие или толстые линии.

25-я МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЛИМПИАДА ПО ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

25th INTERNATIONAL PHILOSOPHY OLYMPIAD FOR PUPILS

Юбилейная, 25-я, Международная олимпиада по философии для школьников состоялась 25–28 мая 2017 г. в г. Роттердаме (Нидерланды). Она ежегодно проводится Международной ассоциацией философских обществ при поддержке ЮНЕСКО, включает в себя большое количество различных культурно-образовательных мероприятий и призвана содействовать популяризации философии в рамках школьной программы. Основной темой олимпиады в этом году стала толерантность.

Юбилейная международная олимпиада собрала рекордные 45 стран-участниц из Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Для белорусской делегации это уже четвертая олимпиада. Работы белорусских участников были отмечены дипломами с похвальным отзывом в 2015 и 2016 гг.

В работе жюри участвовали педагоги из Беларуси: кандидат философских наук доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Андрей Юрьевич Дудчик и кандидат исторических наук преподаватель обществоведения в Лицее БГУ Надежда Васильевна Кушнер. Также Беларусь представляли лицеисты БГУ Ирина Кузякова (11-й класс) и Анастасия Каширская (10-й класс). Они одержали победу в рамках национальной олимпиады по философии 2016 г., которая проходила на базе факультета философии и социальных наук БГУ в ноябре – декабре 2016 г.

Соревновательная часть олимпиады представлена конкурсом эссе. По условиям этого этапа каждый участник должен выбирать для комментирования и последующего философского осмысления одно из четырех предложенных организаторами высказываний мыслителей древности или современности, представляющие разные культуры

и философские школы. В этом году все предложенные фрагменты затрагивали разные аспекты темы толерантности, представленные в осмыслении нидерландского философа Б. Спинозы, немецкого представителя социально-критической теории Г. Маркузе, одного из наиболее известных японских философов прошедшего столетия И. Томонобу и нашей современницы специалиста в области этики, права и истории философии М. Нуссбаум из США. На написание эссе, как правило, отводится четыре часа, оно должно быть изложено на одном из четырех языков (английском, французском, немецком или испанском). При этом язык написания эссе в обязательном порядке должен являться для участника иностранным. Это сделано для того, чтобы уравнивать шансы участников из разных стран и в то же время стимулировать интерес к изучению других языков и культур. Рабочим языком олимпиады является английский, на котором обычно и пишется большинство работ.

В рамках олимпиады проводится также ряд лекций, семинаров, дискуссий, которые объединены общей темой: история теории и практики толерантности, ее различные концепции, толерантность и вопросы справедливости и т. д.

Более подробную информацию о прошедшей олимпиаде можно получить на официальном сайте мероприятия¹.

Следующая олимпиада по философии для школьников состоится в г. Бар (Черногория) в мае 2018 г. Общая информация о конкурсе и рекомендации по подготовке доступны на сайте философии и социальных наук БГУ в разделе «Философия для школьников».

А. Ю. Дудчик,
доцент

¹ International Philosophy Olympiad. May 25–28. ROTTERDAM. The Netherlands. URL: <http://www.ipo2017.nl/> (date of access: 18.05.2017).

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED AT BSU

УДК 159.91(075.8)

Сятковский В. А. Психофизиология [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)», направление специальности 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)» / В. А. Сятковский, Л. А. Азарова ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 125 с. : табл. Библиогр.: с. 125. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/169845>. Загл. с экрана. Деп. 24.03.2017, № 001824032017.

Пособие содержит краткий конспект лекций. Вместе с программой дисциплины, контрольными вопросами и списком практических работ образует учебно-методический комплекс. Адресуется студентам специальности «Социальная работа» по направлению «социально-реабилитационная деятельность» Государственного института управления и социальных технологий БГУ.

УДК 130.2:8+821(100).09-145

Поваляев С. А. Философия поэзии [Электронный ресурс] : очерки, дискуссии, философская поэзия / С. А. Поваляев ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 109 с. Библиогр.: с. 107–109. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173278>. Загл. с экрана. Деп. 01.06.2017, № 004301062017.

Сборник представляет собой исследование вопросов схожести и различия философии и поэзии как особых видов творческой деятельности. Материал изложен в виде очерков, дискуссий и образцов философской лирики от Древнего Востока и Античности до современности. Представляет интерес для широкого круга специалистов (философов, литературоведов, культурологов), аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных специальностей вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Бабосов Е. М.</i> Социокультурная обусловленность развития социальных сетей	4
<i>Оргии В. П.</i> Постиндустриальное будущее Беларуси: угрозы и императивы	12
<i>Доброродный Д. Г.</i> Проект философии информации Лучано Флориди.....	18
<i>Екадумов А. И.</i> Этические препятствия кросс-культурной коммуникации в глобальном обществе ..	23
<i>Колядко И. Н.</i> Культурная традиция как фактор устойчивого развития в эпоху глобальной нестабильности.....	28

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Сидоренко И. Н.</i> Революция как «шок» истории: философско-историческая концепция В. Бенямина	35
<i>Верещако А. И.</i> Проблема онтологического статуса техники в концепциях О. Шпенглера и Ж. Симондона.....	40

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Романов О. А.</i> Парадигмальные основания хозяйственной жизни как фактор конституирования цивилизационной идентичности восточнославянского мира	45
<i>Павлова Е. Г.</i> Социологический обзор смысложизненных ориентиров современной личности ..	52
<i>Мисун Е. Н.</i> Коммуникационная политика органов внутренних дел Республики Беларусь: перспективы развития	57

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Одиноченко В. А.</i> Религиоведение в современной Беларуси: проблема смены картины мира....	63
<i>Карасёва С. Г., Шкурова Е. В., Плавник Н. К.</i> Обстоятельства религиозного обращения и мотивы альтруистического поведения последователей православия: особенности взаимосвязи (по данным исследования «Типология религиозности в современной Беларуси»).....	68

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Поликарпов В. А.</i> Время в теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна	76
<i>Вайнштейн Л. А.</i> Информационные факторы психологического влияния визуальной рекламы на потребителя	79

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Джиги Н. Д.</i> Кластерный анализ конкурентоспособности, самосовершенствования и самореализации потенциалов созидания	86
<i>Астрейко Н. С.</i> Взаимосвязь психологических характеристик водителей и стиля вождения автомобиля	92
<i>Хонский С. И.</i> Половые различия содержательных и структурных характеристик эмоционального интеллекта в период юности.....	96

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Шостак Л. А., Фурманов И. А.</i> Ревность в триадических дружеских отношениях.....	103
<i>Солодухо А. С., Фофанова Г. А.</i> Проблема конкурентоспособности молодых специалистов-психологов	110

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Лупекина Е. А.</i> Возможности изучения детско-родительских отношений при помощи проективной методики «Три дерева»	116
---	-----

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Дудчик А. Ю.</i> 25-я Международная олимпиада по философии для школьников	124
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	125

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Babosov E. M.</i> Socio-cultural conditionality of social network development	4
<i>Orgish V. P.</i> Post-industrial future of Belarus: threat and imperatives	12
<i>Dabrarodni D. G.</i> Luciano Floridi's project of the philosophy of information	18
<i>Ekdumov A. I.</i> Ethical obstacles of cross-cultural communication in global society	23
<i>Kolyadko I. N.</i> The cultural tradition as a factor of sustainable development in an era of global instability	28

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Sidorenko I. N.</i> Revolution as a «shock» of history: philosophical-historical concept of W. Benjamin.	35
<i>Verashchaka A. I.</i> The issue of the ontological status of technology in the concepts of O. Spengler and G. Simondon	40

SOCIAL RESEARCHES

<i>Romanov O. A.</i> Paradigmatic basis of economic life as a factor of constituting of civilizational identity of the East Slavic world	45
<i>Paulava K. G.</i> Sociological relieve of modern human being life-sense orientations.....	52
<i>Misun E. N.</i> Communication policy of the internal affairs bodies Republic of Belarus: prospects of development.....	57

RELIGIOUS STUDIES

<i>Adzinoshanka V. A.</i> Religion in the modern Belarus: the problem of the change of the picture of the world.....	63
<i>Karassyova S. G., Shkurova E. V., Plaunik N. K.</i> Circumstances of religious conversion and motives for altruistic behaviour of the adepts of Orthodoxy: features of interrelation (based on the study «Typology of religiosity in the modern Belarus»)	68

GENERAL PSYCHOLOGY

<i>Polikarpov V. A.</i> Time in the theory of the psychic as a process S. L. Rubinstein.....	76
<i>Vainshtein L. A.</i> Information psychological factors the impact of visual advertising on consumer	79

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Juha N. D.</i> Cluster analysis of competitiveness, self-improvement and self-creation potential.....	86
<i>Astreika N. S.</i> The relationship of psychological characteristics of drivers and driving style.....	92
<i>Khonski S. I.</i> Sex differences in content and structural characteristics of emotional intelligence in the period of adolescence	96

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Shostak L. A., Fourmanov I. A.</i> The jealousy in the triadic relations of friendship.....	103
<i>Saladukha A. S., Fofanova G. A.</i> The problem of competitiveness of young professional psychologists ..	110

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

<i>Lupekina A. A.</i> Diagnostics of child-parent relations using projective the method «Three trees»	116
---	-----

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Dudchik A. J.</i> 25 th International philosophy olympiad for pupils	124
Indicative abstracts of the papers deposited at BSU.....	125

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 3. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.
До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы О. А. Бабашова, О. Л. Диброва
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректоры К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль

Подписано в печать 02.10.2017.
Тираж 100 экз. Заказ 600.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 3. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.
Correspondence address: Kalvaryjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.
Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors O. A. Babashova, O. L. Dibrova
Technical editor T. A. Karanevich
Proofreaders K. B. Skakun, L. A. Merkul'

Signed print 02.10.2017.
Edition 100 copies. Order number 600.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čyrvonaarmiejskaja Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017